

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ

Энергия
ПОДВЛАСТНА
НАМ

Трудрезервиздат

1951

Валентин Дмитриевич Иванов
Энергия подвластна нам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160784

Иванов В. Энергия подвластна нам: Трудрезервиздат; М.; 1951

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Глава первая	10
Глава вторая	26
Глава третья	40
Глава четвёртая	57
Глава пятая	71
Глава шестая	81
Глава седьмая	97
Глава восьмая	109
Глава девятая	118
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	134
Глава первая	135
Глава вторая	148
Глава третья	152
Глава четвёртая	166
Глава пятая	184
Глава шестая	197
Глава седьмая	211
Глава восьмая	226
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	247
Глава первая	248
Глава вторая	262
Глава третья	276

Глава четвёртая	291
Глава пятая	297
Глава шестая	309
Глава седьмая	313
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ	330
Глава первая	331
Глава вторая	345
Глава третья	363
Глава четвёртая	379
Глава пятая	395
Глава шестая	403
Глава седьмая	415
ЭПИЛОГ	428

Валентин Иванов

ЭНЕРГИЯ

ПОДВЛАСТНА НАМ

Научно-

фантастический роман

Валентин Иванов

Энергия

ПОДВЛАСТНА

НАМ

научно-фантастический
роман

ВСЕСОЮЗНОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Трурезервиздат

МОСКВА

1951

ЭНЕРГИИ, энергии, энергии! Ещё и ещё! Сколько ни зарабатывается энергии, её всё же мало человеку!

Нет предела потребности в свете, в тепле, в движущей силе! Сколько ни дают тока электростанции, сколько ни дают тепла бесчисленные котлы и печи, сколько ни крутят колёс неисчислимы моторы, – всего этого мало. Мало сегодня, но завтра понадобится в два раза больше, а послезавтра – в четыре.

Можно ли ограничивать людей в свете, в тепле, в движе-

нии? Конечно, нет! Сгущённую силу Солнца накопила мать-Земля в далёкие эпохи своей молодости для нас, её детей. Будем же черпать и черпать из этих запасов и тратить их щедро, потому что щедр тот, кто осознал свою силу и верит в своё будущее.

Но надолго ли хватит драгоценных источников энергии? На одно столетие, на два, на три?

Велики, но не бесконечны запасы нефти и угля.

И вот уже звучит за океаном наглая проповедь человеко-ненавистников:

«Слишком много людей, слишком много! Мир беден и тесен. Смиритесь, склонитесь перед судьбой. Поставьте предел размножению человеческой плесени. Нужны войны, нужны болезни – да царят над миром пушки и чума! Только мы знаем, кто имеет право на жизнь, и у кого это право нужно отнять...»

Эти голоса громки, так громки, что не слышать их нельзя. Это голоса старого мира, мира насилия и расточительства. Это голоса поджигателей войны.

Нет границ достижениям человечества, неисчерпаемы для него земные богатства. Грандиозные, ещё почти не тронутые источники энергии хранятся в падающей воде, течениях рек, в океанских приливах, – да мало ли где ещё!

Совсем недавно открыт неиссякаемый источник сил и в самом строении вещества, в недрах материи. И ныне этот воистину чудесный источник энергии также стал доступен

людям.

В одном грамме любого вещества – воды, песка, камня – содержится энергия, равная двадцати пяти миллионам киловатт-часов!

Так поставлена проблема энергии в двадцатом веке. Это – научная, техническая проблема использования атомной энергии.

Мы, в нашем победном движении к идеалу человеческого общества, к коммунизму, неуклонно идём вперёд, неустанно поднимаемся всё выше и выше. Мы создаем жизнь, а не разрушаем её. Такова воля нашего народа. Ступени, ведущие нас всё выше и выше, – это и лесные полезащитные полосы, это гигантские гидроэлектростанции и каналы, орошающие пустыни, это вся наша наука, весь наш труд. И мы говорим – подвластная нам энергия используется только на благо человечества!

И так мы поступаем. Мы всегда поступаем так, как говорим.

Это наш, советский обычай!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СВЕТ НАД ОЗЕРОМ

Глава первая

НА СЕВЕРНОМ ПУТИ

1

В ОКЕАНЕ безветренно. Мёртвая зыбь медленно гонит гладкие широкие валы. Над океаном низко стоит солнце, но по его положению нельзя определить время дня. Дальний Север. Лето. Круглые сутки ходит солнце в небе, пока не скроется за горизонтом на долгие зимние месяцы.

У носа парохода вскипают высокие буруны. За кормой, оставляя длинный след, треугольником расходятся волны. С труб срывается чёрный дым, тянется сзади узким облаком.

Вот около передней трубы с шипением вырвалась струя белого пара, и густой рёв прокатился над волнами. Когда он смолк, издали донёлся едва слышный ответный гудок. Приветствие при встрече! На горизонте чуть видны силуэты судов. Проходит караван. Не пустынно холодные просторы океана.

В капитанской рубке океанского парохода тишина. На столе развёрнута большая карта – линия изрезанного заливами берега, бледносиняя отмывка моря, сеть координат. В одном из квадратов – чёрная точка в красном карандашном

кружке: маленький островок. Рядом тушью указано его положение в градусах, минутах и секундах северной широты и восточной долготы. От островка расходятся пунктирные линии: так принято изображать на картах морские дороги. Но обычно пунктирные линии описывают мягкие кривые от порта к порту. Здесь же они изломаны, они пересекаются и прерываются. Некоторые уходят к северу от чёрной точки острова, но большинство тянется к берегу, к югу. Пунктирные линии занумерованы и на каждой сделаны красным карандашом отметки – крестики. Около крестиков проставлены цифры – это глубины.

За столом неподвижно сидит директор Всесоюзного Института Энергии – академик Подарев. Полярное солнце утомляет зрение, и глаза Фёдора Александровича закрыты, но он не спит. Он ждёт и отдыхает. И думает!..

«...Главное в том, что вместо редкой урановой руды удалось подобрать распространённую горную породу. И ещё очень важно – способ изоляции! Как было бы трудно, если бы не удалось сделать простыми, безопасными процессы управления внутриядерными реакциями!..»

И академик видит перед собой толстые чешуйчатые щиты из тусклого зернистого металла. Непроницаемая защита изолирует аппараты. Там отбирается конечный продукт – замечательный высокоактивный энергит. Работают атомные фильтры, они гудят напряжённо, стройно и грозно, словно рой пчёл, поглощённых разумной, согласованной созида-

тельной работой...

2

Фёдор Александрович открывает глаза и смотрит на часы. Время ещё есть... Он снова опускает веки и отдаётся на этот раз далёким воспоминаниям юности. Академик видит себя молодым человеком на широком тротуаре Невского в старом Петербурге. Витрины под белыми полотняными козырьками.

Магазин шляп. На студенческую вечеринку по случаю окончания института нельзя прийти в старой фуражке. Обычай! Уже на последнем курсе многие надевали фуражку инженера...

Не случайно вспомнилась ему именно сейчас эта студенческая вечеринка... Он отлично помнит, как земляк и товарищ по институту Барабанов, пощипывая молодую бородку, кричал бойким высоким тенором:

– Коллеги, коллеги! Да слушайте же! Предлагаю общему вниманию интересную вещь! Раскопки в отцовском собрании газет! Слушайте!..

Номер довольно распространённой в те годы газеты десятилетней, начала века, давности. И в нём статья, посвящённая «оригинальнейшему», как он был назван, проекту русского инженера. Предлагалось ни более ни менее, как превратить в остров громадный полуостров на дальневосточной

окраине Российской империи! На схеме был изображён широкий канал, отрезающий полуостров от материка.

Холодное, забитое льдом море связывалось с океаном вторым выходом и включалось в циркуляцию океанских течений. Именно в этом и заключался смысл «оригинальнейшего» проекта. Тёплое течение должно будет приблизиться к русскому берегу... И автор статьи с истинным пафосом говорил о предстоящем повышении температуры воздуха в Приморье, об оттаивании вечномёрзлых почв, о новых блестящих перспективах русской колонизации пустынных, нетронутых человеком богатейших дальневосточных земель.

Но, рассказав о проекте, журналист с умной и злой насмешкой переходил к возражениям. Он подсчитывал затраты, нужные для реализации мечты инженера-патриота, и находил их непомерными. Он напоминал об отказах в кредитах даже на скромнейшие и простейшие нужды народа в ближайших, давно обжитых районах. Ловко маневрируя среди грозных рифов цензуры, перо журналиста отчётливо рисовало косность правительства и пошлую жадность промышленных кругов, стремящихся только к немедленной, хищной и безрассудной наживе. Упоминалось о горестной судьбе смелых экспедиций, погубленных скаредностью правительства и преступной небрежностью к насущным потребностям смелых путешественников. Не были забыты и изобретатели, отвергнутые царским правительством и обокраденные ловкими заграничными дельцами...

В заключение журналист выражал пессимистическую, но здравую уверенность в том, что проект не найдёт ни поддержки, ни капиталов, и сообщал, что он уже получил оценку дальневосточных соседей... Впрочем журналист заверял, что при всех симпатиях к увлекательной технической фантазии талантливого инженера проект его, по убеждению журналиста, не более как химера!..

Фёдор Александрович вспоминает, что он тогда же, на вечеринке, проделал поверочный расчёт. Да... Ёмкость моря, температура его воды, сечение канала и быстрота поступления относительно тёплой океанской воды в холодный резервуар... Обычный теплотехнический расчёт! Действительно, согреется. Но и газета была права. Химера! Да, для того времени. А теперь? Работы по сооружению канала доступны советской технике.

– Товарищ академик! Капитан первого ранга просит вас на палубу!

Дверь рубки открыта. В проёме вытянулась сильная, фигура матроса.

– Очень хорошо! Благодарю вас...

Фёдор Александрович медленно проводит большой рукой по лбу и коротким, густым белым волосам. Он выходит, слегка нагнувшись, чтобы не задеть головой притолоку. Капитан, наверно, хочет сообщить ему о встрече с выполнявшими задание минными заградителями. Пришло время завершения дела, порученного академику и эскадре кораблей Северного

3

В океане по-прежнему безветренно. Тихо и на палубе, пароход неподвижен. На валах мёртвой зыби поднимаются и опускаются минные заградители. Вместительные и устойчивые суда кажутся маленькими рядом с высоким корпусом парохода-флагмана.

У левого трапа группа моряков: капитан и прибывшие на борт командиры заградителей. Фёдор Александрович поздоровался с вновь прибывшими и пригласил их к карте. Все молча прошли в рубку.

Командиры заградителей с письменными рапортами и картами в руках докладывали по очереди.

– Буйки расставлялись по указаниям...

– Глубины совпадают с заданными. Расхождения не превышают дозволенных...

– Квадраты по координатам...

– Число буйков в каждом квадрате...

– Расстояния между буйками...

По ходу каждого доклада Фёдор Александрович отмечал остро отточенным синим карандашом точками крестики на пунктирных линиях большой карты, приколотой кнопками к столу в капитанской рубке. Выслушав последний доклад, академик поставил точку на последнем крестике и сказал:

– Благодарю вас, товарищи. Теперь прошу немедленно приступить к получению и к погрузке наших аппаратов. На каждый заградитель я посылаю инструкторов, работников Института. Для консультации и... для возможной помощи.

Последние слова Фёдор Александрович произнёс, заметно смягчая официальный тон. Специальную подготовку команды заградителей уже прошли, и посылка инструкторов не означает недоверия. Именно – помощь.

Длинные ажурные стрелы кранов поднимали из трюма двухметровые цилиндры и спускали их в присланные заградителями катера. Груз не казался тяжёлым – матросы легко подхватывали тускло поблёскивавшие гладкие цилиндры из крупнозернистого металла и без заметных усилий прицепляли их к крючьям кранов. После цилиндров заградители приняли большие и тяжёлые алюминиевые ящики. Сто девяносто пять цилиндров, сто девяносто пять ящиков.

Фёдор Александрович молча следил за спорой и быстрой работой. После окончания погрузки он спустился в тот отсек трюма, где хранился этот необычный груз. Увидев там семь оставшихся цилиндров и семь алюминиевых ящиков, Фёдор Александрович сказал сопровождавшему его капитану:

– Всё правильно и погрузка прошла отлично!

4

Большой океанский пароход и минные заградители рас-

ходились разными курсами. Пароход направился к острову, обозначенному на карте чёрной точкой. Оставшиеся в трюме семь цилиндров и семь алюминиевых ящиков были погружены на шлюпки и оставлены в разных местах на голом каменистом берегу острова. Затем пароход принял шлюпки на борт и повернул на юго-запад. А минные заградители шли по путям, обозначенным на карте пунктирными линиями, к буйкам на воде. Долгая, точная и кропотливая работа по установке буйков, связанная с точным счислением мест, сменилась быстрым погружением аппаратов там, где были установлены буйки. Из алюминиевых ящиков извлекались полушария полутораметрового диаметра, похожие на гигантские автомобильные фары, и круги проводов, заключённых в резиновые оболочки. Один конец провода соединялся с контактами, помещёнными на выпуклости полушария, а другой – с контактами на обресе цилиндра.

Командированные на заградители работники Института Энергии особенно тщательно проверяли надёжность – соединений. К кольцам, имевшимся на каждом цилиндре, прицеплялись тяжёлые лапчатые якоря.

Заградители останавливались у буйков. Аппараты затоплялись на тросах, а на поверхности воды оставались лёгкие полушария. Они плавали, обратив вверх плоскости, закрытые чёрными мембранами. Чётко звучали слова команды:

- Поднимай!
- Трави трос!

– Вира!

Работа шла очень быстро. Все знали, что эскадра участвует в выполнении приказа Правительства и что на дно океана погружаются заряды нового взрывчатого вещества.

5

Северный океан – искони русский. Это – наши, советские воды. Нет чужих на просторах Северного океана. Поэтому радисты не ищут в эфире. Им точно известны и названия судов, находящихся в плавании, и их позывные, и длина волн.

...Работает радиостанция большого океанского парохода. Каждое судно получает шифрованное распоряжение.

«Секретно. С десяти часов по московскому времени устанавливается запретная зона по координатам... О снятии запрета будет сообщено дополнительно. Дайте расписку».

Штурманы кораблей, находившихся в эти дни в Северном океане, по получении шифрованного распоряжения обводили на своих картах границы запретной зоны, вычисляли свой курс и намечали обход тех квадратов, где на карте Фёдора Александровича проходили пунктирные линии с красными крестиками и синими точками на них.

Вскоре радиостанция флагманского парохода начала принимать доклады командиров минных заградителей:

– Я первый. Погружаем десятый аппарат...

– Я третий. Погрузил девятый...

– Я четвёртый. Опускаю двенадцатый...

К концу вторых суток начали поступать донесения:

– Капитан-лейтенант Никифоров задание выполнением окончил. Нахожусь в квадрате... Держу курс...

Флагманский пароход стоял на якоре в двухстах семидесяти трёх километрах от маленького скалистого острова. Оставалось ждать донесений о выходе всех минных заградителей за пределы запретной зоны.

6

На карте – только точка! Ничтожное скопление камней: невысокий холм над водой в шапке вечного льда. Но если было бы возможно хотя бы немного понизить уровень океана, – то остров показался бы весьма внушительным. Это – макушка могучего горного хребта. Вершина – высшая точка системы горных цепей, разделённых глубокими ущельями. На юге горные цепи связываются с материком, на севере – обрываются крутыми ступенями.

Подводные горы. Во многих местах их каменные складки почти выходят на поверхность воды. Это – барьеры. Засада на путях человека, организованная гранитом и гнейсом. Капканы для льдов и причалы для ледяных полей. Схваченные снизу льдины останавливаются, топят своей тяжестью друг друга, смерзаются, спаиваются с камнем и как бы каменеют

сами. Солнце не каждое лето бывает в силах справиться с ледовой стоянкой. Кладовая холода. Одна из родин туманов!..

Послушная передовой советской науке, сила, атомных ядер давала возможность изменить этот участок земной коры. Институт Энергии получил задание Правительства. Фёдор Александрович выступил с докладом. Он доказывал, что подводные горы будут снесены... уничтожены... сброшены! Сократится Северный путь, удлинится удобное для навигации время, и могут благоприятно измениться направления океанских течений.

Председатель совещания сказал:

– Это будет испытанием сил коллектива учёных! – и подписал постановление.

С весны гидрографическая флотилия уточняла глубины и топографию дна. Были вычислены силы сопротивления гор и определена нужная сила взрыва. Пунктиры на карте указали линии размещения под водой атомных мин.

...И вот Фёдор Александрович стоит на палубе и ждёт. Минные заградители уже затопили цилиндры с зарядами энергита. Сто девяносто пять чутких мембран на воде и семь на острове тоже ждут. Они должны получить импульс извне – и тогда они передадут его вниз, лежащим у подводных гор цилиндрам.

Получена радиограмма последнего заградителя: «Запретная зона свободна!»

Пароход стоял на якорях в четырёх километрах от берега материка. Глубокая осадка и мелководье не позволили подойти ближе. Здесь мёртвая зыбь чувствовалась ещё сильнее. Пароход медленно поднимался и опускался, поворачиваясь около якорных цепей, отпущенных почти на всю длину. К северу лежало свободное море с редкими плоскими льдинами и с широкими тёмными разводьями. На юге простиралась низкая жёлто-коричневая земля с грядой выброшенного на берег пловучего-леса, темнеющего за белой каймой прибоя.

Через несколько минут после получения последней радиограммы с палубы взлетел выброшенный катапультной гидросамолёт и круто ушёл вверх, оставляя в холодном небе белую ленту сгущающегося выхлопного газа реактивного двигателя. На борту самолёта находился Фёдор Александрович.

Пролетев над осуждённым островом, самолёт круто повернул на юг. Штурман привёл в действие механизм сбрасывателя бомб. Глядя назад, Фёдор Александрович успел увидеть раскрывающиеся куполы парашютов. Но после второго поворота самолёта, на запад, он потерял из вида яркие шары и не старался найти их. Самолёт шёл на огромной высоте над уровнем моря. Взрыв произойдёт через шесть минут. Фёдор Александрович думал, глядя на часы:

«Быстрота детонации энергита под водой и на острове после взрыва авиабомб в воздухе будет такова, что наблюдатель без приборов воспримет их слитно...»

Потом он сказал в микрофон пилоту и штурману:

– Прошу надеть защитные очки и не снимать их, пока я не скажу!

Фёдор Александрович смотрел назад не отрываясь. Он одобрительно кивнул головой, когда небо за горизонтом стало покрываться грибовидными опухолями. Назвать их облаками было бы трудно...

А на палубе парохода царило напряжённое молчание. Все ждали. Из радиорубки выскочил радист и крикнул:

– Сообщают – бомбовый груз сбросили!

Все люди на палубе надели глухие защитные очки. Через чёрные стёкла были едва различимы циферблаты часов, а солнце на небе казалось тусклым тёмнокрасным диском. Яркий полярный день погас. И время, казалось, остановилось... Стрелки часов едва ползут... Терпение!..

Сознание отметило приход намеченной минуты, потому что внезапно окончился мрак. Свет ворвался с севера. Море сразу стало белым, а льдины на нём – синими. Из-за горизонта неслись сияющие стрелы.

Потом так же мгновенно стемнело. Через очки уже ничего не было видно. Это означало, что опасность сжечь сетчатку глаз прошла и очки более не нужны.

Все щурились, ослеплённые ярким солнцем. Но вот воз-

ник звук. Казалось, кричала сама вода, испытывая чудовищное насилие. Непрерывный раскат катился, казалось, ото всюду. Грохот был так силен, что люди не могли слышать собственных голосов.

На севере, высоко-высоко в небе исчезали, таяли тени, похожие на скопление гигантских раскрытых дождевых зонтов. Учёные знали, что другие приборы, улавливающие энергетические возмущения, расскажут всему миру правду о работе, проделанной в Северном океане.

Капитан подал команду, и ворота начали поспешно смаывать цепи, поднимая якоря. Ещё падали тяжёлые капли с вырванных из воды якорей, когда капитан передал в машинное отделение:

– Полный вперёд!

Вода забурлила за кормой и дым из высоких труб, ложившийся до сих пор на воду за кормой, стал отставать. Пароход шёл в открытое море, поспешно набирая скорость. Навстречу ему, без ветра, вставал океан. Было видно, как идёт первый чудовищный вал, а за ним, ещё выше, поднимался второй...

Было видно, как идет первый чудовишный вал, а за ним, еще выше, поднимался второй...

Все были готовы к этому. Водяная гора подошла – и огромный пароход, содрогаясь от мощной работы машин и сопротивления воды, поднялся вверх в вихре взбиваемой тяжёлым корпусом пены. Потом пароход провалился на дно глубокой пропасти, и зелёная вода встала над ним высочайшей стеной. Казалось, что эта стена обрушится вниз, раздавит пароход, но он каждый раз поднимался наверх. И в те секунды, когда на крутых горбах валов обнажались винты, машины, как сердце, давали перебой и задыхались от спешки.

Так пароход уходил в свой порт, – вниз и вверх, вниз и вверх. Валы океана ломались на мелководье у берега, падали, с громом залпов пушек главного калибра и клокочущей белой пеной бежали к югу, заливая, насколько мог видеть глаз, низкую, плоскую тундру.

...Сделав круг, гидросамолёт опустился на спокойную воду глубоко врезанной в материк бухты. Сообщение с парохода о взрыве всех очагов было принято ещё в полёте. Взорвались три блока энергита в воздухе, семь на острове и сто девяносто пять на дне океана. Фёдор Александрович знал, что северная лоция¹ исправлена раз и навсегда: подводные хребты и остров перестали существовать.

Старый академик испытывал какое-то особенное, ни с чем не сравнимое возбуждение – своего рода опьянение человека, привыкшего мыслить широкими обобщениями.

В тот момент, когда он вступил на причал бухты, в его воображении возникло грандиозное видение. Он увидел великие стройки, меняющие лицо природы, молодые деревья на путях суховеев, могучую силу атомной энергии, облегчающей мирный созидательный труд, и всю титаническую работу заводов, институтов, лабораторий его Родины, идущей по пути, указанному партией, самоотверженно борющейся за мир и счастье людей!

¹ *Лоция* – детальное описание берегов, островов, течений, глубин, ветров, маяков и прочих особенностей того или иного участка морского пути. Непременное пособие для кораблевождения.

Глава вторая

СОКОЛИНАЯ ГОРА

1

В течение тысячелетий осыпалась отмиравшая хвоя, покрывая древние камни толстым плотным ковром, который глушил шаги человека. Серой тенью метнулась белка, оставив на мгновение зримую в воздухе стремительную черту прыжка, и исчезла в густом сплетении жёстких еловых ветвей. Быстро перебирая маленькими лапками с острыми коготками, рыженький зверёк поднялся по стволу почти до самой вершины, прижался к ветке, плоско вытянул длинный пушистый хвост, замер и стал невидим...

Чёрный глухарь неспешно и важно ходил по мхам в зарослях поспевающей голубики. Вот он остановился, высоко выставил шею и долго слушал. Потом опустил голову, разбежался, быстро двигая сильными мохнатыми ногами, подскочил и, тяжело взмахивая крыльями, натужно стал подниматься, с треском задевая твёрдыми маховыми перьями за ветки. Грузная птица вырвалась к вершинам деревьев и исчезла...

Громадная короткохвостая кошка с кисточками на ост-

рых ушах неслышно вышла из густой чащи молодых ёлок. Мягкие подушечки высоких, гибких лап бесшумно пронесли сильное тело до чуть заметной тропы среди вековых сосен и пихт. Рысь остановилась, долго слушала, поворачивая круглую голову, долго дышала пряным запахом горного летнего леса. Что рассказывали тонкому слуху лесного хищника звуки, идущие издалека? Что говорил чуть заметный ветерок?.. Была в нём, наверно, струйка знакомого запаха – запаха человека. Рысь подошла к густой корявой сосне, медленно встала на задние лапы, лениво поцарапала ствол когтями передних, вытянулась и снова прислушалась. Вдруг лёгким движением, глубоко, до самой древесины, запуская в морщинистую кору длинные когти, зверь вскарабкался на дерево, осторожно балансируя, прошёл по толстому суку, протянутому сосной над тропой, и лёг – невидимый снизу, готовый к прыжку.

С беспечным свистом перелетали с ветки на ветку иволги. Порхнула над тропой голубая сойка, сверкнула белыми зеркальцами крыльев, опустилась, пробежала по земле, схватила гусеницу.

Солнце стоит высоко в светлосинем, прозрачном небе.

Неподвижно застыли редкие, лёгкие пёрышки белых облаков. Невысокие, крутые горы густо поросли лесом.

В сыроватых лощинах, в непроходимых зарослях дикой малины и смородины, бегут по чистым камням холодные хрустальные ручьи. Скалы выставляют из-под узловатых

корней упрямые лбы, украшенные разноцветными мхами...

2

Теперь все большие и малые обитатели леса ясно слышат шаги. Это не размеренная поступь спокойно идущих лосей. Это не мягкий шаг лесного хозяина – бурого великана-медведя, и не торопливо-неутомимая побежка волка, идущего по следу. Слушают лесные чащи...

Кроме шагов, доносятся и другие звуки, разнообразные, ни с чем не сравнимые. Такого голоса нет ни у одного лесного жителя. Звуки протягиваются прямыми струнами к ушам рыси. Теперь зверь видит ушами и носом всё. Плотной ложится готовая, было, подняться дыбом шерсть. Вжимается в сук мускулистое тело, сливается с ним...

По едва заметной тропе под старой корявой сосной, не видя притаившейся рыси, проходят три человека. Зверь смотрит на спины людей сквозь густую темнозеленую хвою. Человек не один. Рысь же нападает только сзади, на одного и только наверняка. Таков обычай хищников.

Люди идут не торопясь. Вчера Фёдор Александрович прилетел на Соколиную Гору. Сегодня он решил посетить место, где начато строительство энергетической станции. Академика сопровождает один из его учеников и сотрудников, Михаил Андреевич Степанов. Впереди идёт проводник.

На повороте тропы, перед крутым подъёмом на очеред-

ную террасу ступенчатой возвышенности, они остановились.

– Теперь уже близко, – сказал проводник, обернувшись к своим спутникам. – Вот Михаилу Андреевичу-то в привычку здесь по горам лазать, а вам, Фёдор Александрович... обу-ты-то вы неудобно, – и проводник указал на ботинки академика. – Мне-то легко!

На ногах у проводника ловко и плотно сплетённые лыко-вые лапти. Горные жители тех мест не променяют их ни на какую другую обувь: «В лапоточках и ноге свободно и цепко».

– Нет, почему же? Я не устал, – отвечает академик. – Я с молодых лет немало земли измерил своими ногами, – ещё в то время, когда мы расстояния мерили вёрстами. Я всегда любил поглядеть на работы...

Проводник смотрит на Фёдора Александровича и думает: «Лет ему немало, а силён, – прочного дерева!»

Михаил Андреевич, худощавый, с упрямым хохолком тёмных волос на макушке непокрытой головы, быстрым движением взял академика под руку:

– Да разве вы теперь не молоды, Фёдор Александрович?

– Ну, это вы не то говорите! – с оттенком неудовольствия в голосе ответил старый академик.

Маленькая группа двинулась дальше...

Солнце стало на полдень. Тёплый ветер тянет с юга, шевелит высокие верхушки деревьев. Вот и конец подъёма на Соколиную Гору.

Леса взбираются со всех сторон к широкому плато, но внезапно останавливаются. Пожар ли в засушливое лето обнажил вершину, злые ли зимние ветры отстояли пространство, – на плоском темени горы только кое-где видны редкие, изогнутые, низкие сосны с тощими ветвями. Одиноким сокол, оправдывая название горы, сидит на сухом, опалённом молнией дереве.

Отсюда ничто не мешало обзору. Это самая высокая точка хребта. К югу, понижаясь вначале и вновь вставая к горизонту, тянулись горные цепи.

Ветер усиливался. С западного подступа к темени горы поднялся столб дыма и пыли. Но звук взрыва запаздывает, приходит приглушённым – это далеко...

Сокол снялся с сухого сучка, затрепетал на косых крыльях и спиралью стал подниматься вверх на восходящих от нагретого солнцем плоскогорья токах воздуха. В прозрачной высоте птица остановилась и ушла в ту сторону, куда смотрели все.

– Хороший, по нашей примете, знак! – сказал проводник. Быстро смеркается... Ночи на севере в середине лета свет-

лы, прозрачны. Только к самой полуночи чуть потемнеет и тени на земле начнут сгущаться. Но этот час недолог. Опять бледнеет небо в отсветах полярного дня, и тени прячутся, так и не успев выйти из тёмных углов и завладеть пространством.

После захода солнца север спешит напомнить о себе быстрыми туманами. Встанут они над лощинами, заколеблются лёгкой дымкой, потом начнут густеть, растекаться плотной пеленой – предвестники близких осенних ночей. Недолго прекрасное горное лето!..

4

На заводских и станционных путях бегают деловитые маневровые паровозы и просят нужный путь.

Мчатся товарные экспрессы, стремительно режут пространство. И едва успевает высокий семафор автоблокировки сбросить красный свет и показать зелёный, как вновь и вновь нарастает мощный грохот. Дрожит земля, прогибаются тяжёлые рельсы, стонут толстые шпалы в щебне балласта.

Друг другу навстречу летят поезда-близнецы – летят без остановок, встречаются в смерчах дыма, пара и пыли, обмениваются приветствиями, вырывающимися из стальных глоток, и исчезают.

Через каждые пять минут на каждой из железнодорожных магистралей, проходящих через горный хребет, с гро-

мом проскакивают четыреста чугунных колёс в отполированных работой стальных ободьях. Неутомимо поднимаются и опускаются тяжёлые членистые руки паровозов...

На маленькой, неизвестной станции, где только почтовые поезда задерживаются на одну минуту, а все остальные проходят не замедляя хода, кипит напряжённая работа. С недавнего времени здесь останавливаются товарные экспрессы, и оборот вагонов достигает иногда нескольких сотен в сутки. На спешно проложенных дополнительных станционных путях днём и ночью составляются маршруты из платформ и вагонов.

Поезда идут на север, к Соколиной Горе, постукивая на стрелках, исчезают в густом лесу, извиваются среди возвышенностей, дробно стучат по мостам в ущельях, где далеко внизу, сквозь ажурные фермы видна пенящаяся на камнях вода студёных горных рек.

Тяжёлые составы останавливаются у станции «Соколиная Гора». Здесь их ждут подъёмные краны, выстроившиеся вдоль путей. Они выгружают стальные балки, тяжёлые листы котельного железа, громадные барабаны кабеля, готовые металлические детали, цемент – всё, что нужно для строительства. Краны поднимают и бережно опускают на землю тяжёлые контейнеры с надписями: «Осторожно, не кантовать, не толкать!»

А маленькая линейная станция торопит по селектору: «Кончай разгрузку, возвращай порожняк, у меня пробка,

принимай номер четыреста двенадцатый, готовь путь сто сорок третьему!»

От станции «Соколиная Гора», прячась под зелёным сводом вековых деревьев, вьётся неширокое шоссе: оно огибает лесистую возвышенность и поднимается к воротам в глухой каменной стене.

За стеной – серые бетонные здания, а в дальнем углу большого двора возвышается круглое сооружение со сферическим куполом, подавляя своими размерами и высотой все окружающее.

Вправо – высокие металлические опоры и переплетение проходов открытой трансформаторной станции большой мощности, от которой прямо на юг уходит, шагая по горам и над лесами, линия передачи тока высокого напряжения.

5

Солнце уже скрывалось за деревьями, когда трое путников, выйдя из леса, направились к высокой каменной стене.

Старый академик и Михаил Андреевич вошли в круглое здание. Под сферическим куполом было тихо. Но если прислушаться, рождалось ощущение неровного, слабого, но очень настойчивого звука, похожего на шум в большой морской раковине. Этот звук усиливался, если вплотную подойти к сооружению, заполняющему здание, – гигантскому стальному шару. Между стенами здания и бронёй шара –

свободное расстояние в несколько метров. Шар пятидесяти-метрового диаметра, срезанный внизу кажется таким большим, что вблизи него выпуклость почти неощутима. Только ажурные лестницы и переходы, обвивающие броню лёгкой паутиной, помогают зрению ощутить форму шара.

Лестницы идут вверх и в стороны, давая доступ к размещённым на броне прозрачным кабинам, в которых сверкают бронзой и никелем сотни измерительных приборов.

Много мысли и труда вложили люди в это сооружение. Было время, когда пришлось собрать все воды с окрестных гор, потому что производство атомной энергии требовало интенсивного охлаждения аппаратов.

Потом вода оказалась излишней. Процесс уже не чуждался в охлаждении. Это был большой шаг вперёд. Сложная вначале схема упрощалась.

Глядя на стальной шар, Фёдор Александрович невольно вспоминает пройденное. Трудности были большие. Но люди росли на работе. Много людей выросло в труде, достигло зрелости. Широка ныне путь к знанию, тысячи идут к вершинам... Поэтому-то и удаётся всё!..

Смолкает шум дневных работ. Фёдор Александрович смотрит вверх, в тёмное небо, куда высоко уходит сферический купол энергоустановки.

Издrevле назывались эти места Соколиной Горой, а теперь люди, работающие в серых бетонных зданиях, называют их «Солнечной лабораторией»...

«Солнечная лаборатория»... Вечером Фёдор Александрович просматривал журналы наблюдений последнего месяца. В одном из них оказалось три листка, очевидно кем-то забытых.

Фёдор Александрович читал:

«...Наше Солнце на своей поверхности имеет температуру порядка шести тысяч градусов, а внутри – двадцати миллионов!!! Это можно определить математически, но я не могу представить себе такую температуру...»

«...Почему Солнце даёт энергию? Если бы оно состояло из чистого углерода, то есть из угля без посторонних примесей, или алмаза, оно бы полностью сгорело за пять или шесть тысяч лет. Если бы оно давало энергию за счёт сжатия, его хватило бы только на пятьдесят миллионов лет. К тому же, если и допустить такое предположение, то приблизительно двадцать миллионов лет назад наша Земля была бы частью постепенно сжимающегося Солнца, захватившего тогда своей массой нынешнюю орбиту Земли, – следовательно, и сама была бы тогда горячей, газообразной массой!..»

«...Но ведь геология и палеонтология бесспорно доказали, что органическая жизнь на Земле существует

почти миллиард лет. Это значит, что уже один миллиард лет назад Солнце давало Земле такое же количество энергии, как сейчас.»

«...Мы теперь знаем, что никакие химические или механические источники солнечной энергии, как это думали прежде, ничего не объясняют. Всё дело в превращении элементов и в освобождении энергии атомных ядер! Солнце на восемьдесят два процента состоит из водорода. Превращение водорода в гелий на Солнце и является постоянным источником энергии. Вот расчёт: атомный вес водорода равен 1,00813. Атомный вес гелия равен 4,00386. Четыре атома водорода превращаются в один атом гелия и освобождают 0,02866 единицы массы. Она переходит в энергию! В этом-то всё дело. И так было всегда!..»

«...Теперь мы знаем подлинный секрет солнечного производства. Атомная энергия, сила атомного ядра – вот настоящий источник жизни. И Солнце не потухнет миллионы лет. И жизнь будет существовать вечно, Всё остальное – просто выдумки. Она всегда будет – наша юная, прекрасная жизнь!»

«...Здесь, в лаборатории, научились синтезу и превращению элементов! Это такая громадная сила! Здесь это делают в самом маленьком размере, только лабораторно, как принято говорить, но уже получают в секунду восемьсот тысяч больших калорий. Ведь это четыре тысячи тонн пара в час. И лаборатория даёт мощность около семисот тысяч киловатт, кроме тепла. А источник – несколько граммов вещества!!! Голова

кружится, как подумашь.»

«...На Соколиной Горе начали строить атомную энергетическую станцию. Мы выгоним холод, дадим энергию на всю северную часть хребта, сделаем всё, что захотим! Всё, всё!»

«...Как приятно мечтать о том, что будет! Будет наше, советское Солнце! В бывшей тундре разведут розы, будут новые, белые города, как на юге, в них будет пахнуть белой акацией, а океан станет, как море в Сухуми или в Батуми, тёплым и добрым. Как хорошо будет! Как хорошо жить!..»

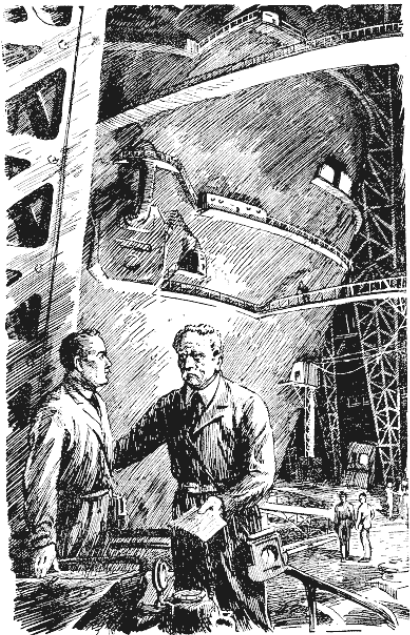
Листки были исписаны старательным, круглым почерком. Вероятно, кто-нибудь из молодых практикантов написал всё это. Фёдор Александрович положил листки в журнал. Что же, формулировки и выводы правильны!..

7

На следующее утро учёные готовились к отъезду. Фёдор Александрович заканчивал последний разговор с начальником строительства Соколиной Горы и инженерами, когда принесли радиограмму из Красноставской Энергетической Станции Особого Назначения. На белом бланке плотной бумаги самопишущий приёмный аппарат зафиксировал набор шифрованных знаков, под которыми был напечатан перевод:

«Ночью отмечены интенсивные также весьма

близкие прохождения радиации условно сигма точка
Повторяем сигма наблюдался вблизи точка. Имеем
особенно полные наблюдения точка. Подпись».

*Прочтя радиограмму, Фёдор Александрович сказал
Михаилу Андреевичу:
— Вы поедете на Красноставскую...*

Прочтя радиограмму, Фёдор Александрович сказал Михаилу Андреевичу:

— Вы поедете на Красноставскую, товарищ Степанов. До сих пор отражённые луной радиации наблюдались в относительно далёком прохождении. Посмотрите вместе с ними.

– Сегодня ночью Красноставская просила помощи, – вмешался начальник энергетического хозяйства Соколиной Горы.

– И вы им дали за счёт резерва? – спросил Степанов.

– Нет, им потребовалось столько энергии, что пришлось давать из основных мощностей!

– Ну вот! Тем более... Посмотрите, Михаил Андреевич, что там происходит, – сказал академик. – Мне не хотелось бы давать им мощность отсюда, это будет влиять на разворот работ. А вам, – он обратился к начальнику энергохозяйства, – следует увеличить резерв.

Через час с расположенного в широкой, плоской ложине аэродрома Соколиной Горы поднялись в воздух два лёгких самолёта.

Один пошёл на юго-запад, а второй – на юг, по меридиану Соколиной Горы, над поросшими лесом горами.

Глава третья

СТЕПНОЕ ОЗЕРО

1

Для путешественника, летящего на самолёте, степь с высоты однообразна. Далеко тянется она с редкими берёзовыми рощами, с массивами поспевающих хлебов, блестит зеркалами частых озёр.

В этот час воздушный наблюдатель мог бы заметить маленькую точку – лошадь, запряжённую в лёгкую тележку, в которой сидят два человека. С высоты кажется, что тележка неподвижна. Она находится в нескольких километрах от села на чуть заметной дороге – тропе, ведущей к широкому озеру.

Жаркий августовский день близится к вечеру. Чисто светлоголубое небо: в нём ни облачка. Ветер, дувший весь день, стихает.

Бодрая, сильная, хоть и «невидная» лошадь бежит спорой рысью по поросшей травой дороге.

Кончаются массивы высокой оплошной колхозной пшеницы. Колёса мягко катятся по отросшей отаве приозёрного луга.

Из двух седоков тот, кто правит лошадью, одет в выцветшую армейскую гимнастёрку с тёмными следами погонов на плечах. На груди дырочки от орденских колодок. Под старой армейской фуражкой – энергичное, загорелое лицо. Зеленовато-серые глаза, окружённые мелкими морщинками, смотрят спокойно. Лет этому человеку сорок, может быть чуть больше.

Его спутник кажется много моложе. Он сидит, слегка подавшись вперёд, и во всей его фигуре, в уверенно поставленной на широких плечах голове, в улыбке, которая прячется в глубине глаз и уголках губ, чувствуется та особая радость, которую испытывает городской житель, вновь соприкасаясь с природой. На нём спортивная зелёная куртка, перетянутая широким ремнём большого двухрядного патронташа.

Короткие чехлы ружей, высокие резиновые сапоги, без которых не проберёшься к просторным озёрам. Это – охотники.

Приехали. Привалом служит крайний, ближний к озеру стог. А солнце всё ближе и ближе к горизонту!..

Охотники поспешно выпрягли и стреножили лошадь. Приученная к степным привалам, она никогда далеко не уйдёт, сама напьётся воды у озера, в камышах, а травы, сочной степной травы, кругом много.

Торопясь, они достают ружья из чехлов, вытаскивают из мешков резиновые лодки и накачивают их лёгкими мехами.

– Ты, Павел Иванович, как планируешь?

Охотник в старой армейской фуражке, усиленно действуя ногой, гонит воздух через похрюкивающий клапан лодки. Он отвечает:

– Выбери, Николай Сергеевич, ты – гость!

– Я на ту сторону. А ты?

– Да я здесь останусь, на прошлогоднем месте. Я человек постоянный...

– Значит, друг другу поможем, птица от тебя ко мне, а от меня – к тебе.

Гость обгоняет хозяина. Его лодка уже лежит в траве – плотная, упругая. Закидывая ружьё на ремень за спину, он говорит Павлу Ивановичу:

– А на завтра остаться никак не можешь? Твоё правление без тебя не обойдётся? Остался бы!

Павел Иванович аккуратно складывает лодочный мех, щурит глаза.

– Ты же меня оставлял в Москве, занятый своим делом?

Его друг собирается что-то ответить, но Павел Иванович, набивая карманы гимнастёрки патронами, деловито кивает на солнце:

– Смотри, времени-то нет нисколько, через час совсем темно будет!..

Николай Сергеевич подхватывает лёгкую лодку и широким шагом идёт к тому месту, где в стене камышей виден узкий коридор. Не оборачиваясь, он кричит:

– Я ночевать в лодке останусь!

– Ладно, мы ваши привычки знаем!

Когда Павел Иванович проталкивал лодку через узкий «пропływ» в камышах, впереди грянул резкий дуплет.

– Вот не терпится человеку, – стосковался за год! Хлебом не корми, – бормочет Павел Иванович.

Богаты дичью степные озёра. Плоскими чашами, заросшие камышом, лежат они в вольной степи, давая приют поистине бесчисленным стаям водяной птицы. Здесь родина многих десятков пород уток, серого гуся, казарки. А о мелочи – куликах, водяных курочках и прочих – говорить не приходится! Коренные места, выводные...

Изголодавшись по вольному простору, степному воздуху, ружью, гость не пропускает ни одной птицы.

Ему отвечают нечастые выстрелы Павла Ивановича.

Смеркается, на ружейных стволах уже не видно мушки. Пора на покой!..

Ближе к полуночи на горизонте разгорается зарево. Медленно всходит яркая, почти полная луна. Светлы стали озёрные воды. Тишина. Степные совы умолкли. Павел Иванович крепко спит под стогом. Слышен только мерный хруст жующей лошади да её редкие шаги...

2

– Павел, проснись!

– Что, приплыл? Или комары в камышах доняли?

– Да нет, ты посмотри на небо!

На небо, действительно, стоило посмотреть. Луна светила своим холодным, ровным светом, а на диске луны то появлялось, то исчезало яркое пятно, излучавшее синевато-белое сияние. Очертания пятна то и дело меняли форму, – пятно вибрировало, мигало. Свет его то усиливался, то ослабевал. Он казался лучом прожектора, направленным на озеро и луг около него.

Лошадь перестала жевать и, делая неловкие прыжки, подошла к стогу. На озере были слышны тревожные голоса птиц, взметнулись стайки уток.

Вот световой луч отчётливо охватил большую часть озера и часть луга. Дальше по контрасту со светом, стояла стена мрака. Пятно перестало мигать. Оно казалось круглым. Свет его стал ослабевать, пятно пожелтело и вдруг сразу исчезло. Луна приняла свой обычный вид. Стало очень темно.

– Ну, Николай, спасибо, что разбудил. Такого я ещё не видал. Что же это такое?

Обсуждая виденное, друзья сходились на том, что они ничем не могут объяснить чудесный луч. В предположениях и догадках прошёл остаток недолгой ночи первого дня августа.

– Вот что, дружище Павел Иванович! Ты, как хотел, поезжай по своим делам. Если кто-нибудь что видел, так ты об этом сам услышишь. Дело настолько необычайное, что разговоров не оберёшься. Впрочем, я уверен, что это явление было видно только отсюда, с озера, с самого берега. Когда в

понедельник приедешь, бинокль не забудь привезти. Меня всё это так заинтересовало, что я останусь здесь...

На этом друзья расстались. Павел Иванович, забрав общую добычу, запряг лошадей и уехал. Николай остался один. Это входило в его привычки и одиночества он не боялся.

3

Дневные часы охотник на озёрах посвящает отдыху и сну, чтобы бодрствовать в часы утренних и вечерних зорь.

Дневной сон Николая Сергеевича, хоть ночь и выдалась беспокойной, был некрепок и часто прерывался мыслями о необычайных ночных наблюдениях. Как, хорошо, что он не успел крепко заснуть, как Павел! По возвращении в Москву обязательно нужно будет сделать сообщение в Институте об этом странном явлении. Интересно, видел ли кто-нибудь ещё? Возможно ли, чтобы пятно на луне и отбрасываемый им луч наблюдали только они двое?..

Он старался вспомнить всё, что знал о Луне. В сущности, этот единственный спутник Земли не так уж далёк от неё. До него округлённо 380 тысяч километров. Диаметр Земли – 12 800 километров, следовательно, между Землёй и Луной только 28 земных диаметров. Машина, движущаяся со скоростью 500 километров в час, долетит до Луны за 30 суток. А если лететь со скоростью звука, – 1200 километров в час, – то потребуется немногим более 10 суток. До проведения же-

лезных дорог от Москвы до Киева добирались дольше...

Луна холодна и мертва. На ней нет воздуха. Она светит отражённым светом Солнца. Откуда же появился этот очаг необычайного свечения? Может быть, это падение метеорита, который воспламенился от удара? Ведь межпланетное пространство наполнено громадным количеством малых космических тел. Метеорит больших размеров, может быть в несколько сот или тысяч тонн весом, с огромной силой ударился о незащищённую атмосферой поверхность Луны. Энергия движения массы метеорита при соприкосновении с Луной превратилась в тепловую. В точке удара образовалось большое количество тепла, температура поднялась до нескольких тысяч градусов. Хотя на Луне нет атмосферы, накал частиц проявил себя свечением. Но... тогда это было бы мгновенной короткой вспышкой? Нет!.. Если это был метеор, то его падение не могло вызвать интенсивный и как бы концентрированный в виде цилиндрического луча свет... Мысли терялись среди многих догадок...

И снова зажглась ясная вечерняя заря над затерянным в степи озером. Одинокий охотник часто пропускал возможность удачных выстрелов. Он с нетерпением ждал ночи и Луны.

Совсем стемнело. Николай подплыл к берегу, протащил лодку через камыши в неглубокой воде и ушёл к столу. Восхода Луны он решил дожидаться на берегу. Если удастся что-нибудь увидеть, всё будет последовательно записано.

В записную книжку Николай уже занёс краткий отчёт о наблюдениях предыдущей ночи...

4

В понедельник, как и всегда, солнце освещало тихое, спокойное озеро. Лёгкий ветер шелестел в верхушках высоких камышей и слегка рябил воду.

Было уже около десяти часов утра, когда, верный своему слову, Павел Иванович подъехал на бойкой лошадке к привалу у стога. Он слез, забросил вожжи за вбитый колышек и оглянулся. Под стогом никого нет. Вот вещевой мешок Николая, а вот и его ружьё. Где же он сам? Ну, без ружья ушёл недалеко.

– Николай!.. Хо-оп, хо-оп!.. Эге-ге!

Павел Иванович был далеко не в хорошем расположении духа. Сегодня утром он обнаружил во второй тракторной бригаде хоть и мелкие, да всё же неполадки. А если бы завтра в поле? И бригадир хорош – у него всё «так точно», «всё готово». А на деле? «Сменю», – думает Павел Иванович. Так и сказал бригадиру, что только до следующего раза. Кузнецу хватит работы на весь день – крюк сварить у одного «сталинца», а у «коммунара» сменить звено правой гусеницы.

Хотя всё это дела поправимые, но Павел Иванович со вчерашнего дня злится главным образом на самого себя. «Командир полка должен за всё отвечать» – это его любимая по-

говорка, «моя деловая формула», как он сам говорит.

Крепко и кстати сказанное, это выражение довелось ему впервые услышать от одного из генералов, оборонявших столицу великой страны. То было поздней осенью первого года войны в блиндаже около дороги.

Хотя упрёк предназначался не Павлу Ивановичу, тогда молодому офицеру, а запомнился на всю жизнь. Он сделал понравившуюся ему истину мерой своих поступков, командуя ротой, батальоном, а под конец и полком. После демобилизации, вернувшись домой, он ответил этими словами на доверие односельчан, избравших его председателем колхоза. Павел Иванович внушил, «довёл» эту простую, дельную мысль до всех бригадиров, трактористов – командиров и солдат многосложного и умного хозяйства земли. О них в районе и в области говорили: «В Лебяжьем каждый своего полка командир».

– Николай Сергеевич... Эге-ге!

Привезённые другу несколько жареных уток, хлеб, шаньги и бидончик с молоком он мог бы оставить у стога и поехать на дальний полевой стан, где завтра начнётся уборка.

Необычайное свечение луны, которое они наблюдали в минувшую субботу, сегодня мало занимает Павла Ивановича. Во-первых, никто ни на селе, ни в округе ничего особенного в ту ночь не видел. Во-вторых, если Николай этим интересуется, ему и книги в руки: он инженер, начинающий учёный.

А всё-таки – где же он? Павел Иванович решает пожертвовать ещё несколькими минутами своего времени и идёт к озеру, к тому месту, где в камышах виден проплыв. Трава у воды и камыши почему-то пожелтели.

Но, прежде чем он осознает это, он убеждается, что ни лодки, ни приятеля у берега нет. Павел Иванович входит в неглубокую воду, идёт в камышах по колено в воде, и скоро перед ним открывается широкий простор озера. Всюду видны побуревшие камыши. Концы длинных перьев стали совсем жёлтыми! А друга всё не видно...

– Хоп, хоп, хоп! Никола-а-а-й!

В голосе слышится тревога.

Павел Иванович сквозь сильные окуляры бинокля внимательно осматривает камыши, стоящие высокой стеной вокруг свободного водного пространства.

Дневной ветер гонит лёгкую рябь в дальний, северовосточный угол озера. Всматриваясь, Павел Иванович находит резиновую лодку своего друга, вплотную стоящую у камышей. Хоть расстояние и немалое, но бинокль позволяет ему различить над бортом лодки фуражку друга. Ну... не утонул! Ведь всякое бывает на озёрах!..

Но зачем он туда забрался, и без ружья? На воде, прибитые ветром к отдельным камышинкам, кое-где видны неподвижные тёмные предметы, похожие на кочки. Опытный взгляд охотника угадывает убитых уток. Неприятное чувство беспокойства охватывает Павла Ивановича.

Над камышами в дальнем углу озера появляется ястреб. Вот он скользнул над водой, схватил безжизненное тело утки и отлетел в сторону, в степь. Этот пришлый хищник был единственным, кажется, живым существом на озере. Ни одной гагары, ни одной водяной курочки на озере, хотя это их обычное время.

Павел Иванович идёт на берег за ружьём Николая.

Вернувшись к озеру, он стреляет раз, другой... перезаряжает и стреляет вновь. Но чёткие, резкие удары бездымного пороха не вызывают в лодке никакого движения.

Теперь Павлу Ивановичу ясно – неладное случилось с другом. Он вышел на берег и подсадовал на себя: «Лодку не взял!», – хоть и не думал брать её с собой. Без лодки же, вплавь, ни человек, ни зверь не пробьётся через густо заросшее камышами да цепкими подводными травами озеро. И председатель колхоза вскачь погнал лошадь в село за лодкой и за помощниками.

5

Через два часа Павел Иванович с племянником Петей, подростком лет четырнадцати, плыл в лодке по озеру. Вот и Николай. Он лежал на спине в неловкой позе. Голова со съехавшей на лицо фуражкой откинута на круглый, мягкий, надутый воздухом, борт лодки. Одно короткое весло осталось в уключине, другого нет.

– Николай, что с тобой? Очнись! – почти кричит Павел Иванович. Наклоняясь вперёд, он поднимает фуражку и всматривается в побелевшее лицо друга. Ни кровинки, – кажется даже, что загар сошёл с лица Николая. Губы так побелели, что сливаются с кожей лица. Небритая щетина на щеках кажется тёмной.

Павел Иванович зовёт, плещет в лицо холодную воду.

Вздрагивают и с тягостно медленным усилием приоткрываются веки. Усталый взгляд останавливается на взволнованном лице Павла Ивановича. Николай пытается говорить. Наклоняясь к его лицу, Павел: Иванович слышит слабый шопот:

– ...нет сил... возьми мою записную книжку...

Глаза закрываются.

– Плохи дела, Петя! На берег!

Поспешно тянут Павел Иванович и Петя на буксире лодку с безжизненным Николаем.

Петя поднимает своё весло и подхватывает крупную кряковую утку, около которой вплотную проходит лодка.

– Нашёл время, уток не видел, греби!.. – Павел Иванович сердится...

– Да смотри, дядя Павел, она, вроде, живая!..

– Не до уток, греби!

Павел Иванович с Петей осторожно подняли Николая и быстро отнесли его, неподвижного и тяжёлого, как труп, к тележке.

Места для троих мало; уложив больного на подостланное сено, правя одной рукой и придерживая Николая другой, быстро возвращался в село Павел Иванович.

Пете он поручил вытащить лодки, выпустить из них воздух, сложить и спрятать в стог, захватить ружьё и вещи Николая Сергеевича и пешком отправиться домой.

Однако у подростка более широкий план действий. Судьба Николая Сергеевича его мало беспокоит: он здоровый, отлежится!..

Гораздо больше Петю занимает возможность, открывшаяся перед ним благодаря внезапному обладанию лодками и ружьём. У дяди Николая «штучная централка, кучно режет». Пете давно хотелось «стрельнуть» из этого ружья, а попросить мешал ему строгий уклад семьи – «баловство». Дядя Николай не станет считаться, если выпалить несколько патронов. Вон их сколько!.. Зато Петя ружьё почистит и смажет. Он это умеет делать, он понимает, как важно беречь оружие. Взяв ружьё и большой патронташ, Петя отправился к лодкам.

Подобранная им утка лежит неподвижно. Подросток поднял её и внимательно осмотрел.

Куда же ей попало? Утка жива, глаза открыты и моргают, затягиваясь плёнкой, если к ним прикоснуться. Под пером и пухом трудно найти маленькую ранку от дробины мелкого номера. Петя положил утку в лодку и на всякий случай привязал её верёвочкой за лапку.

На этом, далёком от села, озере Петя бывал редко. «Камыши здесь особые, – думал он. – На нашем «домашнем озере» весь камыш ещё зелёный, а здесь уже желтеет и перья подсохшие. Видно, здесь вода другая. Впрочем, на вкус такая же, как и на «домашнем» озере. Чуть-чуть солоновата, но пить можно... Вот и убитые утки. Дядя Николай хорошо пострелял!..»

Ветер принёс добычу к северо-восточному углу озера, и тела уток неподвижно лежат на воде. Собирая уток, Петя всё больше преисполнялся уважением к ружью дяди Николая. Ни на одной птице не видно следов ран. Видно, издали бил!

Немало собрал подросток убитых уток и водяных курочек, подобрал ещё и трёх подранков. Несколько гагар были им оставлены без внимания.

– Чего это он гагар надумал стрелять, они вкусом поганые! – говорил сам с собой Петя.

Но чужая добыча не так интересна, как своя. Окончив объезд, Петя вогнал лодку в камыш и решил ждать появления дичи. Но озеро совершенно безжизненно. Даже ни одной гагары. Петя стреляет в воздух, зная, что птицы иногда поднимаются от выстрела. Пустое озеро не нравится ему:

– Тоже, говорят... Наше лучше, там хоть лысок много. И камыши здесь плохи – вишь, уже пожелтели.

Петя тяжело нагружился утками, ружьём и вещевым мешком Николая Сергеевича и отправился домой. Собранную добычу он пожалел бросить.

Въехав в село, Павел Иванович повернул налево и остановился перед домом правления колхоза.

– А ну, товарищи, вынимайте нашего москвича из тележки, да поосторожней, а я позвоню в райбольницу, – сказал Павел Иванович и торопливо направился к телефону.

– Алло, алло, район... больницу давайте... Да... ну, тогда квартиру главврача... Лидия Николаевна, это я, Кизеров из Лебяжьего. Лидия Николаевна, вы моего приятеля московского ведь знаете, с ним на озере беда случилась... Нет, не застрелился... да нет же, вот увидите, целый... он и ружьё на берегу оставил... Он очень плох, сердце чуть бьётся... вроде контуженный, я таких на фронте видал... Не говорит, не может... Помогите... Да, да, он здесь, я его сейчас привёз... Так я жду... прощайте...

Тем временем у тележки успели собраться ребята и появилось несколько взрослых.

– Николай Сергеевич, а, Николай Сергеевич, – говорила невысокая загорелая девушка, бережно поддерживая голову больного. – Очнись, что с тобой?

– Агаша... мою книжку достань... пусть Павел сохранит... – чуть слышно прошептал Николай, и больше ни одного слова не услышали от него люди, толпившиеся около тележки.

– Подождите, не снимайте его. Сейчас прилетит санитарный самолёт, – сказал Павел Иванович, выходя на крыльцо. – Главврач сказала, что сейчас же высылает.

– Он что-то о книжке сказал...

– Правда, правда!.. Он и мне говорил... А ну, Аганя, посмотри у него в карманах!

Записная книжка оказалась в кармане гимнастёрки.

– Ну, поедем потихоньку встречать самолёт, – сказал Павел Иванович, беря у Агаши книжку и пряча её в карман.

Провожавшие тележку дети пустились бежать вперёд. Хотя многие из них и были знакомы с прелестями полёта, – иной раз в праздники лётчики прилетали катать желающих, – всё же появление самолёта было всегда событием для детей.

Не прошло и получаса, как послышался нарастающий шум авиационного мотора.

Лёгкий биплан, снижаясь, сделал круг и с выключенным мотором мягко побежал по полю.

Николая на носилках перенесли в самолёт.

– Я Лидии Николаевне всё рассказал, – говорил Павел Иванович медицинской сестре, – человек он сильный, крепкий, оставил я его на озере здоровым, а привёз, сами видите, каким!

Маленькая группа провожающих смотрела вслед рулившему по полю самолёту.

Вот взревел мотор, самолёт быстро побежал и оторвался

от земли. Полукруг... и машина ушла по направлению к районному центру.

– Павел Иванович, что он, неужель умирает? – спрашивала расстроенная Агаша.

– Будет тебе!.. Он крепкий, выживет. Вот мы вечером Лидии Николаевне позвоним, узнаем сводку информбюро, – попробовал отшутиться озабоченный председатель колхоза.

– А что у него в книжке, может, он написал, что с ним случилось?

Павел Иванович достал записную книжку и стал перелистывать страницы, исписанные неровным и не совсем разборчивым почерком. На лице его мелькнуло удивление.

– Здесь о другом, – сказал он. – Ну, всё!..

Когда вечером жена Павла Ивановича с помощью дочери стала ощипывать доставленных Петей с озера уток, ни на одной не было следов убивших их дробин.

Птицы, проявлявшие признаки жизни, – их к вечеру осталось две, – были на ночь заперты в кладовке. Утром они были мертвы. Впрочем, это обстоятельство осталось незамеченным. А своего мнения Павел Иванович не высказал.

Глава четвёртая **НА МЕРИДИАНЕ СОКОЛИНОЙ ГОРЫ**

1

Широки ковыльные степи, беспечно посвистывают рыжие суслики, весной стрепет пляшет на бугорках любовный танец перед своей скромной подругой. Зимой позёмка гонит сухой снег, заметает овраги. Спит суслик, а стрепет ждёт в тёплых странах прихода весны, чтобы вернуться домой, на милую родину, где ждут его и новая любовь, и новые прекрасные танцы.

В августе степь пахнет подсыхающими дикими травами. Высокое небо с перистыми облаками синее и предвещает хорошую погоду.

Грейдерная дорога ведёт к северо-востоку от одной из недавно проложенных железных дорог. Укатанный путь на много десятков километров тянется серым полотном по степи и кончается среди одноэтажных домов посёлка.

Посёлок уже начинает закрываться зеленью. Ветви молодых деревьев поднимаются к крышам. Зелёные посадки в посёлке не одиноки. Если посмотреть кругом, то окажется, что

молоденькие деревья идут широкими полосами к югу и к северу.

Они чередуются так правильно, встречаются под такими явно заданными углами, что совсем не нужно обладать большой проницательностью, чтобы понять, что это дело человеческих рук!

В этих местах никогда не было лесов. Теперь же здесь много деревьев, посаженных, как видно, недавно. Они прикрывают посевы от сухого ветра.

Красноставская Энергетическая Станция Особого Назначения (КЭСОН), расположенная в степи, получила своё наименование от крохотной речки-ручья, около которой была поставлена палатка первых изыскателей.

Одноэтажный городок, в котором живут работники Красноставской, находится в двух с половиной километрах к юго-западу от производственных сооружений. Первоначальный проект предусматривал возведение высотных зданий с толстыми стенами, так как одна из основных задач, поставленных технологами перед строителями, заключалась в совершенной изоляции станции от внешних условий.

При обсуждении проекта Михаил Андреевич Степанов, только что окончивший Институт Энергии, предложил нечто новое – пользуясь отсутствием грунтовых вод, опустить сооружения под землю, отказаться от вертикального их расположения, распространяясь в длину и ширину.

Остроумное решение было оценено скупым на похвалы

Фёдором Александровичем: «Вот, извольте видеть! То, что нам нужно, – и почти в два раза дешевле!»

Красноставская не имела величественного внешнего вида. С внешней стороны она представлялась наблюдателю рядами резко очерченных возвышенностей, изображающих правильные геометрические фигуры и покрытых густыми посадками кустарников. Только тот, кто заглянул бы внутрь этих сооружений, понял бы величие работ, произведённых в короткий срок в необжитом степном районе.

Путь по воздуху от Соколиной Горы до Красноставской занимал два часа. Тотчас по прибытии Степанов прошёл в демонстрационный зал.

Докладывал начальник демонстрационного зала:

– Вчера ночью мы опять наблюдали излучения, имеющие характер освобождения атомной энергии. Лоцируя Луну, мы уловили отправляющийся от её поверхности в направлении к Земле луч несветового характера. Вот он!

Степанов взял из рук начальника демонстрационного зала несколько негативов. На чёрном фоне были видны резкие белые полосы. Они образовывали правильные параллельные линии.

На последних пластинках линий не было. На них были белые, слегка расплывшиеся пятна.

– Ого! – сказал Степанов. – Это что же? Прямо? Любовый снимок?

– В том-то и дело! Так получилось! – ответил начальник

демонстраций.

– А вы уже просматривали с предельным увеличением? – спросил Михаил Андреевич.

– Нет ещё, ждали вас.

– Вы взяли полную серию?

– Да, и очень удачно.

– Ну, давайте смотреть!

Демонстрационный зал имел в ширину сорок метров. Длину его трудно было определить на глаз: почти на всю ширину и на двадцатиметровую высоту он был пересечён белым экраном из прочной, идеально гладкой пластмассы. В распоряжении исследователей было полотно площадью в семьсот квадратных метров, позволявшее демонстрировать снимок с увеличением во много тысяч раз.

По полу были проложены в несколько рядов рельсы. В тридцати или сорока метрах от экрана рельсы уходили под операционную камеру – кубическое сооружение с плоской крышей, казавшееся в большом зале маленьким, хотя ребро этого куба было равно семи метрам. На его стене, обращённой к экрану, находились четыре обода круглых отверстий, напоминающих корабельные иллюминаторы.

Начальник демонстрационного зала поднялся по ступеням в операционную камеру. Степанов и работники Красноставской разместились на длинной скамье, укреплённой на первой ступени демонстрационной камеры. Оператор потушил свет. Зрителей окружала полная темнота, понятная

только тому, кто побывал глубоко под землёй, в шахтах или в пещерах, – густой, абсолютный мрак.

На экране вспыхнуло яркое пятно. Операционная камера покатила по рельсам вперёд, потом двинулась назад, остановилась. На гладкой поверхности экрана появился ярко окрашенный позитив, снятый на плёнку. Негатив методом лабораторного увеличения извлёк из областей, не доступных глазу, отпечатки живой энергии. Он показал их тончайшими, едва видимыми линиями. Теперь же на ярко освещённом экране струились полосы толщиной в руку, – оператор вёл демонстрацию с быстротой записи наблюдаемого явления. На экране были живые красные молнии. Ясно была видна кипящая сила их стремительного движения.

Края красных полос вспухали, опадали, покрывались зубцами с трепещущей бахромой. Появлялись какие-то подобию почек и ветвей. Они, казалось, хотели оторваться от своей основы, металась, искрились, сверкали, рвались в пространство и вновь исчезали.

Между широкими красными полосами появлялись точки и чёрточки золотисто-жёлтого цвета. Они нападали на красные живые молнии, отскакивали от них, исчезали и опять появлялись настойчивыми золотыми роями. На экране в демонстрационном зале Красноставской пульсировала, струилась и мчалась жизнь, ещё недавно никому не известная. И это были не амёбы, не бациллы, не низшие микроскопические формы живой, организованной материи. Перед внима-

тельными глазами людей жил внутриатомный мир, первоисточник энергии – движение частиц атомов!

Через двенадцать секунд после начала демонстрации красные полосы стали быстро утолщаться. Казалось, их стремительное движение замедлилось. Остановившись на краю экрана, они пульсировали, одетые трепещущими коронами. Затем красные пятна стали расплываться, готовясь слиться и заполнить весь экран. И вдруг всё исчезло. Наступила опять глубокая тьма подземелья, казавшаяся особенно густой, неподвижной после сверкающей бури энергии, впервые виденной людьми.

2

Для того чтобы понять происхождение записей в демонстрационном зале, нам нужно вернуться к событиям минувшей ночи, когда Красноставская отметила появление в мировом пространстве направленных излучений.

В ту ночь, как и всегда, Красноставская станция слушала или, с тем же успехом можно сказать, – смотрела.

Степь, перерезанная рядами молодых деревьев, была полна бесчисленными скромными жизнями, рождавшимися и умиравшими каждую секунду. Летали мириады насекомых. Беззвучно крался к чуткой добыче старый волк, а за ним строгая волчица вела по следу нетерпеливый выводок. Голодная сова бесшумно скользила в неподвижном воздухе. В

небе мерцали звёзды, и там – в тёмной вышине, начинали уже мелькать длинные чёрточки звёздного дождя. Выходила Луна, а станция смотрела и слушала...

Из многих сложных приспособлений состоял её орган слуха и зрения. Его чувствительная сетчатка представляла собой систему проводов, растянутых над землёй густой сетью. Диаметр сооружения составлял около одного километра. Сеть была подвешена на столбах, расположенных в шахматном порядке. Каждый столб, кроме сети, поддерживал длинную гибкую антенну. Общая высота всех антенн, составляющих на периферии приблизительно двадцать метров, к центру понижалась. В центре, похожий на выпуклую роговицу глаза, был вмонтирован колоссальный диск.

Вероятно, с воздуха всё это можно было бы сравнить с очень плоской воронкой гигантских размеров, сотканной из ажурной ткани. В середине воронки – громадный выгнутый диск. Это одновременно и зрачок и ухо.

Диск прикрывает одно из центральных помещений Красновоставской. Он сделан из сплавов металлов и имеет сложную слоистую структуру.

На земле вокруг диска лежат концентрическими кругами массивные кольца, покрытые защитной краской, рядом с которыми и стоят – каждый на своём фундаменте – столбы, поддерживающие антенны. Расстояния между кольцами около пятидесяти сантиметров, а толщина каждого кольца превосходит шестьдесят сантиметров. Вся система соединя-

ется цепью контактов.

Некогда в результате сложных геохимических процессов Земля отложила здесь слиток девственно чистого железа. Она закрыла своё тайное сокровище плотно, со всех сторон, толстой корой порфириров и базальтов, – спрятала его надёжно, казалось навечно.

Аномалия магнитной стрелки открыла изыскателям недр тайну земли, и богатая рудами страна отдала учёным замечательную находку. С точки зрения современной науки об энергии, именно здесь, именно в этом месте мог быть успешно приложен, наконец, знаменитый рычаг, которым Архимед собирался поднять Землю. Точка опоры!

В этом месте Институт Энергии мог легче всего осуществить одну из своих задач. Какую и как?

Это была необычайная работа. Впервые за всё время существования Земли первозданный металл подвергся особой форме насилия. Его не поднимали наверх по частям и не он увидел, какие перемены произошли за время, прошедшее со дня его рождения. Его не ковали и не плавил.

Нет, его оставили на месте и с ним сделали то, что мог сделать только Человек! Девственный металл настойчиво обрабатывали электрическими токами разного напряжения и разных частот. Его будили, его заставляли жить и вибрировать в самых глубинах, в самой сущности его вещества. И он изменился. В самой его структуре, в глубине его атомов произошли великие перемены и замечательная сила была воз-

буждена в подземной горе железа.

В ней появилась сила, подобная магнитной. А над ней расположились батареи генераторов, соединённые цепями бронзовых контактов с железными кольцами, лежащими наверху, под высокими антеннами надземного строения Энергетической Станции Особого Назначения.

Так, в сочетании наследства, полученного от природы, и знаний людей была создана Красноставская.

Этим единственным в мире устройством, генератором электромагнитных сил, управляла многосложная система машин. Красноставская была предназначена для изучения природы всех земных и космических излучений и для влияния на них.

3

Уже не в первый раз Красноставская Энергетическая Станция отмечала возникновение на лунной поверхности кратковременных, весьма ограниченных очагов излучения энергии явно ядерного происхождения.

Звёзды, в том числе и наше Солнце, излучают энергию своих атомов. На Солнце это результат физических процессов, происходящих при температуре, измеряемой десятками, сотнями тысяч и миллионами градусов. На Луне нет таких условий, подобные явления не должны быть ей свойственны.

Наблюдаемые излучения Луны получили на Красноставской название «лунных аномалий», а в переписке их условно именовали греческой буквой «сигма». Длительность их бывала кратковременной – до трёх минут. Вспышки обладали необычайной направленностью. Совершенно не наблюдалось дифракции, – не было этого отступления от прямолинейного распространения энергии, совершенно отсутствовало своеобразное загибание в область тени. Излучение пронизывало пространство, как игла!

Электромагнитное поле Красноставской имело возможность активно воздействовать на лунные аномалии. Поток искривлялся, привлекаемый КЭСОН. Затем, после выключения поля, поток, уклонившись со своего пути, должен был описывать некоторую траекторию и уходить за пределы Земли, подобно невидимой комете.

Красноставская неоднократно наблюдала лунные аномалии также и пассивно. Трудно было с точностью определить, где излучение касалось земной поверхности, но на Красноставской считали, что точки касания должны были располагаться в нескольких тысячах километров от неё к востоку.

В ночь, предшествовавшую приезду Степанова, руководители Красноставской были взволнованы тем обстоятельством, что поток лунной аномалии начал проходить где-то вблизи. Впервые таинственный луч был так близок! Толчок магнитного поля Красноставской заставил неизвестные частицы начать описывать круг, после чего поле было выключено.

чено. Возможно, что произошёл удар в сооружения верхнего строения Станции, хотя действие этого удара зарегистрировано не было – неведомая энергия погасла в грандиозной массе металла. Но её успели запечатлеть интереснейшие отпечатки на сверхчувствительной плёнке.

По подсчётам, сделанным на Красноставской, можно было высказать предположение, что без вмешательства Станции излучение прикоснулось бы к поверхности Земли на расстоянии от пятисот до тысячи километров от точки наблюдения в северо-восточном направлении.

– Да, необычайно интересно! – сказал Михаил Андреевич, – то, что мы называем «осколками» ядер всех известных элементов, не похоже на это излучение. Это – незнакомые нам элементы...

Сидя на широкой скамье в демонстрационном зале, Степанов думал, вспоминал. Невольно приходила в голову навязчивая мысль об искусственности странного явления. Не раз уже они обсуждали его... Фёдор Александрович не считал себя вправе высказать определённое мнение – ведь так мало было ещё наблюдений! Да, наблюдений было мало. В сущности, в первый раз удалось получить такой материал, который демонстрировался сейчас.

Оператор ещё пять раз повторил демонстрацию. Присутствующие обменивались замечаниями:

– Явно трансурановые элементы.

– Смотрите, как их атакуют космические лучи!

- Но какая сила и направленность!
- Ещё бы, осколки крупных ядер!
- Да, уран и плутоний остаются далеко!.

Повторные демонстрации шли в сильно замедленном темпе. Широкие красные полосы извивались, как жирные удавы, медленно набухали. Но, и замирая, они сохраняли упорство движения. Красные полосы хранили оси своего движения, не боясь нападения жёлтого роя чёрточек и точек.

Полосы превращались в неправильные пятна, замирали. Они казались гигантскими каплями крови, ещё не успевшей побуреть и засохнуть...

- Ни одного уклонения...
 - Замечательно настойчивое явление!
 - Дифракция не наблюдается!
 - Явление неправильное, периодичности нет!
 - Это может быть сильнее, чем излучения урановых котлов!
 - Но там дифракция налицо!
 - В том-то и дело, что тут её нет!
 - Конечно, там, так сказать, естественное явление...
- Степанов наблюдал молча.

4

Ночью Степанов подошёл к входу в основные помещения Красноставской. Ступени вели вниз, в вестибюль, а за ним

– к просторным кабинам. Точные приборы не любят, вернее очень боятся, пыли и влаги. Поэтому сюда через систему фильтров подаётся чистый, сухой воздух и круглый год поддерживается одинаковая температура.

Михаил Андреевич и руководители Красноставской прошли по длинным коридорам к тому месту, которое с чьей-то лёгкой руки называли здесь «зрачком КЭСОН».

Радиолокатор встретил их насторожённым молчанием. Луна была ещё за горизонтом.

...Шёл конец второго часа ожидания. На квадратном экране радиолокатора, наклонённом своей шестиметровой плоскостью в сторону наблюдателей, было видно несколько вытянутое в овал, светлое пятно Луны со скользящими по нему тенями.

Сверху сюда доносился один и тот же хрипловатый звук, чем-то напоминающий скрежет или ту неясную ноту, которая бывала слышна в наушниках старинного детекторного приёмника, если царапать кристалл. Музыка космоса, смутно улавливаемая человеческим ухом, слетала с выпуклого диска.

На сто тринадцатой минуте наблюдений на светлом овальном пятне, отражённом на экране, появилась яркая точка величиной с булавоочную головку. И сейчас же выпуклый диск заговорил: гкх... гкх... гкх...

Красноставская принимала... На Луне опять заработал источник непонятной энергии!

Оператор приступил к фиксации отражений. Но Михаил Андреевич не разрешил начальнику Красноставской включить силовые установки Станции. В эту вторую ночь Красноставская наблюдала пассивно.

Все ждали. Через три минуты пятьдесят семь секунд яркая точка на светлом пятне Луны исчезла. Сверху перестали доноситься звуки «гкх-гкх». Слышен был только успокоительный, привычный хрипловатый звук.

– Сегодня рекордная длительность, – обычно она не превышала трёх минут! – сказал начальник Красноставской. – Будут интересные снимки!

Михаил Андреевич прервал начавшийся было обмен мнениями.

– Товарищи, – сказал он, – до сих пор Красноставская Энергетическая Станция Особого Назначения действовала, руководствуясь только интересами наблюдений, зачастую пассивно регистрируя появление лунных аномалий. Иногда вы вмешивались и нейтрализовали аномалии при достижении ими сферы земного притяжения. Теперь же я обязываю вас бдительно наблюдать и при каждом появлении аномалий включать «щит»!.. А закончил Михаил Андреевич так:

– Не останавливайтесь, – берите всю нужную дополнительную мощность Соколиной Горы!

Глава пятая

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

1

Лет сорок назад и в большом «губернском» городе не было такой больницы, какая теперь обслуживает отдалённый степной район.

Два двухэтажных корпуса, аптека, рентгеновский кабинет, лаборатория, операционный зал, оснащённый всеми техническими новинками, специальная библиотека... Шесть врачей заботятся о здоровье населения района. Районный аэропорт двумя санитарными самолётами обеспечивает надёжную связь со всеми населёнными пунктами и областным центром.

Лидия Николаевна, крупная полная женщина лет пятидесяти, с широкими сильными руками хирурга, – главный врач Чистоозерской районной больницы, – говорила своей помощнице:

– Его состояние для меня вполне понятно. Совершенно ясны все признаки острой анемии. У него двадцать процентов эритроцитов, потеря подвижности, речи, сознания. Пульс слабо наполненный – только 25 в минуту!.. Это по-

чти смерть. Будем повторять переливание крови малыми количествами и следить за её составом. Общая конституция у него отличная. Кизеров утверждает, что он вполне здоров... то есть был здоров до утра воскресенья, во всяком случае...

– Значит, он заболел внезапно?

– Ещё бы! Но ведь молниеносная спонтанная анемия неизвестна, – по крайней мере, она никем не была описана. Ведите историю болезни особенно тщательно. Это очень важно. Больного нужно спасти. Я нуждаюсь в совете Станишевского и вечером позвоню ему в область. Если найдёт время, обязательно прилетит. Слишком уж тяжёлый и интересный случай.

Поздно вечером Станишевский, доктор медицины, профессор и главный врач областной клиники, внимательно слушал по телефону рассказ главного врача Чистоозерской больницы и подавал, по своей привычке, краткие реплики:

– Так! Так! Одобряю, дорогая Лидия Николаевна! Интересно! Как? Конечно! Именно капельные переливания! Да! Правильно, что вы меня известили. Конечно, хотя это не тиф, не холера, но по своей редкости – это именно «чрезвычайное происшествие» по минздравовской номенклатуре!

2

Много хлопот доставил врачам необычайный больной. Повторные переливания крови вначале, казалось, ничего не

давали.

На следующий день чистоозерский аэродром принял санитарный самолёт из областного центра, доставивший Станишевского.

Перед Лидией Николаевной появилась с небольшим чемоданчиком в руке знакомая сухая фигурка с очень живыми глазами на подвижном лице, с жёлтыми прокуренными усами и с остренькой бородкой.

– Вот и я, уважаемая и дорогая Лидия Николаевна!.. Я человек беспокойный. Уж очень вы интересно рассказываете. У вас, право, дар рассказчика! Так хорошо рассказали, что я не утерпел и – в гости к вам. Тут я привёз кое-какие реактивы, мы с вами кое-что проверим.

В лаборатории Станишевский убедился, что прилетел он не напрасно. Внимательные наблюдения с помощью мощного микроскопа над взятой у Николая кровью оказались, действительно, очень интересными.

Плазма крови больного обладала свойством растворять в каких-то пределах красные кровяные шарики. В каких пределах? Как долго сохранится у неё это страшное свойство?

Жизнь человека зависела от ответа на эти вопросы. И ответ был найден решительно и правильно. Частые переливания крови малыми количествами с добавлением физиологического раствора уже к концу второго дня привели к тому, что кровь больного потеряла свою роковую силу. С этого момента можно было быть уверенным в благополучном исхо-

де, а к четвёртому дню увеличение числа красных кровяных шариков было таким значительным, что вопрос полного выздоровления зависел только от времени.

Вечером четвёртого дня на очередной запрос Павла Ивановича Кизерова из больницы ответили: «Он ещё уток постреляет».

Но какие причины вызвали болезнь? Этот, самый важный теперь вопрос, оставался пока без ответа.

Станишевский ещё раз прилетел в Чистоозерскую больницу. В лаборатории, над микроскопом, произошёл такой разговор:

– Вот видите, Лидия Николаевна, растворение эритроцитов более не наблюдается. А такое число красных кровяных шариков, хоть их гораздо меньше нормы, бывает и у здоровых, но истощённых людей.

– Я тоже веду наблюдения, Павел Владиславович. Третьего дня всё-таки ещё было хотя и почти незаметное растворение красных кровяных шариков, но совсем не такое, как в первый день.

– А вчера?

– Так же, как сегодня, – всё хорошо.

Станишевский упрямо сдвинул брови.

– Считаю лечение удачным, об этом говорит и общее состояние больного, и микроскоп – сегодня и вчера. Он должен поправиться.

– Безусловно! Мы были правы, определив метод лечения.

Но причина, причина? Что это за невидимый яд – растворитель эритроцитов?

– Непонятно, непостижимо, Лидия Николаевна!.. Но вот что! Больному теперь лучше. Давайте ещё раз его посмотрим и поговорим с ним. Кстати, взятая мною у него в первый раз кровь была помещена в моей лаборатории в соответствующие живому организму условия. И что же вы думаете? Я очень быстро констатировал стабилизацию. Число красных кровяных шариков более не уменьшалось. Это подсказывает, что токсина в крови не было. И, действительно, никакого токсина в крови у него я не нашёл. Ведь это заставляет думать, что больной мог выжить и без нашего вмешательства! Непонятно! Не могу найти ответа!..

3

Внимательный осмотр больного вполне удовлетворил врачей. Николай с усилием, но достаточно ясно и внятно отвечал на вопросы.

Ему давали отдыхать и вновь осматривали и спрашивали. Прощаясь, Станишевский долго не выпускал его руки.

– Будете, будете здоровы! Ещё постреляете! Немного у нас здесь отдохнёте, ну – неделю, две, а там, пожалуйста, милости просим! Я сам в молодости ружьё любил. Ведь вы в отпуску? Отлично, мы вам бюллетень дадим, по закону отпуск на время болезни продлевается. Поживите у нас!

И вдруг... вопрос в упор – сказала жадная любознательность учёного:

– А на прощанье ещё раз прошу вас, скажите, не было ли у вас на озере какого-нибудь сильного переживания, так сказать, нервного шока, внешнего потрясения, вспомните-ка! Не здесь ли причина болезни вашей?

Веки Николая чуть дрогнули, и слабым ещё голосом он, вполне, впрочем, просто и уверенно, ответил:

– Нет, я не помню ничего особенного.

– Так. До свидания, дорогой мой. Именно до свидания, так как у меня к вам покорнейшая просьба. Вы ведь через наш город домой поедете? Вот и загляните ко мне, порадуйте вашим, к тому времени, – уверен! – цветущим видом. Болезнь ваша крайне для науки интересна. Случай с вами необычайный, скажу более – необычайнейший...

4

В глубине сознания, на границе полного мрака беспмятства возникло расплывающееся, смутное пятно: лицо Павла Ивановича. Слышался чей-то чужой голос. Инстинкт долга напоминал о записной книжке, – а потом всё исчезло...

Когда сознание возвращалось, опять вспоминалась книжка и звучал женский голос, кажется – Агаши... Потом снова всё исчезало.

Только где-то высоко-высоко вспыхивала крохотная,

очень яркая искра. Она со звоном бежала по длинной, протянутой от лунного диска струне.

Николай боялся, что искра упадёт. Он изо всех сил, напрягаясь всем телом, держал струну, и искра скользила по ней с томительным ноющим звоном «ззззз» и не падала.

Он не знал, когда это прекратилось, – осталась только большая усталость. Николай ощущал свет, слышал голоса и понимал обращённые к нему слова.

Отвечая на вопросы врачей, внутренне он был занят другим. Его – молодого, физически сильного человека – не интересовала болезнь как личный вопрос. Для него важно было другое – он всё время думал только о том, свидетелем чего он был на озере.

Слушая разговоры около своей постели, Николай убедился, что необычайное свечение луны никому неизвестно. Это подтверждало его мысль о редкой концентрации явления. Он понимал также, что Павел Иванович читал записи в его книжке и, как видно, сохранил секрет.

Но последний вопрос Станишевского был всё же неприятен Николаю.

«Как же быть? – спрашивал он себя. – Написать Алёше, дяде Феде?» Из путаницы мыслей и воспоминаний последних дней всплыл и чётко обрисовался строгий образ дяди Феди – старого учёного, его умные, проницательные глаза, его суровая требовательность к себе и окружающим.

Николай позвал дежурную сестру и сказал ей:

– Будьте добры, у меня в кармане было вечное перо, нельзя ли его достать? Пожалуйста!

Через десять минут сестра вернулась из кладовой.

– Я смотрела во всех карманах – пера нет. Наверно, в дороге потерялось. Вы хотите писать? Я сейчас принесу перо и чернила.

Но когда сестра явилась с бумагой и письменными принадлежностями, Николай сказал ей:

– Простите, что побеспокоил вас, я раздумал...

– А я вам на столике всё оставлю!

– Нет, нет, я не буду писать...

Вечером, несмотря на протесты дежурного врача, беспокойный пациент районной больницы встал и прошёлся по палате.

«Довольно валяться! Нужно скорее в Лебяжье! Там я всё продумаю хорошенько, побываю на дальнем озере и тогда вызову Алёшу!», – говорил он себе.

5

Небольшая записная книжка Николая находилась в надёжных руках. Последние слова записи ясно подчёркивали важность записанного: «...чувствую полную потерю сил, прошу Павла сохранить всё в секрете...»

Впрочем, бережное отношение Павла Ивановича к записной книжке и его молчание объяснялись не только чувством

дружбы и природной сдержанностью. На одной из первых страничек Павел Иванович прочёл подчёркнутую фразу:

«...Это может иметь большое научное значение, и не только чисто научное...»

Первая запись была сделана Николаем днём в воскресенье. Кратко повторяя уже известные нам особенности свечения на лунной поверхности, он писал:

«Падение космического тела на поверхность планеты может вызвать большой тепловой и световой эффект. Но это должно было бы наблюдаться всеми обсерваториями нашего полушария. В этом случае настоящие записи не имеют никакой цены, так как мы не имели нужных инструментов. Но удар метеорита о луну вызвал бы не концентрированный, а рассеянный луч света. Исключительная концентрация луча мною была проверена до того, как я разбудил Павла. Издали я едва замечал слабое свечение в камышах и в траве. Воздух же над озером был совершенно тёмным. Свет не отражался ни водяными парами, ни частицами пыли в воздухе. Всё это не похоже на известные мне виды свечения. Создаётся впечатление искусственного явления...»

Далее следовали менее разборчивые строки.

«Наблюдаю с берега, луна поднимается. Светящееся пятно появляется вновь. Отходил в степь и переставал его видеть. Граница освещённой зоны резко очерчена. Переход от неосвещённой зоны в освещённую составляет несколько шагов. Перехожу к наблюдениям из лодки на воде. Ветра нет, я

нахожусь приблизительно на середине озера. Вода освещается на полную глубину. Видны все водоросли на дне, но дна не различаю. Растения кажутся висящими в тёмном пространстве. Пятно изменило цвет, оно сейчас совсем белое. Смотреть на него трудно. Почти ничего не вижу. Чувствую полную потерю сил, прошу Павла сохранить всё в секрете»...

Точки не было. Следовала черта, уходящая вниз.

Николай всё же сумел спрятать книжку в карман, а его вечное перо Петя нашёл в лодке.

Если бы Николай мог продолжать записывать виденное, он отметил бы, что через несколько секунд после последней записи луч исчез, а луна и озеро приняли свой обычный вид.

На следующий день приехавший в районный центр Павел Иванович Кизеров увёз своего друга в Лебяжье. Николай не захотел оставаться в больнице ни на один день.

– Я совершенно здоров, – уверял он врачей.

* * *

Далёкое степное озеро на добрый месяц опередило время: камыши стояли на нём жёлтые, словно уже наступил сентябрь.

Тихо стало на озере: оно потеряло почти всех своих несчётных шумных обитателей, по которым дневные и ночные хищники, собравшись со всей округи, много дней справляли роскошную тризну...

Глава шестая

ОСТРОВ ТУМАНОВ

1

Туман... Густой, плотный туман, мягкий, как вата, уже вторые сутки окутывал остров, лежащий в океане вблизи северного побережья Европы. Бело-серое покрывало водяного пара переползло через неширокий пролив и редело на континенте, за прибрежными городами. К северу от острова туман простирался до льдов Арктики. С самолёта, идущего на большой высоте, можно было бы увидеть внизу только беспредельную, едва, волнующуюся снежнобелую пелену тумана.

Однако ни один лётчик не отваживался, на полёт. Ни одно судно не выходило из портов. Радио оповестило весь мир о необычайном тумане в этом районе. Зимой, в декабре или в январе, в период относительного покоя на северных морях между бурями в дни осеннего и весеннего равноденствия, такие туманы не были исключительным событием.

Но в последние дни июля!..

Газеты печатали интервью своих корреспондентов с учёными: беседы с известными метеорологами, географами,

физиками, химиками, снабдив их высказывания сенсационными заголовками, далеко не всегда отвечающими содержанию.

«...Сэр Бернон считает, что туман предвещает изменение климата...»

«...Опрошенные нами учёные заявляют, что такого тумана в это время года никогда ещё не наблюдалось с самых древнейших времён...»

«...Великий химик Плайн заявил, что его не интересуют причины, вызвавшие появление тумана. Но он говорит, что нужно немедленно прекратить сжигание угля во избежание отравления населения оседающими газами...»

«...Наш известный писатель Бернар Фоу сказал, что этот туман напустили на последней сессии Организации Наций противники мира, но что известные круги наверняка объяснят появление тумана происками коммунистов и что протокол, изобличающий коммунистов, спешно изготавливается и будет опубликован в ближайшие дни...»

«...Сэр Артур Форрингтон утверждает, что с помощью атомной энергии можно навсегда изгнать туман с нашего острова...»

И так далее и так далее...

Большинство спекулировавших на тумане газет отмечало необычайность атмосферных явлений в этом году. Понижение температуры Гольфштрема совпало с поразительно низ-

кой летней границей арктических льдов. Суда, пересекавшие Атлантику, встречали ледяные поля и айсберги в таких широтах, где их ещё никогда не бывало летом. Пароходные компании, обслуживавшие северные воды, были вынуждены переместить пути прохождения своих судов к югу. Льды мешали рыболовству на северных отмелях.

На следующий день вечерние газеты соперничали между собой, бесстыдно используя туман для увеличения тиража.

Тысячи и тысячи невидимых в тумане продавцов газет глухо выкрикивали:

– Мир охлаждается! Покупайте «Вечерний Вестник», вы узнаете последнюю новость о тумане!

– Только «Трубач» знает правду о тумане!

– Покупайте, покупайте, покупайте!!!

Туман был таким плотным, что продавцы и покупатели газет видели только руки друг друга, появлявшиеся из тумана.

Жизнь на острове, густо заселённом несколькими десятками миллионов людей, приостановилась.

Застигнутые туманом на пути к острову, сотни океанских кораблей снижали ход и медленно двигались, завывая мощными сиренами. Штурманы непрерывно производили расчёты, прокладывая курс вблизи коварных, изобилующих отмелями и подводными камнями берегов. Капитаны каботажного плавания были счастливы, когда опущенный наудачу якорь цеплялся за дно: «Можно отстояться».

Движение наземного транспорта на острове прекратилось. Люди передвигались только пешком, да и то рискуя разбить себе лоб о фонарный столб или о стену. Метрополитен был в эти дни единственным способом сообщения.

2

– Наконец-то! Клянусь Юпитером, сэ, дорога мне показалась чертовски длинной.

Туман скрадывал длинные линии тяжёлых каменных фасадов. Если подойти вплотную к одному из них, то с трудом можно разглядеть троих людей, стоящих у входной двери особняка. Один из них высок и строен. Тёмная шляпа и тёмное пальто с поднятым воротником влажны от тумана. Второй, выразивший своё удовлетворение окончанием трудного пути, носит форму старшего офицера полиции, третий, очень массивный грузный человек в клеёнчатой накидке, – полисмен, наблюдающий за порядком в квартале.

Полисмен звонит. Большая дверь с бронзовыми украшениями и с головами львов, которые держат в зубах блестящие, точно золото, кольца, открывается почти тотчас. Вестибюль ярко освещён, но не свет прорезает туман, а туман клубами врывается внутрь вместе с двумя входящими в дом мужчинами. Полисмен остаётся на улице.

Лакей с бритым бесстрастным лицом низко кланяется, принимает у посетителя трость, пальто и шляпу и говорит

тихим, почтительным голосом:

– Сэр Артур ожидает вас, сэр...

Человека в форме офицера полиции он не заметил.

Как заведённый автомат, лакей поднимается по лестнице на второй этаж, показывая дорогу. Войдя в большой зал, он пересекает его по диагонали, ни разу не оглядываясь, но точно соразмеряя свои шаги с шагами гостя. Ноги лакея, обутые в лёгкие ботинки на каучуковой подошве, бесшумно скользят по коридору, потом он проводит гостя ещё через две комнаты и, наконец, останавливается, стучит в дверь и чуть приоткрывает её.

«Сэр...», – и он докладывает о посетителе, называя имя человека, который, несмотря на относительно молодой возраст, был не так давно министром островной империи. Лакей пропускает гостя и осторожно, но плотно закрывает дверь. Назад он идёт медленно. Он также бесшумно двигается, но теперь походка его изменилась. У него что-то неладно с левой ногой, кроме того, у него подёргивается щека. Это не годится, ему не хотелось бы расстаться с местом. Платят хорошо и работа нетрудная, особенно когда хозяина не бывает дома. Хозяин отсутствует часто. Сестра хозяина, мисс Молли, добрая старая леди. Хозяин тоже хороший, он никогда не обращает внимания на слуг. Самое лучшее, когда хозяева не говорят со слугами... А хозяин чужак... читает «Рабочий день»! Забавно! Что он там находит? А ведь читает! Это сразу видно по газете. Другие газеты часто остаются нераз-

вёрнутыми... Да, из-за воспаления седалищного нерва, нажитого в окопах, можно потерять хорошее место. Если это будет усиливаться, – в дом призрения бедных или на улицу.

Лакей остановился и потёр бедро. Проклятая болезнь. Но если не будет хуже, он выдержит и никто ничего не заметит...

Полицейский офицер сидит в вестибюле в кресле. Как же он его не заметил? Чортова болезнь! Оплошал...

– Не угодно ли вам подняться наверх, сэр?

Лакей опять скользит по лестнице автоматической бесшумной походкой.

– Стакан старого портвейна, сэр? Бисквиты, сэр? Сигару, сэр?

3

Громадная комната, дверь которой открылась, чтобы пропустить посетителя, кажется тёмной, несмотря на яркое освещение. Чёрно-коричневый резной дуб потолка и стен. Чёрный блестящий паркет. Тёмнокрасная кожа кресел и диванов. Чёрное дерево столов и стульев, чёрное дерево книжных шкафов, откуда глядят длинные ряды коричневых корешков. Тусклые, тёмных тонов картины мастеров старой фламандской школы висят над шкафами. Окна задёрнуты занавесами из тяжёлого темновишневого бархата. Белого цвета здесь только борода хозяина, закрывающая ему грудь,

жѳсткий пластрон сорочки гостя, открытый низко вырезанным жилетом вечернего костюма, да два мраморных бюста – Аристотель и Фарадей – на высоких подставках. Гость начинает первым:

– Как поживаете, сэра Артур? Какой туман! Какая отвратительная погода!

Хозяин смотрит на гостя маленькими, упрямыми светло-голубыми глазами и молча принимает его рукопожатие. Он утвердительно наклоняет седую голову. Кажется, на него не производит впечатления ни высокий пост, который прежде занимал его гость, ни положение, которое он и сегодня удерживает в своей партии.

– Отвратительная погода, – явно только из вежливости произносит, наконец, сэра Артур Форрингтон. – Вчера газеты не давали мне покоя и я был вынужден принять репортёра... – он назвал одну из наиболее распространённых утренних газет.

– Я читал ваше интервью, сэра Артур. Оно необычайно интересно. Я давно не имел удовольствия беседовать с вами. Я только из газет узнал, что вы здесь. Я предполагал, что вы находитесь в... – бывший и, возможно, будущий министр назвал один из мало известных городов заокеанской страны, показав тем самым полную осведомлённость о занятиях сэра Артура.

– Да, я намеревался пробыть здесь всего один день, но меня задержал туман.

– Вы уезжаете, сэра Артура?

– Томас Макнилл настаивает на свидании со мной. При первом прояснении я вылетю на континент.

– Я отношусь с большим уважением к мистеру Макниллу и ко всем членам этой сильной семьи. Они были на высоте положения во время войны...

– Я давно связан с ними...

– Кто же не знает, сэра Артура, чем обязана вам наша промышленность и мощь империи!

Сэра Артура не отвечает. Гость выдерживает требуемую вежливостью паузу и, видя, что хозяин не собирается говорить, меняет тему разговора:

– Вы высказали в вашей беседе с репортёром очень интересные мысли, но не считаете ли вы их преждевременными?

Сэра Артура смотрит на гостя в упор и молчит.

– Для вас, сэра Артура, не является секретом, что, несмотря на смену парламентского большинства, наша (гость делает ударение на этом слове) внешняя политика не претерпела изменений. Вам известно, что у нас есть большие шансы вскоре вновь взять всё в свои руки. Ваше участие в научных изысканиях, которые проводит империя совместно с нашим заокеанским партнёром, представляется нам очень важным...

Сэра Артура делает движение, и гость прерывает свою речь.

– Почему же я не могу высказать свои мысли? Кому не известно, что атомная, как вы её называете, энергия может повысить температуру Гольфштрема, превратить арктические

льды в маленькое пятно около полюса и на век покончить с нашими туманами?..

Гость мягко улыбается:

– Но к чему при современном международном положении внушать массам необоснованные надежды, тем более что враги цивилизации и империи пользуются всеми средствами для того, чтобы поколебать нашу мощь?

Сэр Артур начинает раздражаться:

– То, о чём я говорил, можно осуществить в ближайшее десятилетие!

– Я хотел сказать, сэр Артур, что место, занимаемое вами в комиссии учёных двух стран... и нежелательность огласки...

Сэр Артур резко перебивает гостя:

– Я, вероятно, скоро не буду занимать этого места...

Гость говорит с нескрываемым удивлением:

– Но интересы империи, сэр?

– У вас нет монополии на понимание интересов империи. Огласка? То, о чём я говорю, является сейчас тайной только для политиков и учеников приходских школ. Каждый студент, если он занимается не только спортом, знает это!

Сэр Артур становится всё более и более резким в выражениях, однако гость не хочет замечать адресованных ему колкостей.

– Но война приближается! Мы обязаны готовиться к оборонительной войне, сэр Артур.

– К войне с русскими? Старая, навязчивая идея! Вы хотите верить, что русские кровожадны и невежественны, хотя сами не верите этому! Вам первому известно, что там есть очень знающие люди, вот например (и сэр Артур назвал фамилию Фёдора Александровича). Я видел его перед войной. Он окружён учениками. И он делает то, что хочет. Да!

– Но ведь вы, сэр Артур, всегда принимали деятельное участие...

– А теперь, по вашему мнению, дорогой сэр, настало время и мне заняться политикой, причём по вашему рецепту? Вы ошибаетесь!!! Вы хотите вынудить всех заниматься политикой? Что же... Ею, наконец, займутся! Но не так...

Сэр Артур уже несколько минут ходит по комнате и говорит очень громко, не глядя на бывшего министра.

Гость встаёт.

– Я вижу, сэр Артур, что вы сегодня не расположены к деловой беседе, – говорит он, вежливо улыбаясь, но глаза его становятся холодными, колючими.

– Я всегда расположен к разумным беседам.

– Желаю вам покойной ночи, сэр!

Гость откланивается, не принимая вызова.

Сэр Артур молча отвечает на поклон и нажимает кнопку звонка. Лакей встречает бывшего министра за дверью, провожает в вестибюль, подаёт пальто и шляпу, и посетители исчезают в тумане.

Лакей остаётся один. Он удивлён: «Странно... Хозяин да-

же не проводил его хотя бы до дверей библиотеки! Его!»

4

Неподвижное море густого тумана всё ещё затопляет столицу острова. По одной из её улиц медленно движется маленькая группа людей. Двое мужчин и две женщины. Не обращая внимания на туман, они ходят целый день по городу; они стучатся во многие двери, входят в десятки квартир, говорят с сотнями людей. Наступает ночь. Но их путь ещё не кончен.

Трудно двигаться в тумане. И все четверо устали. Но люди продолжают идти. Их дело не может ждать, не может! Это очень важное дело.

Вот они подошли к большой двери с бронзовыми украшениями и с головами львов, которые держат в зубах блестящие, как золото, кольца. Один из мужчин позвонил, подождал, опять нажал на кнопку звонка.

Дежурный полисмен натолкнулся на маленькую группу. Он остановился, направил на людей луч карманного фонаря.

Но в эту самую минуту дверь приоткрылась. Вышел лакей. Он старался рассмотреть смутные тени в тумане.

– Кто вы? Что вам угодно? – спросил он.

– Мы хотим видеть сэра Артура Форрингтона, – глухо ответили из тумана.

– Сэр Артур не принимает.

– Пожалуйста, доложите ему, что мы очень просим его принять нас. Только на несколько минут.

Лакей вытягивает вперёд голову и в луче полицейского фонаря различает силуэт женщины. Женщина повторяет:

– Мы очень просим!

Лакей открыл дверь шире и проговорил:

– Войдите.

В вестибюле лакей нерешительно сказал:

– Я попробую доложить. Подождите...

У двери библиотеки он прислушался, поднял руку, снова прислушался и, наконец, постучал. Не слыша ответа, он приоткрыл дверь, очень осторожно и тихо произнёс:

– Простите, сэр, две леди и два джентльмена очень просят вас принять их на несколько минут. Это не репортёры, они из Комитета... Что прикажете им ответить, сэр?

Лакей низко согнулся и виновато посмотрел на своего хозяина. Форрингтон вышел из библиотеки и молча спустился в вестибюль. Старый учёный насупившись слушал простые, страстные слова, с которыми обратилась к нему женщина с утомлённым лицом. Нетерпеливым жестом прервал начавшего говорить мужчину с пустым правым рукавом пальто, пришпиленным к карману, и спросил:

– Где я должен поставить свою подпись?

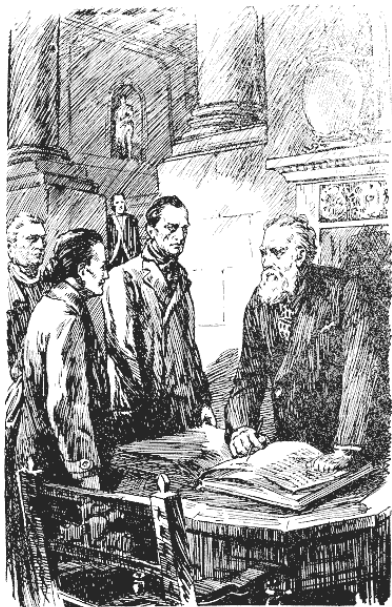
Когда Форрингтон расписался на одном из бланков, мужчина с пустым рукавом поношенного пальто сказал ему:

– Комитет благодарит вас, сэр Артур.

Форрингтон посмотрел сначала на пустой рукав, а потом на лицо мужчины и спросил:

– Что я могу ещё для вас сделать?

– Ничего, мы только собираем подписи, сэр Артур.

– Где я должен поставить свою подпись?

...Лакей сидел в вестибюле и размышлял: «Какой странный день! Хозяин не захотел даже проводить бывшего министра и был очень сердит... Когда пришли люди из Комитета, было страшно докладывать ему... А получилось хоро-

шо. Сам вышел и подписал! Подписал воззвание Комитета Защиты Мира! Чудеса, просто чудеса! И, видно, правы те, кто говорит, что мир меняется. Поскорее бы пришли новые времена!...»

5

Действительно, в этом тумане, да ещё ночью, без помощи полиции ходить было трудно. Первый гость сэра Артура Форрингтона, передаваемый одним полисменом другому, благополучно вернулся домой.

Он потребовал соединить его по телефону и через минуту говорил с человеком, отрывистый, лающий голос которого был широко известен в странах английского языка.

– Вы оказались правы, – сказал бывший министр. – Мой визит был весьма интересным!

– Старый бонза действительно закусил удила?

– Он вёл себя очень странно. Я должен признаться, что он был просто невежлив. Он, по-видимому, отказывается от участия в комиссии...

– Это старческое брюзжанье, как вы полагаете?

– О, нет! Он отнюдь не кажется впадающим в детство!

– Образумится! А пока его место в комиссии следует считать вакантным.

– Всё же это потеря для империи. Но у вас, кажется, есть хороший кандидат?

– Да. А что он сказал по поводу своего фантастического интервью?

– Он совершенно не считает его фантастическим. И, кроме того, он сказал, что наши работы по атомной энергии не могут быть тайной. Он, в частности, назвал... (и бывший министр повторил фамилию Фёдора Александровича). Я сделал вывод, что Форрингтон увлечён успехами русских и считает доступным влияние атомной энергии на климат.

– Вероятно, он прав. Старый бонза знает своё дело и всё, что к нему относится, лучше, чем я свою ладонь. Я вижу, что ваш визит не был излишним. Мы увидимся, когда рассеется этот проклятый туман.

6

Утром следующего дня туман стал редеть. Остров оживал... К полудню последнее облачко было унесено ровным свежим ветром, дувшим с океана, и солнце весело засияло в небе.

В пять часов вечера лёгкий двухместный самолёт поднялся с аэродрома, расположенного в пятидесяти милях от столицы острова, одинокого пассажира с большой, закрывающей грудь, седой бородой. Его провожал только лакей с бесстрастным бритым лицом. Слуга положил в самолёт два плоских лёгких чемодана и некоторое время стоял с непокрытой головой, почтительно глядя вслед быстро поднима-

шейся в воздух машине. Затем он, чуть заметно прихрамывая, вышел за ограду, где его ждал роскошный автомобиль хозяина.

Глава седьмая

ЗАМОК НА РЕЙНЕ

1

По количеству военных столкновений и пролитой человеческой крови мало есть в мире мест, которые могли бы сравниться с долиной Рейна.

Кто только не форсировал этот столь важный для народов Западной Европы рубеж!

В долине Рейна, как, впрочем, и во многих других местах Западной Европы, памятниками непрерывных войн, стычек и грабежей мрачного средневековья остались ещё кое-где замки давно забытых владетелей – больших и малых баронов, рыцарей-разбойников.

К толстым каменным стенам и к высокой цитадельной башне одного из таких замков и сегодня очень подошла бы коренастая фигура бородатого рыцаря в кольчуге, надетой поверх толстой куртки из бычьей кожи, зорко всматривающегося в даль. Тем более дисгармонировал с обстановкой далёкого прошлого стройный, средних лет, безукоризненно выбритый мужчина в чёрном вечернем костюме, сидящий на вполне современном стуле на верхней площадке башни.

Резкие, крупные черты лица, тяжёлый подбородок, тёмные, зачёсанные назад волосы, особая манера твёрдо держать голову – весь его облик вполне соответствовал своеобразному стандарту политических деятелей и «капитанов» индустрии, который хорошо знаком читателям стандартных же, обильно иллюстрированных изданий, наводняющих страны английского языка.

Его собеседник, если бы ему переменить костюм, скорее сошёл бы за одного из старинных обитателей замка. Это был человек со старомодной окладистой седой бородой, с живыми глазами и с хорошим цветом лица, свидетельствующим о прекрасном здоровье и о сильной, бодрой старости. Костюм его носил следы небрежности в противоположность строгой подтянутости первого.

Хозяином был младший, старший – гостем. Когда этот гость говорил, хозяин немного наклонялся вперёд, и вся его фигура выражала подчёркнутое внимание.

Действительно, техническая печать, учебники химии, физики и механики островной и заокеанской стран давно уже приучили студентов и инженеров к имени Форрингтона. Член многих академий и десятков научных обществ (на его визитной карточке никак не поместились бы все его научные титулы, хотя бы и изображённые по островному обычаю только начальными буквами), профессор Форрингтон уже давно оставил педагогическую деятельность. Гораздо интереснее казалась ему научная деятельность в лабораториях

крупных заводов. В кругах учёных говорили иногда, что с тех пор, как Форрингтон отказался от кафедры в знаменитом университетском городе К... публикуемые им заметки и статьи стали менее содержательными.

Те, кто с ним не встречался непосредственно, считали, что Форрингтон стареет. Но не в старости и не в отрыве от университетов было дело...

Прежде чем перейти к описанию дальнейших событий, познакомимся поближе с двумя джентльменами, столь мирно, на первый взгляд, беседующими в старинном замке на Рейне.

2

Младший из собеседников, Томас Макнилл, мог бы называться также и Макниллом третьим.

Династия Макниллов благоговейно хранила память о Томасе Макнилле старшем, сделавшем первые самостоятельные шаги к богатству в пятидесятых годах прошлого столетия. К началу Крымской войны, когда Артура Форрингтона, молодой священник, получил скромный приход в южной части острова, – способный кузнечный подмастерье Томас Макнилл уже был владельцем собственной оружейной мастерской, выпускавшей отменные охотничьи штуцеры и ружья, высоко ценимые в колониях империи офицерами захватнических войск королевы Виктории.

Томас Макнилл первый сумел значительно увеличить своё скромное предприятие во время Крымской войны. Стволы для штуцеров, изготовленные на его заводике, имели бесспорное преимущество перед продукцией других фирм. Но в тот год, несмотря на великолепнейшие штуцеры Макнилла, несмотря на явное техническое превосходство, несмотря на твёрдую решимость прихожан и пылкие молитвы священников, в том числе и достопочтенного Форрингтона-отца, война с этими упрямыми русскими казалась бесконечной.

Вместо известий о молниеносном успехе из далёкого Крыма поступали длинные списки убитых и раненых и настойчивые требования оружия.

Молебны о даровании победы прерывались заукойными службами, а Томас Макнилл первый к концу войны увеличил своё предприятие в несколько раз и имел право называть его заводом.

Кроме штуцеров, фирма «Макнилл и сыновья» начала выпускать пистолеты, штыки, наконечники для пик и клинки для сабель – всё отличнейшего качества. В последний месяц войны с русскими на островных полигонах испытывались первые орудийные стволы новой марки, которой предсказывали большое будущее. А после заключения мира с Россией островная империя пополняла свои опустошённые войной арсеналы тоже при деятельном участии фирмы «Макнилл и сыновья».

Весьма прибыльной для фирмы оказалась организация оружейных мастерских в Индии, необходимость чего была доказана попыткой индусского народа сбросить иноземный гнёт, известной под именем восстания сипаев.

К началу франко-прусской войны – через четырнадцать лет после Крымской кампании – репутация фирмы «Макнилл и сыновья» была столь устойчива, что фирма сумела принять заказы от обеих воюющих стран.

Хотя Томас Макнилл первый, полностью солидаризируясь с общественным мнением островной империи тех лет, всей душой сочувствовал пруссакам, он тем не менее доказал правильность своих действий балансом фирмы, отразившим аккуратность и платёжеспособность как молодой германской империи, так и республиканских наследников побеждённого императора французов Наполеона Третьего.

Томас Макнилл свято соблюдал воскресный день и никогда не отказывал в пожертвованиях на благотворительные цели. Он жертвовал крупные суммы на африканские миссии, на обращение в христианство китайцев, на религиозные проповеди среди арабов, на просвещение дикарей тихоокеанских островов и на прочие богоугодные мероприятия.

Франко-прусская война окончательно и прочно утвердила фирму «Макнилл и сыновья» на мировом рынке оружия, и жизнеспособная промышленная организация с тех пор с честью принимала участие во всех больших и малых войнах второй половины XIX века.

Наряду с турецкими султанами (испытание оружия «Макнилл и сыновья» на русских солдатах продолжалось) в книгах фирмы после южноамериканских республик и всех восточноазиатских империй можно было найти и раджу Саравака и даже страшного пирата китайских морей Ванг-Фонга, замаскированного именем известного калифорнийского банкира.

«Бог наградил меня долгой жизнью и крепкой старостью», – любил говорить Томас Макнилл первый. Отличаясь долголетием и цветущим здоровьем, старик дожил до англо-бурской войны.

В год его смерти молодой Артур Форрингтон расставался со строгим укладом патриархальной семьи. Он уносил с собой в открытые двери университета традиционный багаж, состоящий из внушённой с детства привычки искать в библии примеры на все случаи жизни, и твёрдое убеждение в том, что великая островная империя является истинным центром мира. Он нёс в себе также и свойственную его кругу и времени убеждённость в том, что каждый уроженец острова-метрополии стоит неизмеримо выше не только цветных людей, но и европейцев других национальностей.

Среди студентов он выделялся колоссальной работоспособностью и любовью к точным наукам, соединённым с пренебрежением к древним языкам и к спорту.

Тем временем фирма «Макнилл и сыновья» продолжала испытания своего оружия на русских солдатах. В 1904–1905

годах она снабдила японские военные корабли непроницаемой бронёй, дальнобойными пушками и прочими изделиями своего производства, а остров посылал своих инженеров на японские заводы и своих офицеров-инструкторов в армию и на флот азиатского партнёра.

В 1914 году, закончив свои испытания на людях всех цветов и оттенков кожи, всех наций, языков и наречий, всех возрастов, религий и убеждений, фирма «Макнилл и сыновья» прочно завоевала мировую известность.

3

Тогда же, или несколько позже, следуя завещанию своего основателя – «Уважайте учёных, не жалейте на них денег!», «Макнилл и сыновья» обратили в первый раз внимание на молодого физика Артура Форрингтона, которому пророчили большое будущее. Предприимчивые продолжатели дела Макнилла старшего умели привлекать учёных и удерживать их. Испытывая практическую пригодность теоретиков посредством отдельных консультаций и поручений, «Макнилл и сыновья» оценили по заслугам большие способности и дар смелого, но осторожного экспериментатора.

К середине тридцатых годов двадцатого столетия Форрингтон, мастер лабораторных анализов и человек широчайшего научного кругозора, счёл бы просто неприличным, если бы кто-нибудь заметил ему, что он изменил своему пер-

вонаначальному мнению относительно исключительности людей островного происхождения. В частности, на него не произвела впечатления глупая, не согласная с чопорностью острова, выходка провинциального журналиста, поместившего незадолго до начала второй мировой войны статью с весьма прозрачными намёками на неблагоприятность обмена научным опытом между Форрингтоном и его германскими коллегами. Неприличная выходка журналиста скоро была забыта. Форрингтон искренне, без всякого лицемерия, считал себя безукоризненным деятелем свободной науки. Впрочем «Макнилл и сыновья», осведомлённые в данном случае лучше, чем их высокоуважаемый учёный, гораздо больше его знали об истинной цене фактов, на которые намекал пронырливый газетчик.

4

Их учёный... Действительно, к этому времени Форрингтон был монополизирован Макниллами. Он был полностью вовлечён в круг интересов и дел колоссальной и разветвлённой фирмы.

Объём работ притягивал этого человека, способного делать многое. Ресурсы фирмы были, казалось, в его полном распоряжении. Это заставляло Форрингтона мириться с тем, что работа иногда меняла первоначальное общее научное направление, а конечные её цели незаметно суживались до

практических задач – с направлением к ограниченно военным целям. Зато сам по себе процесс творчества был всегда увлекательным.

Весьма поучительной оказалась история с удобрением 61-СВ. Массовое производство продукта, основанное на использовании отходов анилиновых заводов и перегонки кардифского угля, обещало переворот в скудном сельском хозяйстве на тощих почвах горных районов северной части острова – родине предков Макниллов. Однако производство было резко сужено, а вся продукция использовалась как сырьё для изготовления нового взрывчатого вещества – тоже по патенту Форрингтона, что служило для него моральной компенсацией.

Конечно, у учёного бывали вспышки недовольства фирмой. Крайне неприятной оказалась и жёсткая фирменная цензура, препятствовавшая широкому опубликованию многих работ, к чему Форрингтон привык в первой половине своей жизни.

Старая культура мысли, – скорее, впрочем, слова, чем мысли, – обладает магической способностью облагораживать вещи и действия. Предъявляемые учёному требования были облечены в приятные, корректные формы.

Форрингтон не стремился к деньгам, – его интересовала только наука в её «чистом» виде. Давно уже закрылся краткий, менее чем двухлетний период скромной семейной жизни учёного, завершившийся смертью жены и новорожденно-

го ребёнка. Две недолгие и не совсем удачные встречи, – как это называлось на языке людей его круга, – не завершившиеся браком, не оставили в его душе ни следов, ни воспоминаний.

Между первой и второй мировыми войнами окончательно укрепилась связь учёного с фирмой, и деньги нашли Форрингтона. Их вторжение в его жизнь создало привычку к обладанию многими преимуществами. Особняк в столичном городе острова со специальными пристройками, где разместились лаборатории и библиотеки, склонность к новым моделям роскошных автомобилей и коллекционированию старинных физических приборов – всё это не мешало учёному щедрой рукой помогать многочисленным племянникам и племянницам. Он был довольно деликатен, – богатый дядюшка. Его редкие вспышки гнева не пугали родню, на которую он никогда не смотрел свысока и от которой даже сносил без гнева намёки на небрежность своего костюма.

А его счета в банках всё росли и росли. Перед второй мировой войной – «за оказанные услуги в области развития знаний и т. д.» – Артур Д. Форрингтон был пожалован королём званием баронета.

Научная деятельность сэра Артура признавалась правящими кругами весьма ценной, несмотря на то что о ней теперь больше знали сейфы фирм, производящих оружие, чем широкая публика.

Весьма своевременно использовав особенности «мирного» периода между двумя мировыми войнами, фирма «Макнилл и сыновья» быстро покрыла убытки, причинённые нежеланием «этих русских» расплачиваться с долгами, сделанными их бывшим царём.

К началу второй мировой войны фирма сделала прыжок за океан – Томас Макнилл, сын Джона второго, руководил группой предприятий, расположенных в трёх штатах. Натурализованный гражданин заокеанской страны несколько изменил отношение к отцовской фирме после второй мировой войны, – когда контрольный пакет акций «Нью Мэксвилл» перешёл в руки заокеанских друзей, а его старая родина всё больше входила в роль бедной родственницы. На дипломатическом языке она теперь вежливо называлась «младшим партнёром».

Сэра Артура Форрингтона и мистера Томаса Макнилла сближало взаимное понимание в научной и, особенно, в технической области. Инженер-механик, дополнивший своё образование на специальных физико-математических и химических факультетах, Томас Макнилл владел дедовским талантом администратора и исключительным упорством в достижении поставленной цели.

Хотя Томас и оставался учеником сэра Артура, но в сфере

воплощения в жизнь научных идей он не имел себе равных и не раз удивлял Форрингтона достигнутыми результатами.

Может быть именно поэтому за последние два года Томас Макнилл начал несколько тяготиться при встречах с Форрингтоном своим положением ученика.

Но Форрингтон был большим учёным, и в нём нуждалась не только фирма... Об этом постоянно помнил Томас Макнилл. Дело в том, что сэр Артур Д. Форрингтон принадлежал к числу представителей империи в комиссии учёных двух стран – партнёров в мировой политике. Он был членом комиссии, которой два правительства поручили разработку одной из величайших научных проблем XX века, проблемы атомной энергии, или, как её понимали указанные два правительства, проблемы усовершенствования атомного оружия.

Глава восьмая

ПОДЗЕМНЫЙ ЗАВОД

1

– Какой простор! Какой вид, наверно, открывается отсюда днём! – сказал Форрингтон Маквиллу, поднимаясь со стула.

– Да, сэръ Артур, – отвечал Томас Макнилл, также вставая. – Правильно оценивая важность проводимых нами работ, наше командование дало мне возможность выбрать самое удобное во всех отношениях место в долине Рейна. Здесь многое сделано в эти годы. Мне очень хотелось бы... показать вам наши работы... Я надеюсь, вы не слишком устали после дороги?

– Знаете, Томас, я начинаю иногда уставать. Вы, молодой человек, ещё не знаете, что такое усталость. Да, я чувствую себя иногда раздражённым. Но сейчас я недостаточно устал, чтобы заснуть.

– Мне хотелось бы, чтобы вы приняли участие во втором опыте. Мы уже работали, и довольно удачно, прошлой ночью. Сегодня полнолуние, безоблачно, – это облегчит нам дело.

В темноте ночи повсюду виднелись частые огоньки. Они

мерцали во всех направлениях, слабели и исчезали в тёмной дымке далёкого горизонта.

Томас Макнилл замолчал. Медленно осматриваясь по сторонам, Форрингтон наслаждался незнакомым видом. В одном направлении обзору мешала высокая труба. Тёмный металлический цилиндр поднимался выше башни из дальнего угла крепостного двора. Днём можно было бы увидеть, что старые стены замка в этом месте были разобраны. Двор не был освещён, и труба вставала из густой тени, отбрасываемой замком.

Вдали, за трубой, правильными линиями сияли огни аэродрома, принявшего самолёт, на котором прилетел сегодня вечером Форрингтон. По ярко освещённому виадуку пронёсся поезд. Далёкий грохот, подчёркнутый ночной тишиной, точно разбудил Форрингтона. На аэродроме взвыла сирена, извещая о старте самолёта. Сэр Артур сделал шаг вперёд.

– Осторожнее, сэр Артур, здесь нет перил.

– Пойдёмте, Томас...

– Позвольте мне показать вам дорогу...

2

Они подошли к низкому стальному колпаку в середине площадки.

Спустившись на несколько ступенек, они оказались перед

дверью освещённого лифта. Молодой негр в военной форме молча вытянулся около стены, открыл дверцу лифта и вошёл в кабину вслед за Форрингтоном и Макниллом.

Чёрный солдат захлопнул дверцу и вопросительно взглянул на Макнилла. Томас сам нажал на нижнюю кнопку.

– Советую вам сесть, сэр Артур.

– Длинное путешествие?

– Почти семьсот футов.

Кабина лифта быстро падала вниз. Стремительно промелькнула площадка нижнего этажа башни, где два часа назад Макнилл встретил Форрингтона. Стенки железобетонной шахты мчались вверх. Замедление и мягкий толчок известили о конце длинного пути.

Солдат открыл дверцу. Навстречу Форрингтону по мягкому ковру большой комнаты, освещённой ровным светом, сделал несколько шагов пожилой офицер в форме майора пехоты и приветствовал учёного по-военному.

– Позвольте, сэр Артур, представить вам майора Тоунсенда, – сказал Макнилл. – Майору поручена охрана замка. Майор, – сэр Артур Форрингтон.

– Имя сэра Артура известно всему цивилизованному миру!

– У вас большое хозяйство, мистер Тоунсенд, – не слишком любезным тоном сказал Форрингтон. Он не любил военных и не любил военных титулований.

– Да, сэр Артур, но, к счастью, наш дом имеет только три

двери. Две – внизу и одна – наверху, – майор ответил сухо, почувствовав небрежность в голосе Форрингтона. Он, в свою очередь, не слишком любил «профессоров».

Тяжёлая бронированная дверь в стене, противоположной дверце лифта, под действием включённого майором Тоунсендом мотора плавно ушла в стену.

Форрингтон и Макнилл пошли по короткому коридору, потолок, стены и пол которого представляли собой сплюснутую с боков трубу из толстых стальных листов. В конце коридора открылась вторая бронированная дверь.

Форрингтон и Макнилл очутились в обширном зале. Высокий потолок опирался на правильные ряды металлических ажурных колонн. Границы зала исчезали в полумраке. В разных направлениях бетонный пол был прорезан линиями железнодорожных путей. Верхние плоскости головок рельсов находились на одном уровне с полом, – таким образом, рельсовые пути не мешали движению в любом направлении.

– Мы в нижнем этаже, сэр Артур. Как заметил майор Тоунсенд, здесь три выхода: один вам известен, второй выход для железной дороги. Это тоннель, по которому можно пропускать и автомашины. Здесь подъездные пути. Это наша станция. Жизнь начинается на следующем этаже.

Первый этаж, казалось, был пуст. Шаги чётко отдавались в полной тишине.

– Хорошее наследство, – сказал Форрингтон.

– Да, да, отличное, и мы получили его целиком и даже

я движимым имуществом, – отвечал Макнилл, подчёркивая последние слова.

– С каким же?

– Позвольте мне, сэра Артура, не говорить об этом сейчас: я хочу сделать вам, надеюсь, приятный сюрприз.

Форрингтон и Макнилл остановились перед стальной лестницей. Широкие ступени с лёгкими перилами спирально уходили вверх.

– У нас есть лифты на второй этаж, но я сознательно рискую предложить вам, сэра Артура, подняться этим старомодным способом. Мы окажемся в точке, откуда перед вами сразу откроется общий вид на наши работы.

По лестнице сэра Артура поднимался не спеша. Последние ступеньки он преодолел с видимым усилием.

Лестница привела их в помещение, высоту которого трудно было определить на глаз. Четыре лампы под плотными абажурами освещали выход с лестницы. Выше была темнота.

Посетителей встретил крупный грузный мужчина с красным бульдожьим лицом, вставший с круглого вращающегося стула.

– Дайте полный свет, – сказал Макнилл.

Человек сделал несколько шагов, взялся за длинный рычаг рубильника и медленно опустил его вниз. Из тысячи скрытых ламп полился мягкий рассеянный свет.

Возвышенность, увенчанная средневековым замком, значилась в своё время во всех европейских путеводителях. Потом, за десяток лет до начала второй мировой войны, она была исключена из маршрутов туристов под простым и не вызывающим возражений предлогом перехода её в частную собственность одного из руководителей гитлеровского государства.

Могучие отложения крепких горных пород, образовавшие возвышенность, дали возможность строителям произвести большие подземные работы, сохраняя прочность внешней оболочки.

Если бы через три года после начала работ можно было бы сделать нечто вроде рентгеновского снимка возвышенности, то оказалось бы, что замок превратился в шапку на черепе стометровой толщины. Пустой череп был укреплён металлическими арками. Там начало располагаться многосложное хозяйство современных троглодитов. Толстый череп не могли бы пробить никакие бомбы.

Но в течение второй мировой войны подземный завод не выпускал продукции. То, что должно было выйти из подземного арсенала, зависело от окончания целой серии научных работ.

Именно это страшное оружие обещал обезумевший от по-

ражений повелитель третьего райха своим тесным армиям. Буря, стремившаяся с Востока, опередила на два года окончание зловещих работ.

Странное заклятие охраняло замок! Бомбардировщики, шедшие с запада и северо-запада для уничтожения логовищ хищника, скользили мимо. Ни одна бомба не была сброшена на замок или вблизи него, и сами владельцы подземных тайн не уничтожили их. А времени было достаточно...

Ни один солдат, ни один офицер армии заокеанской страны не появился в замке в те упоительные минуты, когда все двери открывались перед ними сами собой.

Мы не говорим о той группе лиц, которая высадилась из виллисов во дворе замка на вторые сутки после того, как патрули и авангарды армии генерала Кинга полностью овладели долиной.

Несмотря на офицерские мундиры, – они необходимы для движения в зоне военных действий, – из десяти офицеров только двое были действительно в кадрах действующей армии. Они немедленно занялись организацией внешней охраны замка и возвышенности. Остальные же были только «причислены» к армии, – причислены для выполнения особых заданий.

Командовал ими и приказывал им не генерал Кинг, а Томас Макнилл, вышедший первым из головного виллиса.

Так фирмы «Нью-Мэкнилл» и «Макнилл и сыновья» вступили во владение замком и тем, что таилось под ним, и

встали твёрдой ногой на берегу Рейна. И не они одни!..

4

Послевоенные справочники для туристов словно забыли о существовании на правом берегу Рейна рыцарского замка XV столетия, откуда открывается один из лучших видов в Западной Европе.

В послевоенные годы Томас Макнилл проводил половину своего времени в Рейнском замке.

Не следует забегать вперёд, но мы позволим себе раскрыть сюрприз, приготовленный для сэра Артура Форрингтона: фирма «Макнилл и сыновья», или, точнее, «Нью-Мэкнилл», получила в наследство группу немецких учёных и не только из числа работавших прежде на подземном заводе. Одни из них уже приобрели права заокеанского гражданства, другим это было обещано, что, может быть, воздействовало на их усердие ещё лучше. Группа была пополнена нужным числом научных работников и инженеров из старых служащих заокеанской и островной фирм. Мозг подземного завода работал слаженно и интенсивно.

До сих пор участие Форрингтона в этих делах ограничивалось консультациями и ответами на отдельные запросы Томаса Макнилла. Сэр Артур был поглощён работой на заводах, где, по заданию правительств двух стран, говорящих на одном языке, избранные учёные продолжали совершенство-

вать средства использования силы, разрушившей Хиросиму и Нагассаки – два густо населённых центра.

Стремление Томаса Макнилла к самостоятельности не замечалось Форрингтоном. Он вообще не привык анализировать поведение окружающих его людей вне сферы их профессиональных действий. В последние два года он был очень занят и, действительно, начинал уставать и часто бывал раздражителен...

Глава девятая

ОТТО ХАГГЕР

1

Свет ламп дневного света наполнил громадное помещение... Чётко, не отбрасывая теней, перед глазами Форрингтона встали детали подземного завода. Это помещение, рассматриваемое изнутри, напоминало внутренность скорлупы гигантского яйца. Купол, слегка загибаясь и сужаясь, уходил вверх, в пространство. Снизу поднимался лес металлических колонн. Горизонтальные пояса из двутавровых балок связывали колонны рядами ярусов. Верхние ярусы казались стоящим внизу людям тонкими – так скрадывала для глаза их силу высота помещения. Стальной скелет подпирал стены купола. Здесь слились в одно целое обработанный человеком металл и первозданный камень. Опытный взгляд Форрингтона сразу определил необычайную мощь колоссальной массы стали.

– Мы получили всё это в наследство, сэр Артур, – заметил Макнилл, читая на лице Форрингтона его мысли, – эта сталь несла перекрытия двенадцати этажей. Я снял полы и стоявшее на них оборудование, после того как они сделались

мне ненужными. А то, что вы видите внизу и вверху, это моё решение.

Вертикальная ось помещения была свободна от колонн. Внутренний ряд опор опоясывал ажурный колодец. Горизонтальные связи между ограничивающими колодец колоннами замыкались в правильные окружности. Колодец не ослаблял цельности системы. Вверху, в шестидесяти или семидесяти метрах от уровня пола, была видна какая-то выпуклость, круглое дно гигантского предмета, заполнявшего верхнюю часть колодца. Внизу всё было насыщено машинами. Здесь было несколько ясно различимых отделов. Многие машины (для них, очевидно, нехватало места) были подняты вверх, прикреплены к стальному каркасу и висели в воздухе.

Прямо перед Форрингтоном находилась радиостанция, что легко можно было определить по виду установок. Но среди всех известных Форрингтону радиопередающих центров не было равных ей по мощности.

Следующий сегмент был заполнен трансформаторами и электромоторами. Отделение, ограждённое сверху и с боков прозрачными щитами, служило лабораторией. Ряды компрессоров образовывали станцию высокого давления.

Большая же часть помещения была занята приспособлениями, сразу приковавшими к себе внимание Форрингтона. Это было довольно беспорядочное на вид нагромождение сферических и цилиндрических ёмкостей. Опираясь одни на другие, металлические колпаки образовывали нечто вроде

усечённой пирамиды, поднимавшейся на высоту двух ярусов креплений. Выше, над пирамидой, повисли серии больших баллонов, похожих на бункера, на гигантские замкнутые воронки. Всё это было плотно обвито сложной системой труб самых различных диаметров и оплетено бронированными кабелями. Некоторые ёмкости имели смотровые приспособления, закрытые тяжёлыми задвижками, под которыми скрывались отверстия, заполненные стёклами многосантиметровой толщины.

Узкие лёгкие лестницы и переходы давали доступ ко всем частям этого своеобразного целого. Точно притягиваемый магнитом, сам того не замечая, Форрингтон медленно подходил к пирамиде.

– Какая батарея, какая батарея!.. Но вы сделали что-то новое, Томас. Да, да, новое... – он говорил, не оборачиваясь. – Вы использовали мои ответы на ваши вопросы, но это... нет, я этого не предполагал! Вы получите другие результаты! – В голосе Форрингтона начало слышаться раздражение.

– Дорогой сэр Артур, мы взяли то, что было сделано здесь до нас, взяли работы, выполненные за океаном, и прибавили кое-что своё. Я пользовался замечательным сотрудничеством герра Хаггера!

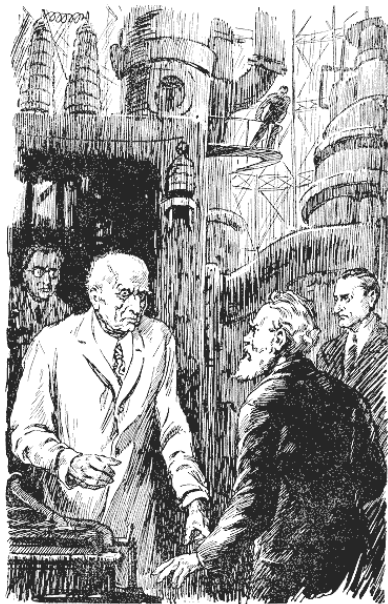
Томас Макнилл говорил всё это, находясь в нескольких шагах сзади Форрингтона. Старый учёный стремительно повернулся. Медленными, размеренными шагами к ним подходил человек очень высокого роста в белом узком и длин-

2

Голова с лысым черепом – остатки волос сохранились только над ушами и на затылке – сидела на длинной, сухой, морщинистой шее. Обтянутое пергаментной кожей лицо напоминало лицо египетской мумии.

По мнению газет последней германской империи, лицо господина профессора Отто Юлиуса Хаггера весьма напоминало лицо покойного фельдмаршала Мольтке, победителя австрийцев и французов, организатора новых прусско-германских армий. Впрочем, сходство ограничивалось только лицом, так как покойный фельдмаршал был слабого телосложения.

Сутуловатость спины несколько уменьшала громадный рост герра Хаггера. Длинные руки оканчивались тяжёлыми кистями. Сухие, жёсткие, крючковатые пальцы с крепкими выпуклыми ногтями были покрыты пучками волос... Светлосерые глаза сидели в глубоких орбитах, окружённые припухшими, лишёнными ресниц веками. Пристально-неподвижный взгляд фиксировал Форрингтона из-под нависших щетинистых бровей.

— Герр Хаггер! Но я была уверен... Сообщали о вашей гибели в Штутгарте... — Форрингтон был явно взволнован...

— Герр Хаггер! Но я был уверен... Сообщали о вашей гибели в Штутгарте... — Форрингтон был явно взволнован.

Томас Макнилл неслышно отошёл назад и спокойно наблюдал за двумя учёными. Контраст между свежим, плотным, сангвиническим уроженцем острова и крупным, лысым, сухим, ширококостным немцем был разителен. Они были старыми знакомыми, если не друзьями.

Хаггер и Форрингтон встречались молодыми людьми на дополнительных специальных курсах лекций в знаменитых

германских университетах. Случайное знакомство закрепилось в дальнейшем встречами на научных съездах и на академических чтениях. Они переписывались. Библиотека и кабинеты Форрингтона в столице островной империи и дом Хаггера сначала в Иене, потом в Берлине были свидетелями их бесед, но не споров. Несколько экспансивный Форрингтон не слишком любил возражения и ценил в Хаггере умного, скромного и чуткого собеседника, умеющего молчать и слушать. В сущности, именно эти ценные свойства профессора Хаггера служили основанием тех отношений, которые можно было при желании назвать и дружбой.

Да это и была дружба. Как много значит для учёного возможность высказаться, быть понятым в тех вещах, которые для массы окружающих его людей – для семьи, для родных – чужды, скучны, неинтересны!

Была ли в их отношениях неискренность со стороны Отто Хаггера? Сэр Артур никогда не задавал себе такого вопроса. Связь, прерванная первой мировой войной, возобновилась через три года после заключения Версальского мира и порвалась, казалось навсегда, в годы второй мировой войны. О смерти Хаггера сообщили газеты, вышедшие в западных оккупированных зонах после крушения третьего рейха.

Форрингтон сделал три шага вперёд и руки учёных встретились...

– Так много лет и вы...

– Простите, сэр Артур, – мягко перебил Форрингтона

Макнилл, – нам пора начинать!

– Дорогой друг и коллега, – проговорил Хаггер, – нашу встречу мы отпразднуем демонстрацией того, над чем мы с мистером Макниллом работали эти годы. Нет лучшего судьи, чем вы. Это будет доказательством реальности моего существования.

В последних словах было что-то напоминавшее шутку. Английская речь Хаггера звучала отчётливо с лёгким органичным немецким акцентом.

– Я уверен, что буду иметь возможность подробно рассказать вам о моей замечательной встрече с мистером Макниллом. О, да, да, и о пройденном вместе с ним пути!..

Форрингтон молча наклонил голову.

Заглушённый, слабо вибрирующий, очень низкого тона звук пульсирующей жидкости доносился со стороны пирамидальной батареи.

3

Три человека прошли среди колонн к центру завода поднялись по лестнице на платформу, возвышавшуюся над полом на стойках на высоте нескольких метров. С двух сторон тянулись низкие перила; сторона, обращённая к колодцу, была открыта. Хаггер расстегнул верхние пуговицы халата, достал ключ из внутреннего кармана пиджака и отпер дверцу белой металлической кабины, находившейся в углу плат-

формы. Открылся чёрный эбонитовый щит с рычагами и кнопками жёлтого красного цвета. Хаггер повернул несколько рычагов нажал на кнопку внизу щита.

Послышалось мягкое жужжание, и колоссальный беловато-серый цилиндр, находившийся в верхней части колодца, пошёл вниз, скользя, как гигантский поршень. Управляемый невидимыми машинами, он плавно опускался. Его дно без толчка прикоснулось к полу. Остановившееся перед Форрингтоном сооружение тускло поблёскивало дюралюминиевой поверхностью. В общем, цилиндр походил на огромный удлинённый резервуар для нефти или бензина, похожий на те, что стоят на заводах, станциях железных дорог и в местах добычи и переработки жидкого горючего. Швов, соединяющих листы металла, не было видно. Прямо перед платформой, на которой стояли гражданин островной империи, немец и гражданин заокеанской страны, на гладкой сероватой поверхности цилиндра тонкие линии очерчивали контур двери.

Безошибочное чувство, подсказывающее нам присутствие людей за нашей спиной, заставило Форрингтона обернуться. Действительно, он был так поглощён созерцанием цилиндра, что не слышал, как на платформу молча поднялось человек пятнадцать, одетых, так же как Хаггер, в белые халаты. Их серьёзная неподвижность напоминала хирургов, готовых к операции. Движение Форрингтона вызвало нечто вроде общего поклона с их стороны.

Постороннему наблюдателю было бы заметно по некоторой небрежности поклона одних, по чопорности приветов других и по подчёркнутой почтительности третьих, что состав людей в белых халатах был тоже трехнациональным. Но на такой вывод Форрингтон сейчас не был способен.

Он видел, что происходит нечто особенное.

– Мои сотрудники, сэр Артур, – Макнилл сделал рукой полукруг, – некоторые из них, новые граждане моей страны, продолжили работы, начатые ими до войны, под руководством господина Хаггера. Другие – мои и ваши соотечественники.

Форрингтон медленно и молча поклонился. Дверь серого цилиндра была открыта – на этот раз ключом, хранившимся у Макнилла.

4

Не следует ли автору извиниться перед читателем за то, что, описывая подземный завод, он невольно пользуется привычными техническими терминами? Хотелось бы, чтобы читатель увидел стройный стальной лес, стремящийся вверх на громадную высоту. Внизу, среди колонн, нагромождение машин. В центре возвышается уходящая ввысь труба. Правильная цилиндрическая форма трубы превращается перспективой в конус, её большой диаметр делает вблизи мало ощутимой выпуклость оболочки. Эта труба, очевидно ко-

лоссального веса, бесшумно и плавно повинуется управлению. Однообразие её поверхности нарушено поясом мощных контактов в глубоких ячейках. Но общие размеры всего окружающего скрадывают размеры деталей. Только открытая дверь цилиндра обнаруживает его вместимость. Действительно, площадь его пола составляет около ста шестидесяти квадратных метров. Там, не стесняя друг друга, могли бы стоять двести человек. Однако внутренность цилиндра полностью использована: оканчиваясь в шести метрах над уровнем пола, закреплено несколько труб разных диаметров. Средняя труба – это мощный телескоп с экранами и с местами для наблюдений.

Кругом трубы телескопа закреплены другие трубы. Оконечности этих труб соединяются с находящимися на дне цилиндра резервуарами, которые, в весьма уменьшенном виде, напоминают отдельные части расположенной на подземном заводе пирамидальной батареи. Повсюду извиваются электрические кабели. Алюминиевые лесенки ведут к нескольким площадкам с пультами управлений. Но площадки и пульта не закреплены, а подвешены на гибких коленчатых сочленениях.

– Для этой трубы, сэр Артур, мы воспользовались изготовленными германскими артиллеристами секциями ствола проектировавшейся ими метательной установки. Она носила секретный шифр Гамма-11. Как видите, – я надеюсь, герр Хаггер и другие джентльмены не обидятся, – немцы продол-

жали страдать гигантоманией, впрочем, научно обоснованной.

– Да, да, мистер Макнилл, сэра Форрингтона, – я тоже люблю шутить, – почти перебил Макнилла скрипящий голос одного из новых американцев, – мы с вами теперь тоже делаем большое дело...

В группе белых халатов, ослабившись, кивала голая голова в золотых очках. Сильные стёкла делали глаза неестественно большими. В маленькой толпе послышался одобрителный гул. Раздавались отдельные слова:

– Сэр Артур Форрингтон... рады вниманию... герр Хаггер... великая заокеанская страна... люди науки... мистер Макнилл... общие надежды...

Томас Макнилл поднял руку:

– За дело, господа, за дело! Прошу всех по местам, – сказал он, глядя на часы. – Продолжим начатую работу...

Макнилл, Форрингтон и Хаггер поднялись на площадку под телескопом. Остальные молча заняли свои, очевидно обычные, места. Два белых халата остались на площадке. Затем дверь была закрыта, и всё плавно двинулось вверх. Макнилл говорил, а Форрингтон слушал его молча, ни разу не прервав точную, сжатую речь хозяина.

5

Мы кратко передадим пояснения, данные Макниллом

Форрингтону. Труба в углу крепостного двора была верхней частью цилиндра – «небесной пушки», как назвал её Макнилл. При полном опускании пушки вниз труба скрывалась под землёй.

Более чем стосорокаметровая длина пушки была использована для усиления импульса выбрасывания того, что изготовлялось в подземном заводе и получало жизнь и направление в пушке. Когда пушка поднималась вверх и принимала рабочее положение, – Макнилл назвал его положением действия, – низ цилиндра охватывала стальная обойма. Управление переходило внутрь пушки после того, как контактный пояс цилиндра соприкасался с таким же поясом в обойме. Обойма, скользя в системе шестерён и подшипников, позволяла придавать пушке весьма острые углы по отношению к плоскости горизонта – до десяти градусов. Вся система подражала движению человеческой руки в плечевом суставе и с лёгкостью каталась в нём. Движение в плоскости горизонта могло происходить по дуге немного более 270° , а именно с северо-востока до северо-запада. Сочетание движения в обеих плоскостях позволяло выбирать любую точку на небе. Движение обоймы с заключённым в неё цилиндром подчинялось, по желанию оператора, комбинированному сочетанию управления фотоэлементами с часовым механизмом. Эта система, идея которой давно используется в астрономических обсерваториях, позволяла пушке преследовать своим жерлом любое движущееся в пространстве те-

ло – при условии или его большого удаления по отношению к земному шару, или очень медленного движения. За пролетающим самолётом эта пушка не могла бы следовать, да это и не было целью конструктора. Меньшие пушки для ограниченных и более близких целей только ещё предполагались.

Управление всей системой движения и, что важнее, всеми процессами, для которых было построено это сооружение, осуществлялось одним оператором – с помощью клавиатуры, несколько более сложной, чем у пишущей машины. Клавиатура передавала приказания второстепенным пультам управления. Эту часть объяснений Форрингтон слушал не так уж внимательно. Ведь Макнилл, в сущности, только увеличил масштабы, используя известное. Дальнейшее было более интересным.

– Должен признаться, сэр Артур, что я использовал ваши советы не совсем так, как вначале предполагал я сам. С помощью господина Хаггера я изменил углы магнитных полей и последовательность их включения. Я получил скорости движения обрабатываемых масс, близкие к скорости света. Мы, как вы понимаете, не пошли на риск. Правда, мы были предупреждены катастрофами в Рикфорде и Майдлтоне! – Макнилл улыбнулся. Хаггер сидел угловатый, неподвижный, как инертная масса.

– Видоизменив таким образом систему вашего циклотрона, мы настойчиво производили атомную бомбардировку. Были получены новые вещества значительных атомных ве-

сов, не 238,07, как уран, но со значениями во много раз большими. Почти год назад мы дошли до 2480. Я полагаю, что это предел. Одновременно атомные ядра освобождались от электронов. Я получил новый вид вещества. Хотя плотность его далека от физического предела, а вес – от абсолютно-го, но один кубический сантиметр этого вещества весит уже около ста сорока пяти килограммов. Освобождение атомной энергии наших новых веществ открыло перед нами новые возможности...

«Небесная пушка» окончила свой подъём. Был слышен хрустящий шорох охватывающих её нижнюю часть стальных челюстей обоймы. Общее освещение было выключено. Только пульта управления освещались лампами под непроницаемыми для света колпаками. Повинуясь приказу, переданному Макниллом клавишами, инженер, управляющий общим движением системы, начал направлять «небесную пушку» на восток. Всё стало перемещаться в вертикальной плоскости. Пол рабочей кабины и казённая часть пушки стали уходить вправо, а ствол – влево. Это перемещение не мешало находившимся в пушке людям. Все пульта управления, висевшие на гибких сочленениях, сохраняли горизонтальное положение, самостоятельно подчиняясь силе тяжести. Люди были неподвижны – система двигалась вокруг них.

Движение прекратилось. Чудовищная масса пушки чуть ощутимо вибрировала. Контрольные аппараты издавали слабое тиканье. В воздухе резко пахло озоном. Негромкий, спо-

койный голос Макнилла сказал:

– Сейчас я начинаю. Прошу вас, сэр Артур, наблюдайте за находящимся перед вами экраном телескопа.

Возник новый звук. Где-то, очень далеко в пространстве жерла пушки, металлический голос глухо тянул – «оум, оум, оум, оум»...

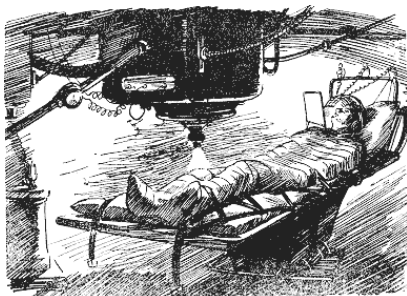
Форрингтон, сидевший рядом с Хаггером на лёгком жёстком кресле, смотрел прямо перед собой. На экране появилась Луна. Сейчас она была такой, каким земной спутник виден в телескоп средней силы. Руки Макнилла управляли клавишами. Голос, тянувший «оум», понизился и ускорил своё бормотание. Смотрящим на экран – сэр Артур и немец сидели, а Томас Макнилл стоял сзади них – показалось, что они несутся вперёд с непередаваемой скоростью. Только привычка Форрингтона к смелым опытам удержала его на месте. Челюсти сэра Артура сжались. Пальцы крепко охватили ручки кресла. Границы желтовато-белого диска Луны мгновенно расширились на экране и выскочили за его пределы. С какой-то непостижимой скоростью они мчались к Луне или Луна мчалась к ним! Немного кружилась голова; чувствуя, как у него сжимается сердце, Форрингтон на мгновение закрыл глаза. Когда он их вновь открыл, на него летел знакомый кратер Эратосфена. Ещё мгновение, – и удар!..

Движение прервалось внезапно. Невольно сэр Артур подался вперёд и почти коснулся лбом экрана. Да! Поверхность Луны была видна так же, как виден ярко освещённый

двор из окна пятого этажа! Можно было сосчитать все трещины сухой, мёртвой каменной плиты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ **НОВОЕ И СТАРОЕ**

Глава первая

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ

1

ШЕЛЕСТИТ свежими листьями, играет яркими красками весёлое чернолесье. Быстро поднимаются вверх осины и ольха, легко обгоняют в росте молодой дубок и заслоняют от него солнце.

Время идёт. Слабые осины и ольха рано дряхлеют. Мхи покрывают их мёртвые стволы, упавшие на землю. Идя по лесу, не наступайте на них, – не найдёт опоры нога, хотя форма дерева и сохранилась. Осталась только хрупкая оболочка, – под ней пустота, жилищ насекомых и змей.

А сверстник осин и ольхи, дуб, стоит прочно. Он полон жизни.

Прекрасна молодость, но ведь и старость может быть временем силы! Иной человек находит своё высшее счастье в полноте творчества, подготовленного долгими годами труда, и не променяет свою могучую старость ни на какие радости юности...

В новой Москве уцелели уголки, пока ещё оставшиеся вне красных линий реконструкций. Эти переулки, площад-

ки, тупики кажутся чем-то весьма архаичным по резкому контрасту с высокими каменными громадами новых широчайших улиц.

В одном из таких кривых тупиков, в котором заметно нежелание старинных застройщиков подравнять под одну линию скромные фасады своих домов, вы найдёте дом старомосковской постройки. Что же, может быть, пора его покрыть колпаком, чтобы сохранять живую память у потомков о быте дедов и прадедов? Однако он ещё прочен и уютен.

Дом одноэтажный, с мезонином. Хотя кирпич цоколя начал трухляветь, он ещё долго продержится. Белые стены – на вид каменные. На самом же деле сруб из мерных сосновых брёвен обит войлоком снаружи и изнутри. Старые московские мастера строительного дела с таким искусством выполнили внешнюю отделку и так она прочна, что пока не отобьют кусок добротной штукатурки, человек, не искушённый в наших старых строительных приёмах, обязательно будет спорить:

– Смотрите же сами, конечно, дом каменный!

Четыре ступени под шатровым навесом крыльца ведут посетителя к двери, у которой какой-то особенно гостеприимный вид. На широкой дверной филёнке гладкая бронзовая доска, на ней двумя строчками вырезаны три слова: имя, отчество, фамилия.

В этом доме, как видно, много читают: даже в столовую проникли книжные шкафы. Через стекло на одинаковых ко-

жанных корешках десятков толстых томов, стоящих в ряд на полке, можно увидеть годы минувшего столетия.

За столом в столовой сидят две женщины: молодая, лет двадцати четырёх или двадцати пяти, и невысокая седая старушка. Бронзовые волосы обрамляют нежное лицо молодой женщины. Голос её звучит весело. Утомлённые черты лица её собеседницы, покрытого крупными морщинами, носят печать долгой и, наверно, далеко не всегда лёгкой жизни. Но её ясные глаза и живые движения свидетельствуют о сохранившейся бодрости тела и силе духа.

– Право же, дядя Федя стал каким-то удивительно молодым за последнее время! – говорила молодая женщина. – Когда мы перед его отъездом возвращались с дачи в поезде, он живо вскочил и предложил какой-то женщине своё место – это нужно было видеть! Та даже растерялась. А когда я хотела его посадить на своё место, он на меня зашикал: «Я совсем не устал, глупости, сидите, пожалуйста». Так и ехал стоя.

– Я как-то слышала, как Фёдор Александрович говорил Ивану Петровичу, – я их поила чаем в кабинете, – что он начал жить только в последние десять лет, – сказала старушка. – А всё, что было раньше, – это только подготовка к их теперешним работам. И так убеждённо говорил! Он ведь очень всегда увлекается... Вот, ты этого не можешь помнить, это было в 194... году, когда справляли его шестидесятилетие. Он очень взволновался после всех речей, и когда ему пришлось говорить, – я слышу, голос-то задрожал. Уж я его

знаю. Федя тут же на себя рассердился, и на всех тоже и стал страшно громко говорить, что он благодарен, конечно, и, конечно, всё это очень пышно, что он, конечно, очень мало сделал и что он, конечно, ещё должен много сделать, чтобы оправдать доверие. Он всегда, когда волнуется, говорит «конечно».

«А потом он совсем запутался в своих «конечно» и только махал руками, и все громко аплодировали. А когда к нему побежали студенты, он так взлетел вверх по лестнице, что они его не догнали. Я тоже наверх пошла. Федя заперся в своём кабинете. Студенты стучат в дверь, просят открыть. А он им оттуда кричит: «Не выйду, пока не дадите слова, что качать: не будете, я не хочу!» Они закричали: «Даём слово!» Федя тогда выходит, такой спокойный, точно дома, поднял вверх палец – ты эту манеру знаешь – и говорит: «Все идите по своим местам!» Заметил меня, покосился и спрашивает: «А ты тут что делаешь?» А сам чуть улыбается.

«Я ему на следующий день показала «Известия», где описывался юбилей. Там было сказано, что юбиляр выступил с прочувствованной речью. А Федя говорит: «Какие журналисты вежливые, только не напрасно ли? Нужно было побранить, потому что у меня речи не получилось и в общем получился беспорядок». А вот когда ему давали первую правительственную награду, я хоть там и не была, но он мне сам рассказал, что у него слёзы были, а стыдно ничуть не было. Уж он у нас такой, Таточка...

– Анна Александровна, мама Аня, милая, хорошая, расскажите мне подробно о дяде Феде! Ни Коля, ни Алёша, то есть Алексей Фёдорович, ничего не умеют толком рассказать и вы мне ничего ещё подробно не рассказывали, – приласкалась к старушке молодая женщина, её невестка.

2

– Ты ведь знаешь, Тата, брат Федя старше меня на десять лет. Я была ещё девочкой, а он – уже студентом. Федя с детства отличался способностями и был такой серьёзный. Он гимназистам уроки давал. У него и сейчас память замечательная. Он каждую книгу помнит, не только, что написано, но и на какой странице, год издания, издателя... Он как-то подарил мне полное собрание сочинений Тургенева. Я тогда была уже невестой. Потом он меня спрашивает: «Прочла „Накануне“»? «Прочла», – отвечаю. И, как сейчас помню, Федя говорит: «А что на сто двадцать восьмой странице?» Я, конечно, не знала. Он прочёл строчку. «Продолжай», – а я не могу. Тут он, – мне так обидно показалось, – и сказал: «Как же ты читаешь? А ещё замуж собираешься, невеста!» Потом Федя с годами стал мягче, а прежде он совсем не понимал, что нельзя от всех требовать того, на что он сам был способен. Но я вперёд забегаю. Когда он кончил гимназию, папа умер и у мамы надежда была только на Федю. Он поехал учиться в Петербург, в Путьейский институт, – и себя

содержал, и нам присылал. Мама плакала иногда и говорила, что ему очень трудно – и он себе во всём отказывает. Помню, какая радость была, когда он к нам приехал уже инженером, в новенькой фуражке. Федю послали на практику на железную дорогу, на казённую постройку. Я в тот год вышла замуж. Мы жили одной семьёй с мамой. Жить нам стало легче. И Федя всё время маме деньги присылал, а мама его деньги копила и всё говорила: «Это Феде, когда он женится». Она очень этого хотела. А от Феде скрывала свои сбережения – с ним нельзя было поступить не по его.

– Мама Аня, – перебила Тата, – а какая жена была у дяди Феде? Почему-то у нас нет её фотографии.

– Я, Таточка, собьюсь, если ты меня перебивать будешь. Брат Федя никогда не был женат...

– А Алексей Фёдорович? Алёша?

– Ну вот, слушай по порядку! С Алёшей дело было так... Уехал тогда Федя на постройку. Вестей от него мало приходило. Две строчки – и переводы маме. Только в начале следующего лета, мы и не ждали, вдруг он приехал и привёз маленького карапузика – потешный был такой, волосёнки белые-белые, дикий, а говорил уже твёрдо и всё на «о». Федя его маме сунул и сказал, помню до слова: «Этот мальчик мой сын. И больше ни на одной постройке ноги моей не будет!» Три дня с нами ни о чём не разговаривал. К нему, когда он такой делался, лучше было и не подходить. Посмотрит, ничего не ответит и ждёт, пока не уйдут!

«Потом мы узнали, что случилось. В прежнее время на постройках много воровали и взяточничество было страшное. Федя, как только что окончивший студент, был там каким-то младшим помощником. В первое-то время он не замечал, а как весной работы открылись, дошло до того, что и ему один подрядчик взятку хотел дать, чтобы Федя что-то там незаконное подписал. Вот Федя окончательно взорвался, бросил всё и уехал.

– А Алексей Фёдорович?

– С Алёшей так: был на той постройке один рабочий. В старое время рабочие приходили артелями. Этот был артельным старостой плотников-новгородцев. Федя его уважал за честность и мастерство. И артель у него была на подбор. У этого рабочего, отца Алёши, жена на постройке умерла, и мальчик был на попечении у артельной кухарки.

«За несколько дней до истории со взяткой начались на постройке беспорядки. Не знаю точно, что было. Кажется, несчастный случай на мосту, и при расчёте сильно рабочих обсчитали. Они и заволновались. Коноводом главным оказался федин приятель. Федя про него говорил, что он был обидчивый и несправедливости не терпел. Он при всех с главным подрядчиком поспорил. Тот на него палкой замахнулся, а алешин отец не сдержался и подрядчика ударил, руку ему сломал, – он богатырь был.

Его арестовали, артель по этапу по домам разослали; тут Федя брошенного мальчика и подобрал. У Феди всегда душа

добрая была, он только с виду был неприступный и резкий...

– А настоящий алёшин отец где?..

– Брат его несколько лет разыскивал, всё заявления подавал. Наконец, ему ответили, что он умер в ссылке.

Тогда Федя Алёшу усыновил. Тоже долго хлопотал.

– Так вот какие тут тайны, а я и не думала!.. Они ведь даже похожи... – задумчиво проговорила Тата.

– Тут никакой тайны нет. Только всё это очень уж давно было. Брату Алёша – всех ближе. Он ему и сын, и первый помощник, и друг, – вот они и похожи.

– Значит, дядя Федя никогда...

– Так и никогда. Он ещё в гимназии, в последних классах, был влюблён в одну нашу барышню. Уж неизвестно, объяснились они или нет, но только, когда он был студентом на втором курсе, она вышла замуж за другого. Узнавши, Федя сказал: «Значит, я ей не нужен». Это всё мама рассказывала, я тогда мала была.

Наступило молчание: Анна Александровна унеслась в мыслях в далёкое прошлое.

3

– Что же дальше, мама Аня?

– Дальше?.. – Анна Александровна вздрогнула. – Дальше, – Федя уехал в Москву. Он где-то работал и опять учился. В два года окончил физико-математический факультет.

За выдающиеся способности его оставили при университете и хотели дать ему кафедру. Говорили, что в своё время он был бы самым молодым профессором. Это было перед первой войной. Алёша у нас воспитывался. В тринадцатом году в один год умерли сначала наша мама, а потом мой муж. Я с двумя мальчиками – сыном Колей и Алёшей – приехала к Феде в Москву, вот в этот самый дом. Коле тогда было только шесть месяцев, а Алёше уже девять лет. Алёша в реальное готовился. Зажили мы тогда так: тут вот перегородку к нашему приезду Федя сделал... Я с мальчиками на своей половине, а Федя – на своей. К нему мы и не ходили, – там у него только его старший технический служитель из университета – Ванин такой был – иногда порядки наводил. Федя к нам изредка заходил, – с Алёшей арифметикой занимался. А порой мы его по месяцу не видели – только пройдёт перед окнами. Так мы до революций дожили. Из Москвы тогда многие уехали, пусто было, холодно, голодно.

«А тут вдруг Алёша исчез... Ему было тогда четырнадцать лет, но был он большой, рослый и суровый, не такой, как теперь. Он много старше казался. Алёша-то ни слова не сказал, а только записку оставил, что уходит на войну. Я Феде записку дала. Он прочёл, ничего не сказал, сложил записку и бережно в стол спрятал. Об Алёше – ни слова».

«Страшное время, Таточка, было. Федя редко дома бывал. Я потом узнала, что он на погрузки ходил. Он и теперь ведь ещё очень сильный. Ну, а наука его тогда, мне казалось, ни-

кому не была нужна. Я из картофельных очисток с отрубями лепёшки пекла и суп селёдочный варила. Федю кормила, а он съест и, бывало, пошутит: „У тебя, Аня, большие способности к синтетической кулинарии“».

«Ближе к весне Федя перестал ходить на погрузку. Уже порядок устанавливался и в университете опять было много работы. А окончательно он высказался, когда Алёша вернулся...»

– Мамочка Аня, вы, пожалуйста, милая, хорошая, поподробней рассказывайте, ведь я об этом только в книгах читала, – взмолилась Тата.

– Так вот – это было глухой осенью двадцатого года, мы уже топить начали. Вечером стучат в дверь. Я спрашиваю, кто там, а меня чей-то чужой голос по имени называет. Я никак узнать не могу, а он говорит: «Да это я, Лёша!» Я дверь открыла и ахнула: большой, незнакомый, грязный до черноты, в шинели, и солдатский мешок за плечами. Я к нему, а он назад: «Я, тётя Аня, ещё вас гостями награжу!» Я ему на кухне воды нагрела, – у нас ванна тогда не действовала. Он в сенях разделся, пошёл отмылся. А потом вошёл в комнату, тут я его и рассмотрела. Ушёл-то подростком, а вернулся почти мужчиной. Ему федин пиджак чуть не впору пришёлся. Только Алёша стал рассказывать, Федя, слышу, к себе вернулся и тут же к нам на половину прошёл.

Видно, сердце почуяло. Сначала-то он Алёшу не узнал – мы тогда с коптилками последние месяцы досиживали.

«Кто это?» – говорит. Алёша встал, Федя на него поглядел и странно так, не своим голосом, спрашивает: «А, Алексей, что же, вернулся?» – А у Алёши голос пропал. Еле-еле вытянул: «Да, папа, отпустили...» Тут Федя ему руки протянул, Алёша к нему, да как заплачет... А со мной, как взрослый, разговаривал! У брата тоже слёзы на глазах... Когда мы все успокоились, Федя Алёше рассказал, что он в большевиках уверился, что они хотят и смогут сделать нас самой великой страной, что теперь для науки такие откроются возможности, каких нигде нет, и ему такое и не снилось. Что он прежде этого не понимал и во многом ошибался и жизни тоже не понимал. А настоящее только теперь начинается, и нужно работать для народа... А через два дня пришли рабочие и сняли перегородку.

Анна Александровна утомлённо замолчала.

– А потом, мама Аня?

– Дядя Федя заставил Алёшу учиться и сам много с ним занимался. Алёша ведь тоже очень умный. Вот и вышел из него учёный. Федя и за моим Колей стал больше присматривать... А дальше ты уже сама, наверно, знаешь.

Тата встала.

– Ах, как это всё интересно! И все вы, мама Аня, какие-то особенные!

– Нет, Таточка, вот в этом ты глубоко ошибаешься, – мы все очень простые люди. А проще дяди Феде человека нет. Его только нужно понимать и самой с ним простой быть. Его

честь беречь нужно. Это для него главное. И дело тоже. Вот он Алёшу ведь как любит! А я знаю, хоть он и не говорит, что из других учеников у него главный Степанов. Знаешь, почему? Я тебе не сумею сказать, как у них там в науке, а я слышала, как он с ним разговаривает. Я каждую федину нотку знаю, ты уж мне верь!

– А Коля тоже ведь на дядю Федю похож немного? – Тата встала и задумчиво прошлась по комнате.

– Он и на отца похож. О Коле, милочка, ты должна по-своему судить. Для меня он сын, а для тебя муж.

Это разница большая. Между вами третий не указчик.

– Вот ведь он один уехал...

– А он такой уж бродяга! Алёша сразу своё выбродил, а Коля понемногу! Пусть побродит, вернётся, – на верёвочке ходит! – Анна Александровна улыбнулась.

– Коля, правда, такой чудный бывает, когда возвращается... – ответила Тата. – Только мне скучно без него!.. Поехать я с ним не могла... А он может один уехать, без меня... и вот его нет... и эти друзья его, этот Павел Иванович какой-то...

– А разве Павел Иванович тебе не понравился, когда он у нас зимой гостил? Я бы с ним кого угодно, не только Колю, на край света отпустила.

– На край света!.. И так всего один раз написал... – Анна Александровна посмотрела на свою невестку. Тата стояла к ней спиной и теребила фикус на подоконнике.

Вот она чуть пожала плечами, повернулась, посмотрела на часы в браслете на левом запястье...

– Мне пора, мама Аня!

Тата поцеловала Анну Александровну в щёку. Привычным движением руки поднялись, поправили волосы перед зеркалом. Чётко простучали в передней невысокие каблучки. Мягко захлопнулась выходная дверь. Через открытые окна внимательное ухо различило быстрые шаги на ступеньках крыльца...

Анна Александровна сидела в глубоком раздумье.

Глава вторая

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

1

Семя, раскрываясь в земле, выпускает слабый росток. Он, изгибаясь, пробирается к свету. Робкой жизни со всех сторон грозят жадные клещи жуков, рты вечно голодных личинок, червей, крепкие когти крота.

Время идёт. Уже встали посевы в труде и в борьбе. Теперь новое сильное племя способно защитить себя. Оно крепнет, жизнь – за ним! Но и червь не оставил надежды добраться до корня. Он продолжает рыться в жирной земле. Пусть роет! Поздно!..

2

Нет, не в кабинетной работе, не в замкнутости лабораторных испытаний, не в одиночестве отвергнувшего жизнь отшельника рождается подлинное творчество.

Быть с народом, жить для народа – вот истинный источник вдохновения! Поэтому бодрое, юношеское сердце бьётся в груди седого учёного. Любит Фёдор Александрович, и

любит горячо. Прекрасна и чиста его возлюбленная – идея, служения народу. Всегда она с ним и награждает его прекрасным и гордым сознанием силы его мужества, внушает ему благородную ревность к самому себе. Хочет он сегодня быть лучше, чем вчера, а завтра – лучше, чем сегодня. Он говорит вместе с другими: «...мы обещаем работать ещё лучше и не останавливаться на достигнутом!»

Поэтому имя академика Фёдора Александровича Подарова записано ныне в золотой книге советских учёных и широко известно в нашей стране.

Работая в той области науки, которой поручено изучение тайн энергии, он без усталости расширяет свою научную семью, – его окружают друзья, товарищи, ученики.

Внимательно изучаются люди, проверяются с первых шагов в аудиториях и в лабораториях Института.

И когда, в итоге этого изучения, отбираются нужные люди, Фёдор Александрович, человек установившихся привычек, проводит решающее собеседование с избранником в своём кабинете в Старом Корпусе Института Энергии.

Происходит это приблизительно так: при появлении в дверях вызванного к точно назначенному часу и минуте студента-выпускника Фёдор Александрович встаёт из-за стола.

– Садитесь, пожалуйста... – Студент усаживался против старого дубового письменного стола.

После коротенького молчания, в течение которого студент чувствовал себя не совсем ловко, а Фёдор Александрович

вглядывался в него с явной торжественностью, академик начинал:

– Прощу извинить... Скажите, чем вы хотели бы заняться после получения диплома? Быть может, я смогу помочь вам в осуществлении намеченного вами?

Хотя слухи о серьёзном и определённом значении подобных вступлений и ходили в студенческой среде, зачастую спрашиваемый терялся и молчал, не находя нужного ответа. Легко сказать, – ведь перед ним сам Фёдор Александрович!

Академик начинал хмуриться. Собеседнику его казалось, что резче делались вертикальные морщины на крутом лбу, глубже становились две правильные складки, ограничивающие жёсткие прямые усы, и внушительнее выдвигался вперёд широкий бритый подбородок:

– Так что же? Так как же, батенька мой? Отличный студент – и не имеете никакого призвания?

Фёдор Александрович строго впивался глазами в молодого человека и поднимал вверх палец – тот самый, о котором говорили: «Когда он поднял палец, – смотри, подтянись!»

Затем учёный откидывался на спинку кресла и продолжал:

– Вот смотрите-ка, Алексей Фёдорович! (если тот, к счастью, оказывался под рукой). Смотрите-ка, – товарищ не имеет никакого определённого призвания!

И палец вновь поднимался над столом. Студент набирался смелости:

– Да я, Фёдор Александрович... вот... я... мне бы хотелось остаться при Институте, да не знаю...

– Благодарю вас! А кто же знает? Может быть, Алексей Фёдорович знает?

Алексей поспешно приходил на помощь растерявшемуся юноше. И когда всё нужное бывало сказано, академик заключал беседу, решавшую будущее ещё одного молодого человека:

– Хорошо, вот обо всём и условились. Теперь и вы знаете, и я знаю. Позвольте вас особо предупредить: в нашей работе всё одинаково важно! У нас малых дел нет и никакой работой не брезговать, да!

– Я это понимаю, Фёдор Александрович, – уже вполне уверенным голосом отвечал новый член семьи академика.

– Вот и отлично, вот и будем вместе, как говорится, приумножать знания!

Когда же на традиционный вопрос следовал ответ с точным названием географической точки и намеченного будущим инженером предприятия, Фёдор Александрович или одобрял выбор или рекомендовал другое предприятие. Беседа заключалась торжественным обещанием молодого человека поддерживать связь с Институтом.

...Большая семья у старого академика!..

Глава третья

ЗА ЖИЗНЬ

1

Много есть на свете людей, казалось бы внешне и похожих друг на друга, а между тем никто не находит сходства между ними.

Алексей не старался копировать отца. Но в походке, в жестах, в интонациях голоса, в мимике, – словом, во всём, что сопутствует работе мысли и выражает чувство, разительно проявлялось их сходство.

И не было в этом сходстве ничего нарочитого, неестественного. Любовь была учителем сына, а чувство это – наставник надёжный, умный и тонкий.

С начала своей сознательной жизни всем сердцем привязался юноша к отцу-воспитателю. Не секретом было для Алёши, что не родной ему по крови Фёдор Александрович, но ни в чём это не мешало наречённым отцу и сыну. Всегда легко отгадывал сначала юноша, потом мужчина мысли отца и легко шли они оба днями, месяцами и годами совместной жизни тружеников науки.

Однажды случилось, что Фёдор Александрович задал сы-

ну не совсем обычный для него вопрос:

– Ты, Алексей, жениться не думаешь?

Они были одни в кабинете академика в Старом Корпусе Института Энергии.

– Нет, отец, не думаю.

– Почему же?

Недавняя женитьба племянника Фёдора Александровича, Николая, была, по-видимому, причиной этого вопроса и, когда Алексей замедлил с ответом, отец повторил вопрос:

– Но почему же?

Тут кто-то им помешал своим приходом и последний вопрос Фёдора Александровича остался без ответа.

Вспомнился сегодня Алексею вопрос отца. Мельком слышал он утром жалобы Таты на невнимание мужа и ушёл из дома с мыслью: «А я бы писал аккуратно...» – А сейчас Елена Ивановна, его преемница по литературной лаборатории, сказала что-то ласковое своему мужу по телефону.

Вот и вспомнилось... Но пора к делу!

2

Ещё в недавнем прошлом на десятилетия вперёд определялись до мелочей структура и программа учебно-научного учреждения. Иной профессор-чиновник год за годом, до самой отставки, читал свой курс по неизменным затасканным тетрадкам.

Так было... Теперь же в нашей стране никому и в голову не придёт читать курс даже по прошлогоднему конспекту!

И в Институте Энергии новая тематика появляется беспрерывно.

Новые лаборатории, свидетельствуя о расширении тематики, при своём рождении получают порядковые номера, обозначаемые арабскими цифрами. А появление внутри основных тем самостоятельных ответвлений знаменуется буквенным обозначением. Так и говорят в Институте: «получить литеру». Это значит обрести законченную форму и собственное хозяйство.

Лаборатория П расположилась в одной из позднейших пристроек к Экспериментальному Корпусу. На эту территорию в отличие от Старого Корпуса посторонним доступ был возможен только по специальному разрешению.

Последние два года работы Алексея Фёдоровича были связаны с новой литерной лабораторией. Её часто посещали физиологи и врачи, не имеющие непосредственного отношения к делу энергетического хозяйства страны и к научным проблемам физики.

Однако именно здесь, в новых областях применения атомной энергии и в сферах особенностей ядерных реакций, был заключён союз между медициной и энергетикой.

Литерная лаборатория состоит из двух помещений. Первое – аппаратная. Перед вошедшим открывается довольно узкий проход. Прямо, шагов через двадцать, в стене видна

дверь – стальная плита с тяжёлыми рычагами-запорами. Это вход в камеру – так называют второе помещение лаборатории в отличие от аппаратной.

В первом помещении, слева от прохода, в несколько рядов стоят очень высокие, почти под потолок, резервуары прямоугольной формы. Они соединены толстыми, коленчатыми трубами, изогнутыми в разных направлениях. На потолке на фарфоровых изоляторах подвешена густая кабельная сеть. Последний ряд резервуаров подходит вплотную к стене камеры. Коленчатые хоботы толстых труб подняты и исчезают в стене.

Другая сторона аппаратной несколько свободнее. Здесь приблизительно две трети длины помещения заняты высоким бетонным фундаментом. На сером массиве лежит толстая свинцовая пластинка. Четыре кабеля уходят под помещённые на пластинке стеклянные колпаки. Под прозрачным стеклом – шары и матовые груши на блестящих цоколях, контакты и многосложное переплетение проводов.

Приборы управления сгруппированы у входа в камеру. На стене – длинный белый щит, разделённый на три части. Слева на щите несколько больших дисков со стрелками на циферблатах. Справа – длинная шкала под выпуклым стеклом, а над ней квадратное углубление с частыми концентрическими кругами, рассечёнными двумя взаимно перпендикулярными прямыми.

Середина щита пуста. Её матовая поверхность напомина-

ет неглазурованный фарфор.

Над щитом из стены выступает большой чёрный рупор, обращённый широким раструбом вниз. Второй рупор, длинный и узкий, выходит из-под щита.

Окон в помещении нет и освещение искусственное.

В коридоре перед входом в лабораторию Алексея Фёдоровича ждала женщина в белом халате и белой шапочке. Немного дальше на полу стояли носилки с лежащим на них человеком и возле них – два санитаря. Женщина шагнула навстречу Алексею Фёдоровичу. Поздоровались. Она объяснила:

– Наш новый больной, мастер с завода «Молот революции». Саркома в области коленного сустава правой ноги...

Алексей Фёдорович подошёл к носилкам и, нагнувшись к больному, приветливо сказал:

– Добрый день! Мы вас особенно утомлять не будем, наши операции безболезненны. Поднимите носилки, товарищи.

Они прошли через аппаратную, и Алексей Фёдорович) отворил стальную дверь.

В камере просторно и пусто. Сплошные, без окон, стены, пол и потолок покрыты бронёй из серебристого матово-тусклого металла.

У вошедшего в камеру сразу же создаётся отчётливое впечатление глубокой замкнутости, полной изолированности от внешнего мира.

В геометрическом центре камеры на массивной, расши-

рящейся кверху опоре находится длинный узкий стол. На столе – тугой резиновый тюфяк и белая подушка. С верхней рамы стола почти до пола свисают замшевые ремни с пряжками.

По потолку камеры из аппаратной проходят трубы и кабели. В середине потолка они собираются и исчезают в массивном кубе. Из нижней плоскости куба вы ступает большая воронка, обращённая вниз узкой частью. Её срез, диаметром в три или четыре сантиметра, открывает тёмное, пустое отверстие.

3

Санитары подняли больного и положили на стол. Сопровождающий врач обнажил его правую ногу.

В относительно ранней стадии убийственная злокачественная опухоль работает невидимо. Внутри каждую секунду, не останавливаясь, непрерывно, хищные клетки саркомы пожирают здоровые, живые ткани. Деятельность врага последовательна и неотвратима. Он ползёт и уничтожает. А снаружи глаз видит красивое, мускулистое, здоровое тело. Жить бы ему да жить!

На белой чистой коже колена синей краской очерчены границы опухоли.

Больной молчал и, видимо, волновался. Алексей Фёдорович сказал ему:

– Мы должны вас тщательно и туго привязать. Видите, сколько ремней?

Больной только сейчас понял назначение длинных полос замши.

– Да вы не беспокойтесь, доктор. Мне бы только ногу сохранить, а лежать я буду спокойненько!

– Конечно, конечно... Я не сомневаюсь в вас. Но уж у нас такой порядок. Вы можете нечаянно изменить положение и это для вас будет нехорошо. Вам разрешается только дышать! – Алексей Фёдорович улыбнулся. – Согласны?

– Соглашусь даже не дышать. Дисциплина. Хоть на куски разрежьте! В цехе будут перестраивать конвейер, и без ноги мне не справиться. Придётся переходить к старикам, в тех-контроль.

Врачи кропотливо закрепляли ремни, а заводской мастер отрывисто говорил:

– Ампутация?! Ведь это на войне без ноги остаться... дело другое... а так? ни за что – и вдруг в инвалиды!

Когда все ремни были затянуты, Алексей Фёдорович спросил:

– Ну, как? Постарайтесь-ка пошевелиться!

Больной напряг сильное тело, попробовал сделать движение и одобрил:

– Работа надёжная.

Дежурный врач повернул выключатель и из воронки вниз упал снопик очень яркого света. Алексей Фёдорович, нажи-

мая ногой на педали, менял положение стола. То поворачивая, то поднимая его, он продолжал разговаривать со своим пациентом:

– Сейчас мы все уйдём и оставим вас одного. Но я буду видеть вас и слышать. Вы же будете только слышать мой голос. Если я что-нибудь спрошу у вас, отвечайте.

– Хорошо. А нога останется?

– Останется!

– Честное слово?

– Честное слово!

Стол продолжал передвигаться, пока на обнажённое колено не лёг правильный круг света, падавший из воронки. После этого тело крепко привязанного человека начали покрывать полотнищами из толстой, гибкой ткани. Изолирующая защита была соткана из тончайших волокон того же металла, который служил бронёй для камеры и для аппаратуры атомных реакций. Осталась открытой только часть поражённого саркомой колена. Голову больного покрыли глубокой маской с помещёнными в ней микрофоном и телевизионным передатчиком. Санитары унесли носилки. Алексей Фёдорович вышел последним, закрыл дверь и закрепил её массивными запорами.

4

Учёный сел в кресло перед пультом управления. Общее

освещение аппаратной погасло. Только невидимые лампочки над щитом продолжали гореть, освещая щит и пульт управления. Привычной рукой Алексей Фёдорович нажимал кнопки.

На щите, в середине матового экрана, появилось ярко освещённое лицо больного. Изображение было объёмным, сильно увеличенное лицо казалось висящим в воздухе. Алексей Фёдорович сказал в нижний рупор:

– Вы слышите меня?

Громадное лицо на экране зашевелило губами, и из верхнего рупора ответил громкий голос:

– Слышу!

Женщина-врач, сопровождавшая больного, подошла ближе – рупор передавал дыхание больного.

Алексей Фёдорович потянул на себя до отказа рычаг управления. Сейчас же от высоких резервуаров, заполнявших левую часть аппаратной, донеслось густое жужжание. Звук усилился, и тёмное помещение начало освещаться синеватым сиянием, проникавшим через стеклянные колпаки.

Лицо больного смотрело с экрана с тем особенным выражением, какое может быть у человека в одиночестве, когда он не знает, что за ним наблюдают. Больной явно не отдавал себе отчёта в том, что его видят и слышат. Он слегка поморщился, пошевелил губами, широко открыл рот и длинно, нервно зевнул. Громкий зевок, усиленный рупором, раздался в аппаратной. Было слышно шуршание накрахмаленной

наволочки.

Левая рука Алексея Фёдоровича переходила к рычагам следующих рядов. Жужжание и шум в аппаратной усилились настолько, что уже нельзя было различать, и слышать неопределённые звуки, передаваемые рупором. Лицо больного изменило выражение:

– Я ничего не чувствую, только жужжит в ушах!

– Всё в порядке, – ответил Алексей Фёдорович и перенёс руку к рычагам.

– А что вы сейчас чувствуете? – спросил учёный.

Лоб больного сморщился. После небольшой паузы он ответил:

– Как будто ничего... Как будто немного пощипывает...

Пожалуй, колено покалывает...

– Сильно покалывает?

– Нет, слабо.

Алексей Фёдорович взял обеими руками сразу два рычага и медленно перевёл их:

– А как теперь?

Рупор громко ответил:

– Так же! – И после недолгого молчания продолжал: – А мне можно с вами разговаривать?

– Нет! Сейчас нельзя. Потом.

Учёный взялся за последний рычаг и поставил его вертикально, потом встал и предложил своей помощнице:

– Начинайте!

Слух присутствовавших ясно различал короткие глухие удары, доносившиеся из-за стен камеры. На громадном лице человека на экране выступили крупные капли пота. Его глаза открывались и закрывались. Алексей Фёдорович нагнулся к рупору и спросил:

– Что вы сейчас чувствуете?

– Жарко... и здесь как из зениток палят!

– Так и должно быть, – ответил учёный.

Было видно, как пот заливал лицо больного. Он зажмурил глаза и тяжело дышал, оттопыривая губы.

Небольшая группа в аппаратной была неподвижна. Только руки помощницы Алексея Фёдоровича поднимались и опускались, определяя чёткий ритм. А из-за стены слышались глухие удары, похожие на отдалённые взрывы.

Через семь минут Алексей Фёдорович последовательно вернул в первоначальное положение все рычаги пульта управления. Аппараты смолкли, помещение осветилось и на экране уже не было громадного лица.

5

Когда с головы больного сняли тяжёлую маску и вытерли мокрое лицо, он отыскал глазами Алексея Фёдоровича и спросил:

– Теперь мне можно с вами разговаривать?

– Можно, пожалуйста.

– Алексей Фёдорович, я ведь вас сразу не узнал, – за доктора принял! В больнице не сказали, куда везут. Я лежал и всё вспоминал: лицо знакомое. Вы бывали у нас на заводе. Главное, никак имени не мог вспомнить. Фёдор-то Александрович и в этом году к нам раза два приезжал и в мой цех оба раза заходил. Тут у вас Степанов работает, на нашем заводе человек жизнь начинал!

– Вот и отлично! – весело ответил учёный. – Значит, старые знакомые, и друзья у нас общие. Вот и вы у нас в Институте оказались в гостях.

Когда сняли ремни с больного, он схватил Алексея Фёдоровича за руку. Лицо его стало очень серьёзным:

– А это всё не засекречено? Вас можно расспрашивать?

– Тайны нет. Пока шла разработка, мы избегали широкой огласки, как обычно. Теперь мы говорим, ни чего не скрывая. Мы пользуемся атомной энергией. В аппаратуре происходят взрывы малых количеств вещества, и мы посылаем через фильтры энергию короткими импульсами. Атомные частицы проникают в тело, встречают опухоль и убивают её. Но если бы мы направили на ваше колено непрерывный поток частиц, он убил бы и здоровые ткани тела вместе с опухолью. При коротких толчках здоровые клетки успевают выстоять, а чуждая организму болезнь гибнет...

Больной возбуждённо прервал учёного:

– Алексей Фёдорович! Да всё же понятно! Это всё равно, как интервенты. Народ у себя дома, все вместе, а они – чу-

жие!

– Совершенно верно. Вы даёте образное и правильное определение. Болезнь – это захватчик.

Когда упал последний ремень, больной, пользуясь полученной свободой, порывисто сел и хотел даже соскочить со стола. Алексей Фёдорович подхватил его и уложил обратно.

– Э-э-э! Рано! Вас сюда привезут ещё два или три раза... Чудес не бывает. Прыгать будете, когда всё восстановится и врачи разрешат!

В проходе аппаратной мастер приподнялся на носилках:

– Вы мне главное скажите! Кто изобрёл? Это вы с Фёдором Александровичем изобрели?

– Кто изобрёл? Работал весь наш коллектив. И у нас, как в каждом нашем большом деле, один на другого опирается. Ведь вы производственник! И вы понимаете, что для осуществления идеи нужна согласованная работа на высоких классах точности. И высокая организация. Часть заказов нашего Института выполняется и на вашем заводе. Кто сделал, кто изобрёл? Кто у нас в стране всё делает? Народ! Наши замечательные советские люди, руководимые партией!

...В коридоре Алексей Фёдорович встретил носилки ещё с одним больным. Он посторонился и прошёл дальше. Сегодня учёный в последний раз исполнял обязанности оператора. Литерная лаборатория сдана на ходу.

Новые мысли всё сильнее и сильнее увлекали учёного. Есть ли граница стремлениям людей в их борьбе за власть

над жизнью?

Фёдор Александрович сообщил, что возвращается сегодня вечером после двухнедельного отсутствия.

Сын с нетерпением ждал возвращения отца.

Глава четвёртая

ИНСТИТУТ ЭНЕРГИИ

1

В августе тихо и пусто в зданиях учебных заведений. Но в больших корпусах институтов есть уголки, где и каникулы не прерывают работы.

...Старые машины останавливаются – топливо на исходе. Вот брошена последняя лопата угля. Стихает пламя в топке. Стрелка манометра дрожит и движется влево: 8–7–6... 2–1... Пар упал. Сделав последние, замирающие движения, медленно остановились поршни и рычаги, – паровая машина уснула. Нет пара, нефти, бензина, нет тока – нет света. Тепло является источником движения, силы. Но не пора ли заменить уголь, торф, нефть другими теплоисточниками? Для физики тепло – это энергия беспорядочного движения мельчайших частиц материи: молекул и атомов. Чем быстрее движение, тем выше температура, тем больше тепла.

Утро августовского дня, описываемое нами, отделялось большим не по времени, а по значению сроком от момента познания человеком величайшей тайны материи, когда было технически осознано, что энергия имеет массу и эта мас-

са – ядро атома. Сумейте воздействовать на атом, разбудите сгусток энергии, и вы – обладатель неисчерпаемого источника силы. Освободите энергию, заключённую в материале нескольких предметов, находящихся на вашем столе, – в письменном приборе, в листе бумаги, в ручке, которой вы пишете, и вы получите эквивалент тяжёлой годовой работы первоклассной каменноугольной шахты. Так была поставлена проблема теми, кто думал о благе людей.

Неустройство мира проявило себя в диком искажении замечательного открытия. Грандиозные очаги тепла в виде атомных бомб были сброшены с самолётов на население двух больших азиатских городов. Это было сделано для того, чтобы поразить человечество новым пугалом. Однако в этой новой для мира силе таилось не только тепло. И когда возможность использования атомной энергии была ещё только мечтой учёных, было уже понятно: здесь источник всех видов энергии, начиная от неведомых её состояний, – назовём их условно «волнами», или «лучами», – и кончая «простыми» – теплом и светом.

В Экспериментальном Корпусе Института Энергии дверь из вестибюля направо ведёт в небольшой зал. Посещение этого зала входит в привычки Фёдора Александровича. На первый взгляд здесь ничто не заслуживало внимания. В зале находилась простая паровая машина, похожая на ту, что изображена в учебнике физики Краевича. Замечательное достижение техники XIX века выглядело как музейный экспо-

нат в XX. Впрочем, архаичная схема была осложнена вполне современным конденсатором пара, позволяющим до минимума свести подачу воды в котёл, и устройством автоматической смазки.

Для непосвящённого глаза это могло показаться обыкновенной тепловой машиной. Однако было в ней нечто, что существенно отличало её от обычной паровой машины. Мы не будем обременять читателя описанием топки, – он найдёт все подробности в специальных научных трудах. Толстые щиты ограждали низ машины, сливаясь с её фундаментом. Скрытое ими устройство мало напоминало то, что носит название «топки» в тепловых машинах XIX и первой половины XX века. Смысл новой системы заключался в том, что внутри находилось известное вещество, поставленное в такие условия, что оно, давая тепло с заданным постоянством, превращало воду в пар, само же почти не изменяло своего первоначального ничтожного объёма.

Это – один из первенцев новых тепловых машин. Движущей силой служит по-прежнему пар, но превращение воды в пар происходит не за счёт сжигания угля или нефти. Ядерная реакция служит источником тепла, а простейшая схема рабочей конструкции была Фёдором Александровичем избрана для облегчения наблюдения. Не останавливаясь ни на минуту, тепловая машина приводила в действие динамо, питавшее электроэнергией часть Экспериментального Корпуса.

Отец и сын поднялись из вестибюля на второй этаж. В коридоре их встретил Иван Петрович, один из старых работников Института.

– Доброе утро! Как вы себя чувствуете, дорогой друг? – приветствовал его Фёдор Александрович.

Они остановились. Фёдор Александрович почти на голову выше своего товарища. Иван Петрович роста среднего, носит острую бородку клинышком. Усы пожелтели от табака. Он поспешно отвечает:

– Благодарю вас, чувствую себя великолепно. А как вы, Фёдор Александрович? – Покончив с формулой приветствия, Иван Петрович продолжал, не ожидая ответа: – Мы вас ждали, да-с, с нетерпением. Вот Алексей Фёдорович ждал, я ждал и другие. Да, да, Фёдор Александрович!.. И мы с Алексеем Фёдоровичем окончательно договорились...

Иван Петрович взялся за свою бородку и посмотрел на Фёдора Александровича снизу и чуть сбоку. Фёдор Александрович молчал, ожидая продолжения.

– Но что же я стою? – спохватился Иван Петрович. – Пойдёмте!

Они вошли в Малую аудиторию в конце коридора. Фёдор Александрович сел, жестом пригласил сесть своего друга и сына.

– Алексей Фёдорович уже говорил со мной, – сказал он.

Такова была привычка отца и сына: в семье и наедине – «ты» и по имени, а во всех других случаях – «вы» и отчество.

– Уже говорил со мной... – продолжал академик.

В аудитории тихо. Высокие окна с одной стороны открыты. Слитного гула большого города не слышит привыкший к нему слух и звуки не мешают вниманию. Фёдор Александрович говорил:

– Да... Мысль о расширении дальнейшего эксперимента в области физиологии часто возвращалась ко мне.

Вы, может быть, помните, Иван Петрович, как наш латинист раскрыл нам, юношам, смысл мифа о двуликом Янусе: одна сторона и другая, а между ними вывод, то есть символ широты мысли в силлогизме. С таким простым воззрением на вещи нас в старину посылали в жизнь. Партия переучивала нас и научила нас мыслить.

Уж если отталкиваться от образов мифологии, то мне ядерная энергия может скорее представиться в образе индусской богини Кали. Такой богатейший азиатский образ плодородия!.. Одна голова и множество рук – сила жизни во множестве проявлений...

Академик замолчал. Он посмотрел на своих собеседников, но никто из них ничего не сказал, и Фёдор Александрович продолжал:

– Я никогда и ни для кого не делал тайны из своих взглядов на жизнь. Выражаясь как инженер, я называю своё тело

машиной для жизни. Хотя это и не философское обобщение, но так мне легче высказать свою мысль... И жизнь не должна идти праздно, – тогда машина способна хорошо и долго работать. Я ещё не чувствую себя старым, я могу работать сейчас ещё лучше, чем в молодости. Но это другое... Вот о чём я иногда думаю: природа, создавшая человека, ныне отстала от своего сына. Жизнь первых людей была простой. Уже годам к двадцати пяти первобытное человеческое существо могло собрать весь нужный ему опыт и полностью освоиться с весьма несложными условиями древнейшего общества. Дальнейшее формирование человеческого общества, развитие наук, усложнение отношений между природой и человеком – всё это вызывало противоречие! Да, именно противоречие!.. Зачастую уже к шестидесяти годам жизни машина проявляет признаки износа и начинает изменять своему владельцу. Именно тогда, когда накоплен драгоценный опыт и знания, возможность плодотворного труда прерывается природой. Это я и называю противоречием.

– Вот именно, Фёдор Александрович, – противоречие! Но простите, я перебил вас, мой дорогой друг.

– Нет, нет, Иван Петрович, нисколько, прошу вас...

– Так вот... – начал Иван Петрович. – Вы оба помните, как несколько лет назад я боялся. Да, да, не прерывайте меня, Алексей Фёдорович! Это самокритика. Я думал, что мы можем оскандалиться, когда решили заводить морских свинок и кроликов в литерной лаборатории. А теперь я не бо-

уюсь. Мы недаром работали вместе с физиологами. Мои тезисы по новой теме таковы: цель живого организма – жизнь, а не смерть. Цель жизни в создании наиболее тонких сложных форм. Наша цель – сохранение долговечности человека. В этом содержание нашей новой темы в области разработки ядерной энергии.

– Между нами нет разногласий, – ответил Фёдор Александрович. – Мнение Степанова также положительно. Считаю своевременным собрать нашу коллегия. Ивана Петровича прошу быть докладчиком, а за Алексеем Фёдоровичем – содоклад.

Алексей переключил телефон на диспетчерскую связь и сказал в трубку:

– Фёдор Александрович просит всех собраться через десять минут в Малой аудитории.

Иван Петрович, подёргивая бородку, просматривал свою записную книжку.

3

...Собрались. Иван Петрович начал:

– Товарищи, последние годы нашей работы сопровождаются явлениями характера необычайного. Но не лучше ли будет сказать иначе? Не явления, а идеи вторгаются необычайные!.. Прошу не понять меня неправильно. Напоминаю вам мои колебания и возражения при организации извест-

нейшей литературной лаборатории. Для меня, энергетика, рождённого ещё старой, так сказать, школой, тогда были ещё непонятны сокровенные движения мысли моих молодых коллег. Многие из вас помнят, как мы разрабатывали первые серии нашей тематики...

– Помните? Врага, подлинного врага должны были мы видеть перед собой. Энергетические возмущения грозили самоотверженным операторам самыми печальными результатами, начиная с поверхностных поражений кожи и кончая параличом нервной системы, свёртыванием крови и распадом живой материи. В дальнейшем, проходя решающие успех этапы, мы научились изолировать очаги возбуждения энергии и многие мешавшие нам предосторожности отменили. Правильно ли мы поступили? Я отвечаю: да, правильно.

Иван Петрович откашлялся. Дальше последовало коротенькое перечисление работ за истекающее пятилетие. Он упомянул об усовершенствовании атомных фильтров, об освоении массового выпуска энергита, об окончании монтажа Красноставской и о предстоящем пуске первой энергостанции на Соколиной Горе, о конструировании машин на атомном топливе.

Тут Иван Петрович запнулся. Подыскивая слова, он подёргивал большим и указательным пальцами левой руки бородку («доился», по выражению дерзких первокурсников). Потом он продолжал:

– Противоречие... Именно, скажу я, противоречие воз-

никает между нашими возможностями и результатами нашей деятельности при попытках установить предел дальнейшего расширения сферы наших опытов. Нам необходимо приучить себя к мысли о чрезвычайнейшем расширении нашей тематики. О намечающемся новом на правлении скажет Алексей Фёдорович.

Иван Петрович сел, несколько запыхавшись. Алексей Фёдорович встал. Он опёрся руками о стол и слегка подался вперёд. В этот момент он, действительно, поразительно напоминал отца.

– Товарищи... я принадлежу к той группе наших учёных, которая за последнее время много общалась с физиологами и врачами. Это общение и наша работа привели к возникновению новых мыслей. Формулирую их вкратце. Мир в высшей органической жизни создаётся из мира неорганического посредством воздействия, в основном, солнечной энергии, то есть энергии, отдаваемой в результате ядерных атомных реакций. Следовательно, процесс возникновения органической жизни, её рождение, есть результат действия ядерных реакций. Истина для вас настолько очевидная, что спрашивается, к чему её повторение? Однако же, если рождение живого существа есть процесс, если рост и развитие его есть процесс, то ведь таким же процессом является и смерть живого существа. Ставится вопрос: а не возможно ли управление именно последним процессом, то есть смертью, вернее сказать, её предшественниками, а именно явлениями изно-

са, отмирания?

Алексей Фёдорович сделал паузу, воспользовавшись которой Иван Петрович встал, сказал: «это очевидно», – и опять сел. Алексей Фёдорович продолжал:

– Я разделяю мнение Ивана Петровича. Но почему?

Мне кажется, что если мы уже начинаем частично управлять энергетическим приводом между мёртвой и живой природой, то где-то и как-то мы неизбежно наткнёмся на феномены воздействия на живые, в частности на человеческие, организмы и сможем на них благотворно воздействовать. Это моё глубочайшее убеждение. Я не сомневаюсь, что придёт время, когда мы сможем прикоснуться к самым основам жизни и организовать борьбу за её продление. Здесь я подхожу к главному. Достойна ли для советского учёного позиция выжидания? Конечно, нет. Мы ясно должны отдать себе отчёт в том, что поиски в этом направлении будут трудными. Новый путь. Но мало ли путей уже нами пройдено? Я предлагаю: включить тему в план Института. В обоснование своего предложения могу сделать следующее сообщение. Во время дополнительных работ по оборудованию литерной лаборатории было замечено своеобразное влияние некоторых излучений. Влияние выразилось в частичном повышении общего тонуса и работоспособности. Была произведена проверка лично мной, Иваном Петровичем и Марком Михайловичем...

– Совершенно верно! – отозвался смуглый, сухощавый

брюнет с пышной шевелюрой.

Часть выступавших после Алексея Фёдоровича всё же выражала сомнения в целесообразности расширения работ за пределы чисто энергетической тематики. Фёдор Александрович встал:

– Позвольте мне сказать. За многие годы я привык, следуя правилу древней мудрости – *ex discussio veritas*, – подвергать все важные решения предварительному свободному обсуждению. Так я привык, так привыкли мы. Наша ли это область? Согласен! Область не наша. Согласен! Но уточним. Наша энергетика, сильная отрасль единой по содержанию советской науки, не стремится ли в действительности в своём расширении к общему синтезу? И не этот ли синтез является целью? Рассматривая так, нахожу, что мы, рассуждая формально, можем впасть в тяжёлый грех, а именно, сами того не желая, мы попытаемся ограничивать дальнейший прогресс с точки зрения несовершенства наших сегодняшних знаний и представлений.

Фёдор Александрович молча смотрел на знакомые лица разместившихся перед ним работников Экспериментального Корпуса и читал на них очевидное согласие с его мыслями. Он спросил:

– Так как же?

Возражений не было.

Ощущая привычный контакт с аудиторией, Фёдор Александрович закончил:

– Итак, считаю бесспорным наше право на введение новой темы. И медлить не будем. Прошу Ивана Петровича и Алексея Фёдоровича наметить список наших коллег из других отраслей. Я считаю, что придётся широко привлечь физиологов и биологов. Значительно шире, чем в тематике литературной лаборатории. Среди них мы найдём немало ценнейших и помощников и руководителей. Мысль о стыке физиологии и энергетики начинает всё чаще и чаще проскальзывать в печати. В последнем выпуске трудов Медицинской академии весьма примечательна статья «К вопросу о некоторых электрических явлениях в крови живых организмов». Знаком ли кто-нибудь с ней?

– Я читал эту статью профессора Станишевского, – отозвался Алексей Фёдорович. – Я считаю необходимым с ним связаться.

...Уже несколько минут за спиной Алексея Фёдоровича стоял, подойдя на цыпочках, невысокий мужчина лет сорока или сорока пяти. Это был технический служащий Фёдора Александровича, выученик и преемник ушедшего на покой Ванина, того, кто долгие годы деспотически властвовал в служебных кабинетах академика и был среди студентов знаменит своим выражением: «Мы с Фёдором Александровичем пока заняты, извольте минутку подождать».

Воспользовавшись первой паузой, Степан Семёнович подал Алексею Фёдоровичу распечатанную и развёрнутую телеграмму. Такой порядок был издавна установлен Ваниным

– распечатать, прочесть и действовать с разумом в зависимости от содержания телеграммы. Исключение делалось только для телеграмм со штампом «правительственная».

Пробежав глазами краткий текст, Алексей Фёдорович передал телеграмму отцу. Взглянув на три печатные строчки «молнии», Фёдор Александрович нахмурился:

– Вам, Алексей Фёдорович, нужно немедленно отправиться в путь.

– Я уже звонил на аэродром, Фёдор Александрович, – вмешался с привычным тактом служитель, – место есть. Я от вашего имени сказал, чтобы удержали...

Фёдор Александрович посмотрел на часы и обнял сына:

– Тебе нужно поторапливаться!

4

Приблизительно в этот же час Михаил Андреевич Степанов приближался к Москве. Несколько часов воздушного путешествия протекли для Степанова незаметно. Он был полностью захвачен своими мыслями.

Почему-то вспоминались Михаилу Андреевичу потемневшая от косо́го осеннего дождя высокая кирпичная стена завода, длинный двор с почерневшими от первых холодов астрами на клумбе у проходной. Запах машинного масла и металла, голоса товарищей по школе фабрично-заводского ученичества. Ясно представился секретарь парткома Введе-

неё на трибуне заводского собрания. Заканчивая доклад, он говорит: «Будем, как Ленин...»

Вспоминаются годы учёбы. Сейчас, пожалуй, не поймёшь, почему ему никак сначала не давалась тригонометрия? Синус, тангенс...

Самолёт сильно подбрасывает вверх, потом он проваливается вниз. В ушах неприятное ощущение, – давит...

Мысли возвращаются к основной заботе Михаила Андреевича с новой силой... Хиросима, Нагассаки. Два грандиозных пожара... А вот в Бикини пожара не было. Как же там было? Собрали десятки старых военных судов. Людей на этих броненосцах не было, только козы – для опыта. После атаки атомными бомбами кто-то выражал разочарование – даже козы почти все остались целы. Но на следующий день они начали умирать и скоро погибли все! Живые существа были убиты удобно и просто, без пожаров и разрушений...

А сколько же людей, сколько рабочих семей голодают, для того чтобы за их счёт капиталистические воротилы делали атомные бомбы? Десятки тысяч, сотни тысяч... А не сотни ли миллионов?

И при этой мысли руки Михаила Андреевича сжимаются в кулаки.

Степанов смотрит на часы. Скоро Москва. В маленькое окно внизу видна – лента чёрной воды в размытых контурах берегов.

В четыре часа следующего дня доктор технических наук Михаил Андреевич Степанов, вчера прибывший с Красноставской Энергетической Станции Особого Назначения, был принят министром.

Молодой учёный кратко доложил небольшому числу присутствовавших о наблюдениях Красноставской. Доклад слушали внимательно. Министр изредка кивал головой, глядя на докладчика.

– Итак, ваш вывод? – спросил он, когда Михаил Андреевич кончил.

– Не исключаю возможности агрессии, хотя не имею для этого никаких данных, кроме одного: явления впервые наблюдаются над нашей территорией! Поэтому Красноставской даны указания во всех случаях ставить «щит».

Очевидно, в слове «щит» содержалась условность, известная присутствовавшим, так как министр не спрашивал объяснений.

Михаил Андреевич продолжал:

– Красноставская будет вынуждена брать энергию от Соколиной Горы в таких размерах, что это снизит обеспечение производящихся там работ...

Но министр прерывает:

– Вы сказали – агрессия. С вашей точки зрения, так ска-

зять физически, это можно назвать так. Агрессия, то есть какое-то вторгающееся извне явление. Но в более широком смысле слова, если ваши догадки справедливы, это можно назвать только авантюрой. Несколько своеобразной, но, в сущности, мало отличающейся от других авантур. Кто-то хочет прощупать нас и с этой стороны. Вы это предполагаете? Вы к этому готовитесь? Бдительность всегда уместна! Да, силы наши велики... А вы можете указать точку касания волны к нашей территории?

– Только квадрат со стороной не меньше тысячи километров, – отвечает Степанов.

– Вы обсуждали это у себя в Институте?

– Я докладывал Фёдору Александровичу. Он разрешил мне доложить вам.

– Конечно, всё это достаточно интересно, и я прошу вас передать Фёдору Александровичу просьбу приготовить доклад также и по этому вопросу для предстоящего совещания. Вы успеете?

– Да.

– Как себя чувствует Фёдор Александрович? – спрашивает министр. – Я не видел его уже почти три месяца!

Этот вопрос смягчает напряжённость.

– Вам нужно тщательно беречь его. Да, тщательно беречь! Ведь вы, молодёжь, бываете часто беспощадны к нашему брату, старикам!

Михаил Андреевич чуть запальчиво заступает за люби-

мого учителя;

– Мы его совершенно не считаем стариком!

– Не считаете? Вы всех считаете молодыми... А он отдыхал в этом году? Кто об этом должен думать? Вы должны об этом думать, молодые люди!

– Он не хотел, – оправдывается Степанов, – мы его просили. Он, наверно, согласится после приёмных испытаний в Институте и после начала учебного года. Он любит общение с вновь поступившей молодёжью. Ведь вы же его знаете!

– Вот мы его недели через три по-дружески обяжем, – и министр сказал своему референту: – Запишите в важные и напомните мне! Как ваша новая, «особенная», как у вас её называют, тема? – спросил министр.

– Мы имеем основания ожидать очень интересных результатов... И Михаил Андреевич рассказал о замеченном несколько месяцев назад своеобразном действии одной из опытных энергетических установок на состояние обслуживающих её работников. Установка была предназначена для других целей, а её возбуждающее действие на людей вначале вызвало тревогу за качество изоляции. Однако Фёдор Александрович решил поставить наблюдения.

Здесь министр перебил Степанова:

– Я слышал, что вы и сын Фёдора Александровича особенно настаивали на развитии этой темы.

– Может быть, это не совсем так. Фёдор Александрович утвердил состав инициативной группы и назначил её руко-

водителем Ивана Петровича, потому что именно Иван Петрович три года назад яростно возражал против намеченного ответвления нашей тематики в область физиологии. – Степанов усмехнулся. – Фёдор Александрович хорошо знает его! Теперь в нашей среде именно Иван Петрович страстно стремится к этой тематике!

Увлекаясь, Михаил Андреевич закончил словами:

– Мы убеждены в том, что советская наука находится на пороге получения возможности благотворного воздействия на живые организмы, повышая их силу и работоспособность. Может быть, удастся подойти к проблеме долголетия...

Когда Степанов простился и вышел, министр проводил его задумчивым взглядом.

– Растёт, выросла смена всем нам, – сказал он, ни к кому не обращаясь.

– Уже выросла, будет расти и перерастёт нас! – подтвердил его товарищ, бывший конник гражданской войны.

– А не думаешь ли ты, Василий Васильевич, что нам с тобой, если захотим, можно будет дополнительно, сверх нормального срока жизни, поработать? Прикажут подольше жить! А?

В открытое окно входил гул живущего и работающего города-гиганта. От нагретых солнцем жаркого августа чёрно-серых асфальтовых мостовых и каменных зданий воздух поднимался невидимыми восходящими потоками, неся звуки жизни миллионов людей, стремящихся к общей цели.

Глава пятая

ЧЕРВЬ РОЕТ

1

Сегодня крупнейшие радиокорпорации империалистических государств транслируют выступление одного государственного деятеля заокеанской страны. Повернём рукоятку настройки... В эфире шорох, скрежет, обрывки танцозальных мелодий, настойчивых реклам, проповеди смирения с угрозами отлучений и ада... Дальше, дальше! Вот оно!..

– Наша великая миссия заключается в распространении нашей цивилизации, нашей культуры повсюду, невзирая на протесты закоснелых в невежестве народов!.. Да! Должны быть открыты границы и отвергнуты смешные претензии отсталых наций на самостоятельность, когда мы обещаем всем помощь и покровительство...

Пауза. Знакомые слова! Не так уж много лет прошло с того времени, когда проповеди мирового господства, извергаемые бесноватым «фюрером», засоряли эфир. И вот они снова звучат, – на этот раз из-за океана.

Оратор точно жуёт каждое слово, катает его во рту и потом выплёвывает. Он продолжает:

– Да, покровительство, повторяю я, господа! Покровительство! Помощь! Кто от них отказывается, тот или безумец, или злодей! Так не должны ли мы прийти на помощь народам, в том числе и тем из них, которые не в состоянии понять величие нашего сердца? Не должны ли мы освободить их от отвратительных предрассудков самостоятельности, стоящих препятствием на великом пути нашей исторической мировой миссии?

– Бессмысленные разрушения прежних войн оставляли победителям только развалины. Мы же, сметая всё лишнее с нашего пути, должны сохранить истинные ценности, созданные человечеством! Господа! Я презираю и отвергаю варварские способы разрушительных войн! Во имя цивилизации сохраним города, дороги, мосты, заводы, порты и корабли! Сохраним это истинное наследие человеческого гения, созданное до наступления нашей великой эры!

Пауза.

Оратор рычит:

– Мы обязаны устранить все препятствия силой нашего атомного оружия! Мы требуем от наших учёных такого гуманного применения нашей науки, чтобы вместо солдат мы посылали бы в спасённые нами страны только могильщиков для уборки трупов врагов цивилизации, побеждённых нашим оружием! Мы должны разорвать, наконец, железный занавес!

Довольно! Вы что же, господа, думаете встретить опять

простака-африканца, который отдаст вам за жалкие стеклянные бусы свой золотой песок, клыки слонов и шкуры леопардов? Или ваша наглость ждёт повторения встречи с доверчивым индейцем, который пустит двоедушного гостя в просторы сосновых лесов и прерий? Или вновь вам мерещится договор с одуревшим в гареме раджой, который вам продаст свой народ, испугавшись угроз?

Что ж, за последние годы вы немало получили суровых уроков, но вы учитесь плохо! И вы очень отстали. Жизнь движется. Вы же стоите на месте, ловите время за пятки.

Песня о силе тайного оружия – старая песня. Вырос мир, и проснулось сознание народов!

Нет монополий на знания, кончаются монополии на власть и даже ваши атомные пушки и бомбы вам не помогут!

2

...А есть кое-кто и в нашем городе, кто слушает этот отвратительный бред, как и другие подобные ему речи, с немалым удовольствием.

Что же это за люди и где они находятся в такой неожиданной близости к нам?

– Я искренне завидую вам, мистер Лайдл. Вы имели возможность лично слышать его. Я же находился уже здесь. Правда, я не потерял ни одного слова! Чорт побери, это была подлинно историческая речь! Вот это настоящий государ-

ственный ум...

– Да, Смайльби, эта речь оставляет неизгладимое впечатление...

Эта беседа велась в деловом кабинете, в одном из уютных московских особняков, арендованном представителями заокеанской страны. Судя по состоянию пепельниц, наполненных окурками не сигар, а папирос, – ведь русский табак знаменит во всём мире и так легко курятся душистые папиросы, – разговор должен был приближаться к концу.

– Дорогой Лайдл, радиопередача отвлекла нас от основной темы. Могу вас заверить, что я в состоянии выполнить просьбу нашего высокоуважаемого мистера Томаса Макнилла. Повторяю: ему нужен некто – мужчина, техник, образованный, здоровый, внимательный, осторожный, ловкий. Цель – дальняя поездка и точные наблюдения. Такой человек у меня есть.

Говоривший это – хозяин, а Лайдл – гость. Хозяин – тип дельца, которых в далёкой заокеанской стране выдвигают две близкие силы или два способа игры – биржа и выборы. Коренастый, массивные плечи, тяжёлые черты гладко выбритого лица. Много уверенности, много деляческой хватки, много решимости, очень деятелен.

– Но мистер Макнилл пишет, – говорит Лайдл, – что этот, как бы его назвать вам, человек, должен быть на месте непременно в последние дни июля. Остаётся мало времени, а мистер Макнилл сама точность. Ваш человек может опоздать.

– Сегодня его позовут, завтра выезд. Дорога – три дня. Успеет приехать, осмотреться и подготовиться!..

3

...В недалёком прошлом Анатолий Николаевич Заклинкин казался обычным молодым инженером, – человек как человек, не хуже и не лучше других...

Но «казаться» – ещё не значит «быть»!

Нет особой нужды останавливаться на том тёмном и грязном пути, которым шёл в своей презренной жизни этот выродок, «инженер» Заклинкин, выходец из семьи, протащившей из прошлого в настоящее отрывки мещанской изолированности, жадности и себялюбия. Здесь были и растрата общественных денег, и дезертирство из армии, и подделка диплома, и ещё бесконечное число неблагоприятных делишек, а больше всего – мелкого себялюбия, эгоизма, легкомыслия, стремления «хорошо пожить» не работая, лжи и цинизма... Всё это вместе взятое привело Заклинкина к предательству. Он очень легко попал в цепкие лапы иностранной разведки, которая, впрочем, олицетворялась для него в одном «друге-иностранце», весьма щедрым и любезным джентльмене, скрывавшемся, к тому же, под совершенно русским именем инженера Андрея Ивановича Щербиненко.

Со стороны знакомство «инженера» Заклинкина с «инженером» Щербиненко не могло вызывать подозрений. За-

Кликин служил в одной из проектных контор, и Щербиненко довольно часто обращался к нему под предлогом служебных надобностей.

На первом этапе своего знакомства с «инженером» Щербиненко Заклинкин собирал сплетни, анекдоты, слухи и уже научился сам выдумывать то, что, как ему казалось, должно было понравиться любезному и щедрому другу-иностранцу. В общем же, по мнению Заклинкина, всё это чушь, всё это всем известно, – ничего серьёзного!.. У Толечки появились новые костюмы, галстуки, запонки, ботинки. Позволял он себе всё это весьма осторожно, следуя советам своего нового друга.

Мелкими и глупыми, по его мнению, поручениями Заклинкин занимался только первое время. Через полгода он мог бы вспомнить некрасовское «Кому живётся весело, вольготно на Руси», – то именно место, где мужички, сидя у реки на брёвнышках, вынесли свой приговор: «величайший грех – грех иудин». Хотя поэму в школе и проходили, но до Толи Некрасов не «доходил», – учил механически, а зря! Коготок увяз прочно.

– Довольно дурака валять! Время пришло действовать! – сказал однажды Заклинкину его друг-иностранец, но уже другим тоном. – Теперь вы будете делать настоящее дело! – У Заклинкина не было выбора. Пришлось ему с головой окунуться в дела рискованные и опасные. Платить, как назло, стали меньше. Пути назад Заклинкин не нашёл. За полгода

в хозяйских руках накопился архив – пусть из «пустяков», но всё же, как жёрнов, висевший на толиной шее.

Всё это ему очень ясно объяснили в хорошем переводе на русский язык. Разумеется, была всегда открыта дорога покаяния – простой, хоть и тяжкий путь. Заклинкины такого пути не понимают и идти по нему не могут. Анатолий Николаевич Заклинкин привык, осмелел и, под конец, стерпелся, сжился со своей ролью.

4

Вскоре после ухода мистера Лайдла из калитки особняка вышел человек. В заурядном, дешёвом коверкотовом, уже достаточно поношенном костюме, с примелькавшимся портфельчиком, он сразу затерялся в утреннем потоке пешеходов.

Человек этот пошёл по тротуару налево, дождался на углу очень широкой улицы зелёного света, спокойно прошёл по пешеходной дорожке. Не спеша, по всем правилам уличного движения, он взял под прямым углом направо, пересёк вторую широкую улицу и вошёл в вестибюль метро. Через минуту он набирал нужный ему номер в телефонной будке.

– Товарища Заклинкина попросите, пожалуйста... Товарищ Заклинкин? Что-то вы охрипли. Говорит инженер Щербиненко. Есть работёнка... Да, у нас силёнки не хватает... Да, работа срочная... как всегда, платим сразу против счё-

та... Нет, уж вы выручайте... Так подъезжайте к нам... Через часок можете? Ну, пока!

Инженер Щербиненко открыл застеклённую дверь, перед которой успела скопиться очередь из двух женщин и одного мужчины.

– Вот мужчины всегда быстро, а как такая заберётся... – ворчал мужчина в очереди, неодобрительно глядя на входящую в будку женщину, – ...просил, так ни за что не уступит...

Инженер Щербиненко понимающе подмигнул недовольному гражданину, посмотрел на часы, – простенькие, потёртые в карманчике брюк, взял в кассе билет и по эскалатору спустился на платформу. Опять поднялся по другому переходу и вновь опустился. По новым переходам и по эскалатору погрузился совсем глубоко, в нижний этаж.

Как бы растворившись в поспешно кипящей толпе, инженер Щербиненко вновь появился у собирающихся закрыться дверей поезда. Он в последнюю четверть секунды ловко скользнул между соединяемыми пневматикой створками и вжался в плотную массу пассажиров. «На следующей выходите?» – «Выхожу!» – отвечал он.

На следующей станции инженер Щербиненко вышел, слегка задержался, пересёк платформу и поехал в обратном направлении. Так он, незаметно скрываясь в толпе, проделал ещё несколько раз, пока не убедился, что около него никого нет из числа тех, кто его окружал в начале путешествия.

«Часик», тем временем, приближался к концу. Манёвры инженера Щербиненко привели его на пятьдесят восьмой минуте к нужному пункту. Столь же точно лавировал и Заклинкин. Идя по улице с деловым видом, обычным для москвичей, они разговаривали:

– Вы завтра уезжаете!

– Куда?

– В Н-ск и оттуда дальше, в район. В указанной точке пробыть десять дней.

– Не могу!

– Получите задание и деньги.

– Да право же я не могу, Андрей Иванович!

– Не говорите вздора. Сегодня возьмите отпуск без сохранения содержания, завтра выезжайте.

– Да вы на меня посмотрите! Честное слово, я болен... С утра было тридцать восемь. Я и на работу сейчас пришёл только, чтобы передать чертёж. Вы меня случайно застали.

Они вошли в пивную. Пусто. Сели за маленький стол. Инженер Щербиненко молча смотрел на инженера Заклинкина, покачивая головой, пока официант откупоривал бутылки и ставил стаканы.

– Я и пить не могу, – сказал Толя, отставляя недопитый стакан тёмного пива, – во рту противно...

– Вы поедете! – кратко и сухо сказал Щербиненко. Заклинкин посмотрел ему в глаза и больше не спорил. Он должен был ехать.

У Щербиненко другого под рукой не было! Другого подходящего не оказалось! Весьма недлинен был список, легко было проверить его в уме...

Однако Заклинкин был действительно болен и выехал с заметным опозданием.

5

В четырнадцать ноль пять по московскому времени, в первых числах августа, большой пассажирский самолёт, после длинного разгона, уплотняя и разрезая воздух, тяжело поднялся с аэродрома, вскарабкался, мелко дрожа от напряжения, по жёсткой воздушной дороге, под белое лёгкое облачко и энергично стал набирать скорость.

Тридцать два пассажира – один прибыл в последнюю минуту, пять человек команды и полные баки горючего. Ночёвка в Н-ске. Алексей Фёдорович откинулся на спинку мягкого кресла. Жаркий день. Машину болтает. Некоторые пассажиры страдают от морской болезни. Алексей осваивается с лицами. Большинство – командированные. Две женщины. Старшая пассажирка уже успела рассказать, что летит к сыну. Сын командует полком. Она, сразу видно, очень им гордится.

Сосед Алексея, высокий молодой человек лет 28–30, брюнет. Короткие усики, выражение лица любезное, всё время улыбается. Держится несколько развязно и, кажется, лег-

ко переходит на фамильярность. Поболтав с молодой пассажиркой, он предлагает Алексею газету. Алексей Фёдорович благодарит, – да, он сегодня не успел прочесть газету и не взял с собой. Завязывается разговор.

– А вы далёко летите?

– В Н-ск.

– Вообразите, какое совпадение, и я туда же!

Жаркий день, воздушные ямы, болтает.

Алексея Фёдоровича нисколько не интересуется совпадение. Но разговорчивый молодой человек, придравшись к случаю, охотно, хотя его никто не просит, рассказывает о себе всё: где работает, кем, где живёт, сколько ему лет, где учился, когда окончил, у каких профессоров занимался. Всё с подробностями и не особенно интересно.

Алексей Фёдорович вежливо слушает, но не слишком внимательно, а про себя думает: «Молодой человек не очень, кажется, умный, но зато открытый».

Вверх... Вниз... Вверх... Вниз... Болтает...

Работа моторов приглушена двойными стенками плотного корпуса. Слушать и говорить можно без напряжения. Молодой человек, наконец, вспоминает:

– И вот, всё о себе, – позвольте познакомиться, – инженер Заклинкин, Анатолий Николаевич! Я тут прихворнул... Решил провести отпуск в степи, под Н-ском, поправиться. Знаете, – советуют. Никогда не бывал там. Говорят, там природа хорошая и охота мировая. Я хоть липовый охотник, а хочу

пострелять. Там, говорят, уток палками бьют.

Решительно, инженер Заклинкин рассказал о себе всё. Алексей Фёдорович был вынужден тоже назвать себя. Молодой человек пришёл в восторг:

– Как же, значит, сын известного... и сам известный... Кто же не знает?.. Все студенты обожают... Хотя я сам учился в другом институте, но...

Избегая привлекать к себе внимание, скромный и несколько застенчивый, Алексей Фёдорович назвал свою фамилию по необходимости и тихо. Восторги же молодого человека, громко повторившего известное имя, послужили ненужной рекламой.

В стране, где до страсти любят искусство, имя актёра, певца, балерины, писателя иной раз затмевает имя учёного. Но фамилия Фёдора Александровича была, действительно, широко популярна. В этом молодой человек не преувеличивал. В кругу учёных в сыне видели одного из достойных преемников отца.

Недовольный крикливой рекламой, Алексей в душе извиняет молодого человека – искренность подкупает. Узнав, что Алексей Фёдорович летит в Н-ск в связи с болезнью брата, причём упоминается Чистоозерское и Лебяжье, инженер Заклинкин, наконец, кажется, понимает, что так можно и надоест. Он принимается развлекать молодую пассажирку, предоставив своего нового знакомого самому себе и газете.

Мерно работают моторы. Вверх, вниз... Болтает... Гори-

зонт скрывается в сумеречной дымке. Солнце сзади. Оно близко к закату. Вот на земле железнодорожные пути сходятся острым углом. Две колеи с запада и одна с северо-запада. В вершине угла – мост через широкую реку. За мостом длинный город широко раскинулся по берегу.

Вечереет. Самолёт идёт на посадку. Снижается, начинает описывать круг. Крен, ещё крен, выравнивается, – сейчас земля! Алексей Фёдорович думает о телеграмме:

«Николай Сергеевич... был тяжело болен опасность жизни миновала прогноз положительный тчк. Необходим немедленный приезд близкого выяснения причин серьёзной болезни – Станишевский».

Толчок едва заметили. Колёса самолёта уже бегут по земле.

Глава шестая

ПО СЛЕДУ

1

Павел Владиславович Станишевский был человеком весьма настойчивым, энергичным, деятельным. Интересовавшая его проблема не давала ему ни минуты покоя, и он в свою очередь не давал ей покоя, пока не наступало полное удовлетворение его неутомимой любознательности.

Впрочем, Павел Владиславович вносил тот же темп и неукоснительную требовательность и в дела административные подчинённых ему клиник и Н-ского мединститута. Признаться, что он порой тормозил людей больше, чем нужно, и пускался даже на хитрости для достижения цели. Особенную манёвренность он проявлял при наличии сопротивления.

В нарушение основных законов физики его действия нередко превосходили противодействия. В ход шли охваты, клещи, прорыв в тыл и глубокие рейды. Устроив «противнику» – больному, коллеге, местным организациям, министерству – Канны, Павел Владиславович торжествовал и умел так добродушно разоблачить сам свои «интриги», что на него в

большинстве случаев не обижались. Выйдя «победителем», объяснялся начистоту:

– Чувствую себя весьма виноватым. Повинную голову и меч не сечёт. Дело было совсем без движения; теперь, вы сами убедились, – результат отличный! Цель оправдала средства!

Мастерски обыграв «противника», он начинал чувствовать себя виноватым. Отсюда – потребность в излияниях, что далеко не всегда было уместным и нужным.

Недаром справедливо раздражался после очередной «победы» Павла Владиславовича один из его ассистентов, его близкий друг и помощник: «Опять извиняться начнёт, – неисправим!...»

2

Аэродром в Н-ске расположен на левом берегу реки. В сумерках двое прибывших с самолётом пассажиров переправились на речном трамвае в город.

Степная река, бурля водоворотами, несла в низких берегах желтоватую мутную воду. Несмотря на август, вода стояла высоко. Истоки реки питаются на далёком хребте льдами глетчеров, и река сохраняет горный режим в длинной голой степи в зависимости от летнего таяния дальних вечных льдов.

Город на правом берегу – наш обыкновенный город:

несколько высших учебных заведений, десятки средних школ, несколько мощных заводов и сотни предприятий, несколько сот тысяч жителей и ни одного безработного.

Алексей Фёдорович простился со своим случайным знакомым у двери номера новой четырёхэтажной гостиницы. Молодой человек сумел удержаться и не стал расспрашивать Алексея Фёдоровича о его дальнейших планах, что тот отметил про себя: «Не так уж навязчив, каким кажется по первому впечатлению...»

А Заклинкин чувствовал себя, как гончая: ветер случайно приносит смутный, но интересный запах. Собака принюхивается, соображая: а не пойти ли по следу? Толя начал кое-что сопоставлять...

На следующее утро, идя в Н-ский медицинский институт узнать о месте встречи со Станишевским, Алексей Фёдорович видел промелькнувшую на противоположной стороне улицы фигуру инженера Заклинкина.

Швейцар института, внимательно и солидно выслушав Алексея Фёдоровича, сообщил:

– Павел Владиславович у себя наверху. Потом они собираются в клинику. Сейчас они очень заняты. Вы их здесь обождите, они здесь пройдут! – манеры Станишевского влияли и на младший персонал.

Алексей Фёдорович спросил, нет ли возможности доложить, и на вопрос швейцара назвал свою фамилию. Швейцары учебных заведений, хоть и «простые» люди, но они мыс-

лят, читают, рассуждают, как и все наши «простые» люди... Услышав имя, почтенный швейцар тотчас же изменил тон: «Я сейчас доложу», – и бойко пустился по лестнице, потеряв значительную долю своего величия. Алексей Фёдорович шёл за ним. Швейцар стукнул в дверь с надписью «Директор» и, не дожидаясь ответа, открыл её:

– Павел Владиславович, к вам из Москвы...

Услышав фамилию, Станишевский бросил бывшим у него заведующему хозяйством и коменданту зданий «Прошу покорнейше извинить, не имею возможности, окончим потом!..» – был жаркий разговор об ускорении ремонта, – учебный год на носу! – и очутился у двери:

– Алексей Фёдорович! – воскликнул Станишевский.

Надо сказать, что они дважды встречались год назад при посещении группой учёных-медиков литерной лаборатории Института Энергии. – Алексей Фёдорович! Я бесконечно виноват перед вами за причинённое беспокойство! Моя телеграмма мучает меня целые сутки. Я думал, что придет кто-либо из товарищей вашего брата... Если бы я знал, что вы сами приедете... Но я положительно счастлив!

3

Слушая Павла Владиславовича, Алексей Фёдорович улыбался. Они сели. Станишевский продолжал:

– Во-первых, милейший ваш брат, Николай Сергеевич,

здоров, рецидивов не опасаясь. Скоро мы ему позволим возобновить истребление уток, гусей и прочей живности... Вторых – главное. В этом главном прошу извинить мне моё многословие...

Станишевский весьма подробно изложил историю болезни, и Алексей Фёдорович слушал его очень внимательно. В конце длинного сообщения о своих наблюдениях Станишевский резюмировал:

– Чувствую, чувствую, что сейчас перебрасываются мостки между вами, энергетиками, и нами, медиками. Эритроцит не нейтральное тело! В этом проблема! Первая...

Алексей Фёдорович утвердительно кивал головой.

– Да, я читал вашу статью! – сказал он.

– Тогда вы поймёте меня, – продолжал Станишевский. – Передо мной единственный в мире случай молниеносной спонтанной анемии. Целый ряд совершенно пока непонятных явлений! Я уверен, что причина пришла извне. Но как, что вызвало шок, уничтоживший эритроциты? Какое начало действовало в крови? Убеждён, что наш драгоценный Николай Сергеевич может помочь в установлении причины этого явления. Но, увы, мой милейший пациент скрытен и упрям. Молчит!.. Да я бы его... – Станишевский улыбнулся, потом сделал страшное лицо и показал, словно кого-то крепко трясёт за грудь. Алексей Фёдорович кивал головой.

Станишевский продолжал:

– Так вот-с! Силы у меня в Чистоозерском расставлены

так: во-первых, у меня там есть Лидия Николаевна, главный врач. Очень серьёзный человек. На неё я могу положиться, как на каменную гору! Помощница её – одна из лучших моих учениц. Я её туда послал для начала. Считаю, что молодой врач обязан начать на периферии. Научная работа от неё не уйдёт. Так вот, уважаемые коллеги звонят мне каждый день и Павел Владиславович вскочил и развёл руками:

– ...и ничего! Система наводящих вопросов не даёт никаких результатов! Да я с ума сойду! Помогите же мне, Алексей Фёдорович! – Станишевский помолчал, не много успокоился и заговорил снова:

– И, скажу откровенно, повинную голову и меч не сечёт. Посылая вчера телеграмму, именно на вас я и рассчитывал. Если бы вы не приехали, право, не знал бы, что делать! Вы уж меня за потерянное время и труд, во имя науки, извините...

– Помилуйте, Павел Владиславович, что вы! – возразил Алексей Фёдорович. – Отец и я перед вами в неоплатном долгу за вашу заботу. А вы знаете, что только от вас зависит дальнейшая связь с нами! – и Алексей Фёдорович вкратце рассказал Станишевскому об утверждении новой темы в Институте. Выслушав его, Павел Владиславович схватился за голову:

– Боже мой, какие перспективы, какие перспективы! Я просто теряюсь! Но я согласен, согласен! – И он подскочил и схватил за руки своего гостя. – Но вы понимаете, – мечта, мечта! Ещё наш великий Мечников мечтал о победе над

смертью. А теперь мы соединим всё! Союз, синтез! Правильно говорит ваш уважаемый батюшка! Я предчувствовал! Какие пути открываются! Но я слишком взволнован...

Станишевский сел, протёр очки, шумно высморкался и уже спокойно продолжал:

– Я справлюсь. Н-ск я, конечно, не брошу. Здесь у меня есть и смена и замена. Я смогу бывать и здесь и там – у вас. И так будет лучше. Откровенно говоря, Алексей Фёдорович, я во многом склонен чрезмерно опекать свою молодёжь, – не могу иначе, характер такой... А вот насчёт молодёжи у меня к вам сразу будет условие: я кое-кого к вам в Москву переброшу. Вот, к примеру, поинтересуйтесь, в Чистоозерской больнице есть такая девица, из моих учениц. Молодой врач, на стажировке... Да вы её знаете! Вера Георгиевна, – я брал её с собой в Москву и вместе со мной она посетила вашу лабораторию. Рекомендую: умна, скромна и далеко пойдёт. Так неужели не вспомните? Девица видная!

В памяти Алексея Фёдоровича воскрес неясный женский образ. Он ответил:

– Да, да, вспоминаю...

– Но как же нам быть с вашим милейшим и упрямейшим братцем? – вернулся к основной теме Станишевский.

Было решено, что Алексей Фёдорович, не теряя времени, вылетит в Чистоозерское для выяснения всех обстоятельств загадочной болезни Николая. Но с аэродрома Станишевскому ответили, что в связи с уборочной кампанией все само-

лёты с утра ушли в районы и обещали приготовить машину только на завтра.

Алексей Фёдорович проводил Станишевского в клинику. Это совсем близко, можно добраться пешком. Павел Владиславович пригласил своего дорогого гостя к себе отобедать.

4

Чтобы дать отцу телеграмму, Алексей Фёдорович зашёл на телеграф, расположенный на большой площади, окружённой высокими домами. «Приём телеграмм». За стеклом – очень серьёзная молодая женщина в синем кителе. Она взяла «молнию» Алексея Фёдоровича, деловито подсчитала слова, назвала сумму и начала выписывать квитанцию.

Внезапно твёрдые буквы, выходявшие из-под карандаша, остановились... Женщина вновь прочла телеграмму, и вдруг исчезла вся её серьёзность, и на Алексея Фёдоровича, приветливо улыбаясь, смотрела голубоглазая светловолосая девушка.

– Может быть, вы хотите вызвать Москву по телефону?

– Но днём это трудно, провода заняты правительственными и служебными переговорами, придётся ждать до ночи, а молния дойдёт, вероятно, через час.

– Вам, наверно, будет приятнее поговорить лично. Одну минутку...

Маленькая рука поднимает трубку телефона: – Дайте пя-

тый... здесь товарищ... (следует фамилия). Да! Да! (Она повторяет фамилию). Можно дать ему сейчас Москву?.. – и, обращаясь к Алексею Фёдоровичу: – Пожалуйста, пройдите из зала направо и на второй этаж. С площадки дверь прямо. – Я очень благодарен.

Голубые глаза провожают Алексея Фёдоровича. «Так вот они какие... Это же сын! А я-то не сразу... Похож на отца, только нет усов. Такой простой...»

Любят учёных в нашей стране!

...Обед у Станишевского прошёл в мирной домашней обстановке.

Павел Владиславович не был обижен семейным счастьем, женой – верной подругой – и удавшимися детьми. Он, будучи доволен своим пациентом, иногда опрашивал: «женаты?» или «замужем?» Получив отрицательный ответ, доктор серьёзно шутил: «Напрасно, могу прописать, – средство мною лично проверено».

Вечером у входа в гостиницу Алексей Фёдорович встретил инженера Заклинкина. Довольный проведённым днём, – действовали и отдых и перемена обстановки, – Алексей Фёдорович сам пригласил молодого человека выпить вместе чаю. За столом с обычной откровенностью – душа нараспашку, весь на виду, – молодой человек рассказал о своих делах. Был везде, всё узнал, – самый лучший район Чистоозерский, замечательные места, озёра, камыши, масса дичи, особенно в селе Лебяжьем. Решил ехать туда. Уже узнал, что отсюда

в Чистоозерское автобусы ходят ежедневно. А там до Лебяжьего тоже можно доехать без большого труда. Правда, до Чистоозерского придётся ехать больше суток с ночёвкой в дороге. Но он посмотрит природу. Алексей Фёдорович сказал, что завтра тоже едет в Чистоозерское:

– Да, я вспоминаю, вы говорили, что у вас там брат заболел!.. Что же с ним было?

– Точно ещё не установлено...

– Вот что, – давайте вместе устроимся на одну машину. Я похлопочу...

– Благодарю, я лечу...

– Так, значит, встретимся там! – Пауза.

Алексею Фёдоровичу стало немного неловко. И он сам предлагает:

– Самолёт двухместный, хотите лететь со мной?

Молодой человек рассыпался в благодарности. Конечно, конечно, – это так замечательно! Природу он увидит сверху. Конечно, расходы пополам, – он лезет за бумажником.

Алексей Фёдорович отклоняет его предложение, молодой человек настаивает. Алексей Фёдорович твёрд...

Хорошо на душе у Алексея Фёдоровича! Чарует его незнакомое небо. Смотрит он с маленького балкончика, не зажигая света в своём номере, на золотые полосы падающих звёзд в тёмном высоком небе...

Запершись в своём номере, молодой инженер Анатолий Николаевич Заклинкин стал готовиться в путь. Нужно всё привести в порядок. Он вешает на стул пиджак и ставит его спинкой к двери, чтобы через замочную скважину комната не была видна.

Сама дверь добротная, без щелей. Стены осмотрены. Окно находящегося в третьем этаже номера выходит во двор и против него – часть корпуса гостиницы, построенной в форме буквы «П». Оттуда с помощью бинокля можно увидеть ярко освещённую внутренность номера. Здесь должна помочь занавеска... Затем Толя раздевается, расстилает постель, ложится на неё, мнёт подушку и ерошит волосы на голове.

Нужно всё предвидеть. Проведённая подготовка позволит замедлить, ссылаясь, в случае чего, на крепкий сон, открытие двери на добрую минуту, а минута – это много!.. Теперь можно действовать.

Вот карта области. Старая – названия с твёрдыми знаками и ятями, масштаб в вёрстах и в дюймах – 1: 42000. В отношении дорог, лесов и населённых пунктов старая карта может подвести, – за половину столетия произошло столько перемен! Но Чистоозерское и Лебяжье на карте обозначены.

К югу от Лебяжьего, приблизительно в восьми верстах, –

в километрах будет почти то же, – лежит неправильной формы синее пятнышко, обведённое тонкой чёрной чертой. Оно одиноко. У Лебяжьего тоже есть озеро, поменьше. К северу, ближе к Чистоозерскому, показано ещё несколько озёр.

У одинокого степного южного озера слегка намечена карандашом птичка. Это озеро отвечает координатам, указанным в записке Макнилла, – в градусах, минутах и секундах восточной долготы и северной широты.

Отметка сделана Заклинкиным для памяти по указанию Щербиненко. Координаты, переданные из замка на Рейне, были предназначены только для инженера Щербиненко. Заклинкин всматривается, запоминает. Птичка больше не нужна. Он аккуратно стирает её мягкой резинкой. На свет ничего не видно. Нужно в этом месте карту немного смять, потом расправить. Вот так, – теперь никакой глаз ничего не сможет заметить, даже в лупу. Нужно проверить и усвоить задание. Оно записано в самых различных местах: в записной книжке с адресами и телефонами, в романе, взятом на дорогу, даже на обложке паспорта, в воинском и в профсоюзном билетах. Шифра нет, но, не зная порядка, собрать все отметки, не привлекающие каждая в отдельности никакого внимания, невозможно. Правда, для этого способа шифровки нужна память, но у Заклинкина она есть, и весьма неплохая. Теперь задание нужно собрать. Заклинкин берёт листок папиросной бумаги – его можно сразу разжевать и проглотить. Мелко, красивым почерком (он мастер писать на чер-

тежах) он записывает всё нужное и запоминает. Быть охотником; связь с населением; на озере в такие-то ночи августа быть только одному; при освещении – отходить, ничего не записывать... Особо отмечать болезни, внезапные смерти, всё очень кратко...

Заклинкин легко заучивает всё наизусть – память совершенно необходимое качество! Проверив себя, он сжигает бумажку над раковиной умывальника, разминает пепел и открывает кран. Потом резинка проходит по отдельным словам, записанным раньше.

Заклинкин многое узнал от Щербиненко. Учитель поработал над учеником немало. Заклинкин прошёл дополнительную школу с большими успехами. Шпион должен быть готов ко всему и поступать обдуманно – тогда он неуязвим. Нужно держаться попроще, болтать, – молчальники подозрительны, – но не выбалтываться, не доверять случаю, а создавать его.

Приготовлены вещи – ружьё с сотней патронов, плавательный резиновый охотничий костюм (по специальной инструкции Щербиненко), небольшой чемодан.

Заклинкин ложится и засыпает сном праведника. Ещё бы, всё идёт так успешно! Он явится на место действия как знакомый Алексея Фёдоровича! Какая маскировка! А ведь за успех обещана круглая сумма...

...Рано утром шофёр Станишевского отвёз Алексея Фёдоровича и его спутника на аэродром. До Чистоозерского

всего 350 километров. По местным масштабам это совсем короткое расстояние.

Просторны наши степи!..

Глава седьмая

ПОДЗЕМНЫЙ ЗАВОД ВЫПУСКАЕТ ПРОДУКЦИЮ

1

Экран, расположенный в «небесной пушке», был передней стенкой кубического сооружения, на которое опиралась труба телескопа. Сейчас перед Форрингтоном отражалась на экране небольшая часть лунной поверхности, уменьшенная в три-четыре раза. Выбор масштаба зависел от воли оператора. Было возможно увеличение в два раза против натуральных размеров предметов, находящихся на Луне.

Необычайно большая длина телескопа, достигшая почти ста двадцати метров, и его гигантский диаметр сочетались с установкой серии огромных линз. Применённые для изготовления линз сорта стекла обеспечили однородность линз и постоянство формы. Это дало возможность осуществить увеличения, о которых могли только мечтать астрономы начала XX века.

Система постепенного и планового включения линз в определённом порядке создавала равномерное, но для человеческого глаза стремительное увеличение обозреваемого

предмета и вызывала у наблюдателя ощущение полёта.

Развивая основные принципы радиолокации и пользуясь освобождаемой энергией новых полученных веществ большого атомного веса, Макнилл и Хаггер одновременно с теле-скопом вводили в действие устройство, напоминающее колоссальный циклотрон. Его можно было бы назвать и атомным «глазом». На подземном заводе это устройство кратко обозначалось литерой «Л» (начальной буквой слова «люкс» – свет). «Л» вызывался к действию последовательным возбуждением и включением нескольких тысяч магнитных полей. Подхватываемые ими атомы нового вещества приобрели скорости, приближающиеся к скорости света, то есть близкие к трёмстам тысячам километров в секунду. Пройдя трубу «Л», частицы вещества образовывали поток света. Характер образования и направленность потока придавали ему свойства струи. Находящиеся в пространстве мелкие частицы материи, например пыли, обтекались потоком, не нарушая его единства. Достигнув препятствия, поток этой световой энергии нового вида ярко его освещал и отражался от него под углом своего падения подобно брошенному твёрдому телу. Но этим ограничивается сходство с брошенным телом. Поток «Л», выходя из «небесной пушки», организовывался в поток световой энергии. Он не только прикасался к препятствию, но и «освещал» его. Иначе говоря, устанавливался контакт между источником и препятствием.

Для уяснения этого простого явления следует вспомнить,

что мы вообще «видим» только вследствие того, что освещаемый предмет отбрасывает свет. Следовательно, между источником света и освещаемым предметом образуется контакт в форме «луча» света.

Обладавший огромной энергией, поток «Л» пересекал космическое пространство, почти не теряя своей силы. Отражённый каким-либо препятствием, он был способен нестись в безбрежном пространстве до новой встречи с небесным телом. Некоторая же доля этого замечательного потока возвращалась в виде «эхо» обратно и могла быть принята передающей станцией.

Благодаря огромной интенсивности потока и незначительному рассеиванию замок на Рейне принимал эхо-сигналы не только от первого препятствия, но и от второго. Луч, посланный с Земли в направлении Луны, отражался от неё на Землю и, отражённый Землёй, вновь проделывал обратный путь и мог быть принят замком.

Потери энергии компенсировались непрерывным действием источника.

Для уяснения действия потока «Л» представьте себе, что в наглухо замкнутой трубе, имеющей несколько изгибов, находится вода.

Заставьте поршень вибрировать: в воде возникает волна, несущая энергию. Пробежав извилистый путь в воде, уклоняясь от прямолинейного движения в изгибах, отразившись от препятствия в конце трубы, эта волна вернётся к поршню,

неся с собой энергию, пославшую её вперёд несколько мгновений назад.

Конечно, в действительности явление в потоке «Л» не происходило по такой простой схеме, но механическая модель, устроенная в лаборатории Хаггера, именно таким образом объясняла действие потока «Л». Макнилл и Хаггер установили отдельные качественные и количественные изменения в потоке «Л» и выработали систему его использования. Этого было достаточно для их непосредственных целей. Глубокое исследование природы явления было делом будущего.

Использовать практически это открытие, оставаясь в земных пределах, было невозможно. Для потока нужен был трамплин, подвешенный высоко над Землёй. Мысль использовать для этой цели Луну напрашивалась сама собой. Длительное и тщательное исследование лунной поверхности позволило Макниллу и Хаггеру создать карту обращённой к Земле части Луны. Громоздкая машина управляла демонстрациями нужных частей карты, общая площадь которой составляла один квадратный километр – один миллион квадратных метров. Таким образом, была произведена подробнейшая топографическая съёмка земного спутника. Луна была изучена едва ли не лучше, чем Земля. Пользуясь этой картой, можно было найти любые трамплины для прыжка потока «Л» на Землю. Однако при близком нахождении цели от замка практически сложные вычисления требовали большого времени. Дальнобойная «небесная пушка»

была неповоротлива в «ближнем бою». Географически удобно было оперировать в районах Центральной и Южной Африки, в странах Восточной Европы и Азии.

Беседуя с сэром Артуром на верхней платформе башни, Томас Макнилл преследовал одну скрытую цель: увлечь Форрингтона грандиозностью работы, – испытанный способ завладеть вниманием и использовать знания учёного. Какие-либо предварительные объяснения могли бы только ослабить впечатление. Поэтому-то Макнилл и сказал лишь об удачной работе предыдущей ночи, хотя эта работа и не была, как это будет видно ниже, вполне удачной.

На самом же деле опыты производились уже более двух лет. Испытывая «небесную пушку», Макнилл и Хаггер своим лучом побывали на вершинах Кавказа, на Памире, в пустынях Центральной Азии и во внешних районах Китая. Почему был избран восточный сектор, а не южный? Нежелание иметь свидетелей в населённых местах, так как луч «Л» был виден с Земли, заставляло исследователей выбирать пустынные районы? Их немало и в Африке. Возможно, что опыты имели определённую направленность! Так или иначе, в замке было много плёнок с точнейшими подробностями отдельных малоизвестных областей.

2

Не руководила ли Макниллом и Хаггером благородная

любовь к человечеству? Не хотели ли они сберечь тяжкий труд топографов, изнашивающих в летнем зное за мензуральной съёмкой? Может быть, вам приходилось видеть, как под беспощадным солнцем, со скрипящей пылью на зубах, с облупленными носами, в дочерна пропотевших грязных рубашках ходят люди от зари до зари по степи, измеряя цепью каждую морщинку лица матушки нашей земли?..

Нет, у мистера Макнилла были другие цели, и не просто, не случайно была избрана опорная точка на Рейне, то есть в восточном полушарии, а не в западном!

Сложный мир подземного завода готовил и другие заряды для «небесной пушки». Прекрасное орудие для рук исследователя земных и небесных тел и поверхностей, поток «Л» был не одинок. Существовал ещё один поток, названный потоком «М». Иной по действию, хотя и родственный по принципу, этот поток мог выбрасываться параллельно потоку «Л» по своему особому каналу.

Поток «М» так же был способен отражаться от препятствия, как и «Л». В сущности, он мог быть уподоблен жидкости, выбрасываемой из трубы, имеющей выход. Поэтому поток «М» отражался от препятствий, следуя общему закону, уходил в мировое пространство и, вероятно, в конце концов рассеивался, израсходовав полученную им при выбрасывании из «небесной пушки» энергию. И это было хорошо для его творцов, так как «М» на своём пути производил особое действие...

Собственно говоря, чисто научная сторона этого потока была ещё меньше выяснена, чем в потоке «Л». Но поток «Л» был вполне освоен технически, чего не было с потоком «М». Из свойств «М» только одно было хорошо известно – самое его ценное свойство, с точки зрения Макнилла и Хаггера.

В лабораторных масштабах в недрах подземного завода результаты были всегда одинаковы – «М» неотвратимо губительно действовал на малых животных. Это заставляло стремиться перейти к масштабам реального применения. Но, уходя в межпланетное пространство, поток «М» иногда оказывался чувствительным к каким-то посторонним влияниям. При абсолютно одинаковых условиях своего образования и выбрасывания поток «М» порой терял одно своё важное свойство. Космос действовал на него не всегда одинаково. В этом-то и заключалась загадка – равные, казалось, причины не давали равных следствий. Когда Макнилл и Хаггер, впервые оперируя в районе Хан-Тенгри в Гималаях, заметили отсутствие губительного действия «М», проверенного за день до того на окраинах Гоби, они хотели приписать это особым действиям почвы, горных пород, словом, особенностям района. Но на следующий день «М» в том же месте действовал успешно.

После многих опытов хозяева подземного завода убедились в том, что они бессильны объяснить непостоянство потока «М». Массовое проведение опытов в населённых районах с установлением контроля и даже в ненаселённых райо-

нах интересующих их областей Восточной Европы и Передней Азии было невозможно. Необходимо было хранить всё в полном секрете. Понимая, что наука идёт фронтом, Макнилл и Хаггер, боясь чужих успехов, работали с редким напряжением.

Итак, подземный завод гарантировал себе безопасность надёжными способами. Исходное действующее вещество, включаясь в ничтожных, по отношению к отрезкам времени, количествах, устремлялось с такой скоростью, что опасный момент образования энергии происходил в значительном удалении от источника.

Правда, такой эксперт, как Форрингтон, мог бы упрекнуть руководителей подземного завода в очень серьёзном грехе: обеспечив себе безопасность, они резко ограничили применение великой силы. Всё многообразие её возможного использования на земле в мирных началах было ими категорически отвергнуто. Ведь перед Макниллом и Хаггером стояла совершенно определённая цель...

3

«Макнилл и сыновья» и «Нью Мэкнилл» вложили крупные средства в замок на Рейне. Но эти суммы были лишь незначительной частью общих затрат. Всё предприятие в целом финансировалось группой магнатов капитала, совершенно тайным концерном королей промышленности и бан-

ков. Членами концерна были представители монополистического капитала двух стран, говорящих на одном языке. Предварительная организация концерна произошла в марте рокового для третьего рейха четвёртого года второй мировой войны. За год до конца войны концерн был создан и начал действовать. Захватив замок на Рейне, тайный концерн твёрдо поставил ногу на Европейский материк. После оккупации западной части территории побеждённого гитлеровского государства концерн взял под контроль восемьдесят семь заводов, чем окончательно утвердился на континенте. Своеобразный фильтр «процедил» германских учёных, в результате чего на «сетке» всё-таки осталась группа научных работников во главе с Отто Хаггером.

Замок на Рейне, как и подобает хищному рыцарскому гнезду, впитывал и переваривал соки обширной периферии. Первичная обработка всех нужных веществ, обработка деталей машин и приспособлений была делом ста девяноста двух заводов, принадлежащих заправилам концерна – в Европе и на западном континенте. Подземный завод завершал общую работу, которая распределялась таким образом, что ни один завод, ни даже группа их не могла отдать себе отчёта в целом. Даже Кювье, восстановивший по нескольким обломкам древних костей образ древнего ящера, оказался бы здесь бессилён.

Только замок на Рейне мог осуществить синтез и Макнилл мог добиться успеха концерна! Он не только обладал

знаниями и организаторским талантом. Он был глубоко уверен в правильности пути, избранного «его» Западом.

Томас Макнилл относился с молчаливой брезгливостью к грубой рекламе национального превосходства немцев. Не потому, что он пренебрежительно относился к немцам вообще. Нет, среди них было много дельных людей. Но Гитлер представлялся ему дурно воспитанным человеком, чем-то вроде наглого коммивояжёра, укравшего идею чужой фирмы и выдающего её за свою собственность. Нет, подлинная раса господ – это та, к которой принадлежит он, Томас Макнилл! Ему и его соотечественникам это всегда было известно. И они всегда себя так и вели. Они приходили в чужие страны и управляли ими. Они заселили чужой западный континент и овладели им. Они всегда были глубоко уверены в своём превосходстве над другими народами.

4

В месяцы, предшествовавшие приезду Форрингтона, Макнилл и Хаггер подвели итоги длительного, упорного труда. Сделано было многое. Затраченные на это дело колоссальные средства с общей точки зрения могли быть оправданы хотя бы одним потоком «Л». Но не он был целью концерна. «Л» был только средством, а целью был «М». Однако этот мощный поток оказался, как уже говорилось, весьма загадочным.

Во-первых, он действовал бесспорно смертельно только на мелких животных. Во-вторых, отражаясь на земную поверхность, поток «М» действовал в радиусе около ста пятидесяти метров, что также было незначительным. Но, главное, – это непостоянство его действия! Вот в чём вопрос. Непостоянство! Ведь оружие, действующее по своему капризу, а не по воле бойца, оружие, способное внезапно отказать, – очень опасное оружие для его владельца!

Хаггер убеждал Макнилла, что если увеличить в несколько десятков раз количество энергии в потоке «М», то действие его будет бесспорно смертельным для всего живого. Тем же способом можно добиться и увеличения радиуса поражаемого поля. Подобные опыты не могли быть проделаны в лаборатории, но расчёты говорили в пользу Хаггера.

Что же касается непостоянства действия, то здесь, естественно, был тупик. Никакие расчёты и умозаключения не могли объяснить капризы «М». Совершенно очевидно было лишь то, что иногда «М» встречал какое-то препятствие. Препятствие в мало ещё изученном космическом пространстве само по себе могло бы быть преодолимым. Но это препятствие «М» встречал не всегда и без какой-либо последовательности. Влияние космоса? Незамечаемые неточности в аппаратуре? Все предположения были взвешены, всё было изучено и проверено, но ответа не было найдено.

В ночь перед приездом Форрингтона «Л» показал степное озеро, а «М» был бессилён поразить двух людей на нём.

Сэр Артур Форрингтон был нужен в замке на Рейне. Кто, кроме него, мог помочь Хаггеру и Макниллу? Только старый Форрингтон, как говорил Томас Макнилл, способен сделать поток «Л» невидимым, а поток «М» безусловно действенным.

– А если он не сможет помочь нам? – спросил Макнилла Хаггер за день до приезда сэра Артура.

– Тогда мы должны будем помочь себе сами!

5

Сэр Артур смотрел на жёлтые мёртвые скалы Эратосфена. Короткие пояснения Макнилла заняли не более двух минут. Форрингтон, как и обычно, не прерывал его вопросами. Затем «небесная пушка» сделала новый прыжок, и «Л» принял на экран отражение Земли. Сэр Артур как бы повис в воздухе над ночной гладью обрамлённой камышами воды. Застрекотал киноаппарат, производивший съёмку. По-прежнему без перерыва, где-то очень далеко, металлический голос глухо тянул: «оум, оум, оум...» Контрольные аппараты тикали... Пушка чуть заметно вибрировала... Экран показывал мельчайшие детали. Озеро не было пустынным. Вот человек... Ни одно его движение не ускользало от трёх пар внимательных глаз, наблюдавших за экраном.

Когда человек достал записную книжку и вечное перо, Хаггер нарушил молчание:

– Это может оказаться опасным, – слышался его холодный, жёсткий голос.

Макнилл положил руки на клавиши пульта управления пушкой. Он не торопился. Нужно было подумать, – не тот ли это наблюдатель, который должен был быть ещё вчера на озере? Если это так, то почему же у него в руках книжка и перо? Составление записей не входило в данную ему инструкцию. Это не он! Макнилл сделал движение, и клавиши послали приказ...

Уши присутствующих, уже привыкшие к обычным здесь звукам, уловили новую, очень низкую и очень глухую ноту. Заговорил «М». Нота звучала негромко, новый звук не помешал бы человеческому голосу, но он вызывал необъяснимо томительное ощущение. Казалось, что этот потусторонний голос уходит, натягивая эластичную нить.

И почему-то казалось, что сейчас нить растянется до предела, лопнет и тогда что-то случится. Но нить не рвалась.

«М» мчался в пространстве.

Теперь слух различал двойную ноту. Это был ни с чем не сравнимый звук, основной, низкий тон которого сопровождался как бы бегством чего-то звенящего. Рейнский замок занёс копьё над головой ничего не подозревавшего человека, этот человек с усилием сунул книжку в карман, выронил перо и откинулся назад... На этот раз «М» проявлял свою силу. Не успел Макнилл этого подумать, как Форрингтон вскочил:

– Прекратите! Как вы смеете на моих глазах... – Он зады-

хался. Сэр Артур понимал всё без объяснений. Поток «М» был обозначен этой буквой, потому что ею начиналось латинское слово *mors* – смерть!

Крик Форрингтона вызвал смятение среди белых халатов. Подвешенные на гибких сочленениях площадки управления закачались и среди машин скользнули лучи света. Это были отблески ламп из-под плотных абажуров. Но никто не произнёс ни слова.

Показалось, что нить, державшая низкий голос «М», оборвалась. Металлическое горло, тянувшее «оум, оум, оум», тоже умолкло. Было слышно только тиканье контрольных приборов и слабый, треск киноаппарата. Резко пахло озоном. Экран погас... Замок вернулся на своё место на Рейне. Зажёгся свет. Вновь пол пошёл вниз, труба двинулась вверх. «Небесная пушка» приняла вертикальное положение, нацеливаясь в зенит, в неведомые глубины мирового пространства.

Сэр Артур стоял. Он казался совершенно спокойным. Ни к кому не обращаясь, он сказал:

– Я хочу уйти отсюда.

Форрингтон смотрел на ослепший экран. Один из белых халатов занял место Макнилла. Открыли дверь. Она сообщалась с выходом, ведущим во двор замка. Макнилл шёл впереди, показывая дорогу. Отто Хаггер шёл сзади. Он, казалось, сделался ещё старше, спина сутулилась ещё больше. Он шёл, выставив немного вперёд длинные тяжёлые руки.

Сухие, жёсткие, согнутые пальцы с пучками волос напоминали когти.

Чуть ущербная, очень яркая луна освещала двор замка. Толстая чёрная тень «небесной пушки» рассекала двор, взбиралась по стене и исчезала в пространстве между зубцами. Вот тень побежала вниз, спустилась во двор, сократилась, исчезла. Замок втянул в себя своё жало!

Три тени шли ко входу в башню. Две первые сливались в менявшее форму пятно. За ними на ровных гладких, вытертых столетиями каменных плитах плыл чёрный абрис громадной гориллы.

У дверей башни Макнилл Предложил Форрингтону:

– Позвольте, сэр, проводить вас в спальню.

– Нет, поднимемся наверх, я хочу поговорить с вами. И с вами, – сэр Артур обернулся к Хаггеру.

Чёрный солдат открыл им дверцу лифта на верхней платформе башни.

Три тени вышли на плаформу. Вдали старый Рейн тихонько ворчал во сне. Неподвижно стояли ряды фонарей на аэродроме. Луна, идя к закату, спокойно озаряла одно из самых красивых мест в Западной Европе. Древний, сухой камень Эратосфена был очень далеко. Наступал час глубокого пред-рассветного сна.

Глава восьмая

В ЗАПАДНЕ

1

Слишком длительна, слишком продуктивна была связь между Макниллами и Форрингтоном, чтобы фирма легко могла расстаться с ним – одной из своих главнейших научных опор.

Макниллы терпеливо сносили учащавшиеся у сэра Артура за последнее время вспышки дурного настроения, недовольства: «Чужачество возрастает с годами, старость всегда капризна».

Поэтому доходившие до Томаса Макнилла сведения о «выходках» Форрингтона, выражавшиеся в недовольстве направлением работ комиссии двух стран, понимались им поделовому.

«Нужно по-настоящему занять его. Там слишком много разговаривают. А в раздражении сэр Артур говорит вздор о вещах, в которых ничего не понимает...»

Однако острые внутренние противоречия на самом деле раздирали комиссию учёных двух стран, работавшую по поручению правительства над величайшей проблемой XX ве-

ка.

В инкубаторе, где дозревали два яйца для убийства одним ударом тысячи жителей двух японских городов, споров не было.

«Мы молились об успехе и нам нужно было спешить!» – так писал впоследствии один из этих учёных.

Нужно! Умиравший третий райх тоже что-то готовил и мог быть страшным для островной империи даже в последних судорогах агонии!

Но райх был разбит чужими руками, а атомные бомбы отправились в Японию, чтобы положить начало атомной дипломатии: «Бойтесь все!»

И работы продолжались. Некоторые учёные, позабыв, что подобные слова повторялись много раз и при изобретении скорострельных пушек, и автоматического оружия, и многих других орудий истребления, говорили:

«Сама разрушительная сила атомного оружия исключит возможность войны!»

Но разочарование Форрингтона росло, тем более что голоса демократического мира стали так громки, что начали проникать через тяжёлую стену, сложенную временем из случайно, в сущности бессистемно накопленных убеждений.

Подоспели и примеры, многозначительно поданные двумя коллегами учёного, которые открыто присоединили свои голоса к голосу мира, звучащему с Востока.

Эти двое не были пришельцами в науке и не были «поли-

тиками» в том смысле, как теперь Форрингтон понимал это слово.

Сэр Артур начал интересоваться прессой и выбор газет, которыми он интересовался теперь, удивил бы его самого несколько лет назад. Кто бы мог поверить, что, читая, например, последние выступления представителя России на Ассамблее наций, сэр Форрингтон одобрительно будет кивать головой?

Раздражительность старого учёного увеличивалась. Вспышки его гнева беспричинно падали на голову первого встречного. Пропадал интерес к делу, и пропадал незаметно для самого Форрингтона.

Завершающий скандал случился совсем неожиданно. Всем показалось, что без внешнего повода сэр Артур обрушился на нелюбимые им военные мундиры непрременных членов комиссии двух стран. В ответ на вполне вежливые упрёки в медлительности Форрингтон вспыхнул:

– Мы достаточно дали вам брони, пушек, ружей, самолётов, взрывчатых веществ! Научитесь обращаться с ними. Для наших голов этого достаточно. Отвяжитесь от нас! Вы никому не даёте ни жить, ни работать!

Произошёл резкий обмен мнений в форме, отнюдь не привычной для корректных членов комиссии. Сэр Артур не только кричал и бранился, но, казалось, потерял голову. Так был объяснён его совершенно недопустимый выкрик:

– Нужно протянуть руку русским и работать с ними!

А вечером этого дня сэр Артур получил каблогранму из Европы. Томас Макнилл настоятельно просил его посетить замок на Рейне, где Форрингтон не был ещё ни разу.

Форрингтон немедленно сел в экспресс, доставивший его к концу ночи на берег Атлантического океана. Утром он был на аэродроме «Трансатлантик».

В пути стариком не было сказано ни слова, если не считать «К чорту!», брошенного им предложившему кофе стюарту.

Неожиданный туман задержал сэра Артура на острове на два дня.

2

Да, здесь, на этой высокой башне, дышалось свободнее...

– Зачем вы звали меня сюда, Томас? Чтобы показать мне, как вы убиваете невинных людей и чтобы сделать меня соучастником убийства?

Форрингтон задал эти вопросы резким тоном, он почти кричал.

– Ради бога, сэр Артур, прошу вас успокоиться. Тот неосторожный, которого мы видели, не рискует потерять жизнь. Упадок сил, болезненное состояние в течение нескольких дней... Если бы я думал, что вы так отнесётесь к этому...

Томас Макнилл нервно сжимал и разжимал пальцы.

– Господин Хаггер охотно подтвердит вам мои слова.

Скрипучий голос Хаггер а пришёл на помощь:

– Дорогой друг и коллега, мистер Томас и я, мы очень сожалеем, что не предупредили вас. Но даже если бы этому ничтожному человеку и угрожала серьёзная опасность, что из этого следует? Он так далёк и чужд нам и, наверно, враждебен! Величие поставленных перед наукой задач оправдывало в глазах людей науки и не такие жертвы. Разве не бросали жестокие упрёки тем, кто впервые решался погрузить нож хирурга в живое тело? Разве ещё недавно не запрещалось, во вред истинному знанию, производить опыты над животными? Разве не мешала невежественная, сентиментальная толпа, можно сказать, ещё вчера нашим коллегам-учёным бороться за благо людей, для чего порой требовались временные страдания бессмысленных животных? И теперь законы великого западного континента, гражданином которого сейчас я являюсь, позволяют производить опыты над приговорёнными к смерти преступниками! Я и мистер Томас знаем, что этому чужому и враждебному нам человеку не причинён серьёзный ущерб. Но если бы это и было так? Тем более, это там, на Востоке, с его многочисленным низким населением. Дорогой сэръ Артур! Нам, людям науки, позволено больше, чем обычным людям!

Произнося слова очень медленно, Отто Юлиус Хаггер выпрямился во весь рост. В его голосе была твёрдая уверенность в своей правоте. Он явно не понимал, что можно думать иначе. Томас Макнилл, найдя сильную поддержку,

быстро справился со своим волнением.

Форрингтон сел. В ночной тишине были ясно слышны нарастающий грохот и свисток экспресса, промчавшегося по виадуксу. Луна серебрила высокую башню и платформу. Бледные лучи её подчёркивали решительное выражение лиц.

Форрингтон, казалось, успокоился.

– Хорошо, я не сделаю вывода, пока не пойму всего. Зачем вы так настойчиво вызывали меня, Томас?

– Я сейчас повторяю свою просьбу. Вам следует отдохнуть. Не лучше ли нам отложить разговор до утра?

– Нет! Теперь! – Фигура Форрингтона выражала решимость. Каждое слово он подтверждал упрямым кивком головы.

Томас Макнилл видел, что Форрингтон находится в состоянии высшей степени упрямства. В таких случаях оставалось только делать вид, что воля сэра Артура исполняется. Поэтому Макнилл продолжал:

– Как вы могли убедиться, мы с господином Хаггером проделали большую работу, но она ещё не закончена. Точнее, мы не добились проявления тех свойств, которые нам нужны. Во-первых, нам не удаётся сделать тот поток энергии, который мы называем Люксом, неощутимым для сетчатки человеческого глаза. Нам нужна та часть спектра, которая невидима для человеческого глаза, но видима фотопластинкой. Таким образом, наш отлично действующий и управляемый «Л» – только промежуточная стадия. Ваша по-

мощь, сэра Артур, может обеспечить наше движение в нужном направлении.

Макнилл подождал, но Форрингтон молчал.

– Вам не угодно будет, сэра?..

– Продолжайте, Томас!

– Я кончил!

– Вы сказали – во-первых! А во-вторых?

– Но разве этот вопрос сам по себе недостаточно интересен, сэра? Я не сомневаюсь, что всё ближайшее время...

– А что во-вторых? – перебил Форрингтон.

Действительно, сэром Артуром овладел припадок упрямства. Сейчас он мог слушать только то, что хотел услышать.

– Во-вторых, сэра Артур, это то, что мы называем «М». Он недостаточен. Как бы сказать... – Томас Макнилл подыскивал слова – ...его действие... его действие... не стремительно и не решительно... его действие непостоянно и ограничено...

– Скажите прямо, – перебил его Форрингтон, – он недостаточно быстро убивает.

– Да...

– Хорошо, это во-вторых. А в-третьих?

– Это всё, сэра Артур!

– Всё? Только? Это немного!

– Уверяю вас, сэра, что разрешение этих задач есть величайшая проблема века!

– Величайшая проблема, мой дорогой друг! – откликнулся

ся Отто Юлиус Хаггер. Он сидел в напряжённой позе, прямо, не касаясь спинки стула. Форрингтон пристально посмотрел на старого немца, очень похожего сейчас на мумию, вставшую из гроба.

– Величайшая? Почему? Видеть на расстоянии, не будучи видимым? Убивать на расстоянии, оставаясь неизвестным? В чём же тут величайшая проблема?

– Разве мы не стремимся обеспечить Западу раз и навсегда его место? – горячо отозвался Макнилл. Пришло время, когда необходимо раз и навсегда подчинить мир единой цивилизованной воле. Для этого нужно новое оружие цивилизации!

– Я вас понимаю, Томас. Но здесь больше политики, чем науки. Все последние годы меня оглушают подобными речами. Ещё только вчера... А что думает господин Хаггер?

– Я согласен с вами, мой дорогой и уважаемый друг. Политика – не занятие для учёных. Испытания, пережитые мной и моим народом, заставили меня многое обдумать и понять. Плохая политика не занятие для учёных. Но... – Хаггер встал и продолжал говорить с пафосом... – пришло время, когда учёный должен определить своё место! Ваш Ньютон, наши Лейбниц, Гумбольдт, Майер, Гельмгольц и сотни других принадлежали всему миру. Они беспечно и беззаботно разбрасывали знания! Двадцатый век принёс нам новую истину...

– Я опять не понимаю ни слова! – перебил Хаггера Фор-

рингтон.

– Прошу прощения, дорогой друг. Истина в том, что сначала действует сила, обеспеченная оружием, а по том – всё остальное.

– Я не был учеником Гитлера!

– Я тоже не был им, дорогой сэръ! – убеждённо возразил Хаггер.

– Хорошо! – Форрингтон говорил негромко. – Я делаю вывод: вы нуждаетесь и, очевидно, очень нуждаетесь в моей помощи для того, чтобы это... – он показал рукой в сторону двора замка, – действовало невидимо и безусловно смертельно.

– Конечно, сэръ. У нас неограниченные ресурсы. Я убеждён, что вы добьётесь поразительных результатов!

Томас Макнилл был очень доволен. Припадок упрямства учёного окончился с неожиданной быстротой.

Сэръ Артур встал и взялся обеими руками за спинку стула. Лица всех были синевато-бледными в лучах луны, а борода Форрингтона казалась белой, как снег.

– Поразительных результатов... – тихо повторил он. – Поразительных результатов, – произнёс он громче. Потом, не меняя тона, он сказал:

– Вы, дурак, Томас! С какой стати я стану заниматься убийствами в вашей компании?

Он опять начал кричать.

– С вас недостаточно компании этого господина? – Фор-

рингтон указал на Хаггера. – Этот господин, мой бывший друг, давно потерял представление о том, чем должна быть наука. Политический шут!

– Сэр Артур! Сэр Артур! – пробовал прервать его Томас Макнилл. Но Форрингтон поднял стул и бросил его на каменные плиты платформы башни.

– Молчите, Томас! Вы были человеком дела, а теперь вы тоже политический шут, но меня вы больше не будете дурачить! Вы дурак, Томас! Тройной дурак! Я не жалею потерянного времени. Нет, клянусь богом, не жалею! Я не дам вам подрывать основы жизни! Будьте вы прокляты! Но вы открыли мне глаза!

– Но это невозможно, вы бредите! – тщетно пробовал остановить Форрингтона Макнилл.

Сэр Артур, отброшенный неожиданным и сильным ударом, взмахнул руками, попятился и...

Но сэр Артур кричал всё громче и громче:

– Вы хотите, чтобы я выбрал? Я выбираю русских! Я раздавлю вас, негодяи, и я сумею это сделать, будьте вы прокляты! Я протягиваю русским руку! Они люди большой человеческой науки. Довольно крови! Довольно крови. Вы поняли? Довольно!!!

Томас Макнилл стоял с искажённым от ярости и страха лицом, а Хаггер подходил всё ближе и ближе к кричащему

Форрингтону. Немец прижимал руки к груди, точно прося его о чём-то.

– Вы сошли с ума! Это нужно кончить! – вскрикнул Макнилл, сделав шаг вперёд.

Тогда Хаггер выбросил длинные, тяжёлые руки со сжатыми кулаками и, помогая себе всем телом, ударил Форрингтона в грудь. Сэр Артур, отброшенный неожиданным и сильным ударом, пытаясь найти равновесие, взмахнул руками, попятился и исчез...

Вокруг платформы высокой цитадельной башни старого замка не было перил...

3

Начинало светать, когда Томас Макнилл попросил по телефону майора Тоунсенда подняться на башню. Через несколько минут недремлющий начальник охраны замка нашёл на платформе Макнилла и Хаггера. Хаггер сидел спиной к выходу из лифта. Длинные тяжёлые руки старого учёного неподвижно лежали на коленях. Лицо, напоминающее, по мнению газет третьего райха, черты покойного фельдмаршала Мольтке, смотрело на восток, туда, где должно было скоро встать солнце.

Узкие сухие губы Хаггера иногда слегка шевелились. Томас Макнилл был бледен после бессонной ночи.

– Случилось большое несчастье, майор, – сказал он очень

ТИХО.

– Да, сэр? – Лицо майора Тоунсенда выразило беспокойство.

– Сэр Артур Форрингтон, увлѣкшись беседой, упал вниз, – Макнилл указал рукой в направлении профессора Хаггера. Майор посмотрел туда. Но, кроме неподвижной спины Хаггера, там ничего не было.

– Я попрошу вас, майор, прикажите поднять... – Макнилл запнулся и с усилием добавил: – ...тело... – Майор сделал движение. – И... – продолжал Макнилл. Майор остановился... – Я хотел ещё сказать... – голос Макнилла был едва слышен... – я хотел вам сказать, вы сами будете внизу, сами... лифтѐр, чѐрный, вероятно, видел и мог не понять, и... – Он повторил: – ... и чѐрный мог не понять...

Томас Макнилл и начальник охраны пристально смотрели друг другу в глаза. Это длилось не более пяти секунд. Майор Тоунсенд, бывший начальник полиции одного из южных городов заокеанской страны, всегда отличался решимостью. Он ответил таким же чуть слышным, но очень выразительным хриплым шопотом:

– Я очень хорошо понимаю вас, сэр. Люди часто бывают болтливы, в особенности эти чернозадые.

– Благодарю вас, майор, я знаю, что могу на вас положиться. – Голос Макнилла стал более уверенным.

– Прошу вас ни о чём не беспокоиться, сэр! У меня надёжные, хорошие парни. Я больше не нужен вам, сэр?

– Да, майор, да, но... – голос Макнилла опять упал до шопота: – ...чёрный не должен... не должен...

– Я понимаю вас, сэр. У меня крепкие парни, они не любопытны!

– Я надеюсь на вас, майор!

Майор скрылся в нише, ведущей под колпак лифта. Двое людей, оставшихся на платформе высокой башни, молчали.

Было уже совсем светло. Сейчас взойдёт Солнце.

4

Майор Тоунсенд вошёл в лифт, не глядя на прижавшегося к стене, чтобы не помешать начальнику, чёрного солдата с усталым, посеревшим от бессонной ночи лицом. Невольный свидетель убийства был полон ужаса... Через несколько минут лифт принёс наверх крупного, дюжего, с багровым бульдожьим лицом мужчину. Выйдя из лифта, он весело хлопнул чёрного солдата по плечу:

– Хэллоу, Джимми! Устал, приятель?

– Здравствуйте, мистер Тиккер. Доброе утро, мистер Тиккер, благодарю вас, мистер Тиккер. – Негр в защитной форме старался улыбнуться, показывая ровные, крупные белые зубы.

– Слушай-ка, Джимми, хочешь поехать со мной вниз? Мне нужна твоя помощь!

Мистер Тиккер тоже улыбался. Он потряс Джимми за пле-

чо.

– Я очень хочу помочь вам, мистер Тиккер. Но кто же будет у лифта?

– Лифт никуда не убежит, он на полчаса обойдётся без тебя, Джимми!

Чёрный солдат и багроволицый мужчина вошли в кабину лифта и захлопнули дверцу. Мистер Тиккер нажал нижнюю кнопку и вынул из заднего кармана штанов большую плоскую флягу. Он отвинтил крышку, сделал глоток, провёл по губам рукой и протянул флягу своему чёрному другу.

– Спасибо, мистер Тиккер, сэр, благодарю вас. За ваше здоровье!

Чёрный сделал большой глоток и вопросительно взглянул на белого.

– Пей ещё, мой славный Джимми, это хорошая водка, приятель, пей больше, до дна, Джимми!

– Благодарю вас, мистер Тиккер.

Джимми приложил фляжку к губам и медленно пил, запрокинув голову назад. Кадык, как живой, двигался вверх и вниз над узлом форменного галстука. Лифт падал вниз. Джимми отнял фляжку от губ. Теперь его лицо было опять хорошего, чёрного цвета. Глаза влажно блестели.

– Спасибо, мистер Тиккер. Хорошо иметь такого доброго друга. Это очень хорошая, очень хорошая водка, – он вернул фляжку.

– У меня есть ещё много хорошей водки, Джимми! – Ми-

стер Тиккер спрятал фляжку в карман и многозначительно похлопал себя по оттопыренному карману пиджака. Потом он опять потрепал Джимми по плечу.

Лифт мягко остановился. Чёрный и белый прошли тем же путём, где несколько часов назад шли Томас Макнилл и сэр Артур Форрингтон. Майора Тоунсенда не было. Человек небольшого роста в штатском костюме молча проводил друзей очень внимательным взглядом.

На колоннах нижнего этажа, отбрасывавших переплетавшиеся неподвижные тени, горели редкие лампы. Двое шли рядом, направляясь вправо. Их тени бежали за ними то укорачиваясь, то удлиняясь на гладком асфальте пола.

От выпитой после бессонной ночи крепкой водки Джимми стал заметно хмельеть:

– Такому другу, как мистер Тиккер, я могу всё, всё сказать. Когда я услышал, как босс, как мистер Макнилл, хочу я сказать...

– Не болтай, Джимми, – перебил его мистер Тиккер, – сначала мы сделаем наше дело, потом ты будешь всё рассказывать, всё, что захочешь, приятель Джимми.

Захмелевший Джимми зацепился за едва видную головку рельса.

– Потом я вам всё расскажу, мистер Тиккер!

– А ну, поторапливайся, Джимми!

Джимми прибавил шагу. Мистер Тиккер чуть отстал, вынул из оттопыренного правого кармана пиджака большой

автоматический пистолет и, не целясь, выстрелил. Тяжёлая пуля крупного калибра ударила Джимми в затылок. Резкий звук выстрела треснул, отразился от стены и погас.

Джимми споткнулся и упал. Он лежал, уткнувшись лицом в пол. Из-под его головы по асфальту быстро расплывалось тёмное пятно, казавшееся жирным при свете висевшей на ближней колонне лампы. Было так тихо, что выстрела, казалось, вовсе и не было.

Джимми, не отрывая головы от пола, немного повернулся на правый бок. Левое плечо быстро и мелко дрожало. Длинные ноги в зелёных форменных штанах стали подгибаться, потом опять вытянулись. Мистер Тиккер неподвижно стоял и внимательно смотрел на своего друга. Тяжёлый пистолет висел в его опущенной правой руке.

– Хорошая водка, Джимми, пей хорошую водку до дна, Джимми! Каждый негр может тебе позавидовать, Джимми, – сказал мистер Тиккер, когда ноги негра вытянулись в последний раз.

Мистер Тиккер положил пистолет в карман пиджака, подошёл к ближайшей колонне и плоским ключом открыл дверцу стального ящика, приделанного на высоте человеческого роста. Обнаружилось массивное-чугунное колесо. Обеими руками мистер Тиккер стал крутить колесо слева направо. В одном метре от головы очень спокойно лежащего Джимми поднялась круглая крышка трапа, открыв чёрное отверстие. Мистер Тиккер взял своего друга за ноги, обутые

в тяжёлые, крепкие солдатские ботинки, и потащил его к отверстию. Джимми гибко перевалился через край колодца и исчез. Звуча падения не было слышно.

Мистер Тиккер достал из ящика резиновый шланг с блестящим медным наконечником и смыл сильной струёй воды пятно на том месте, где была голова Джимми, и протянувшуюся от этого пятна жирную полосу к колодцу. Пол имел уклон и вода стекала в зияющее отверстие. Покончив с этим, мистер Тиккер спрятал шланг на место, закрыл трап и запер ящик.

«А всё же они очень умные люди, эти бывшие хозяева, — запасливые и предусмотрительные», — вслух подумал мистер Тиккер, пряча ключ в карман.

Таково было надгробное слово, произнесённое над бездонной могилой.

Дюжий, багроволицый мужчина с оттопыренным правым карманом пиджака пошёл обратно между стройными рядами колонн, проходящих на высоте шести метров от пола через перекрытие и устремляющихся вверх. Тяжёлый автоматический пистолет, оттопыривший карман пиджака меткого стрелка мистера Тиккера, с маркой «Макнилл и сыновья», тоже был замечательным произведением техники.

5

Солнце начало подниматься над горизонтом и отбросило

на платформу башни две длинные тени. Третья тень исчезла до восхода. Макнилл и Хаггер по-прежнему были вдвоём.

То, что было сэром Артуром Д. Форрингтоном, подняли и положили в длинный цинковый ящик. Крышку ящика плотно и тщательно запаляли. Через несколько дней ящик поместили в деревянный гроб и погрузили на специальный самолёт. Похороны должны были состояться в столице островной империи.

Безутешно рыдала в большом доме старушка в глубоком трауре: «Артур был так добр, так добр... Он был так добр, так здоров... Зачем он поехал туда?..»

Так же, как задержалась отправка гроба, с опозданием заговорила и печать. Помещая краткие некрологи (подробные некрологи должны были найти место в журналах), газеты сообщали о внезапной смерти учёного, происшедшей от несчастного случая во время осмотра им исторических достопримечательностей в долине Рейна.

Очень подробные описания обстоятельств печального события в разных газетах отличались только манерой изложения. Очевидно, печать пользовалась одним и тем же источником.

Прогрессивные газеты указывали, что за несколько дней до своей скоропостижной смерти Форрингтон подписал воззвание Комитета Защиты Мира. Реакционная печать поставила этот факт под сомнение.

Заокеанские газеты в кричащих на всю ширину страниц

заголовках обвинили Комитет Защиты Мира островной империи в подлоге. Но вскоре перед лицом неопровержимых фактов газетам пришлось опровергать самих себя. Правда, эти опровержения были напечатаны на последних страницах мелким шрифтом.

Однако заслуги покойного сэра Артура Д. Форрингтона перед наукой не подлежали никакому сомнению. Похороны прошли с большой пышностью и с серьёзной торжественностью. Покойного провожали не только представители учёного мира острова, но и специально прибывшие с европейского и западного континентов делегации академий и научных обществ. Венки, венки, венки... Речи...

6

Утром на следующий день после вылета сына в Н-ск Фёдор Александрович был в Институте. В начале второй половины дня Фёдор Александрович, сидя в своём кабинете после телефонного разговора с Алексеем Фёдоровичем, взял в руки газету. На последней странице внизу пятого столбца было помещено следующее сообщение:

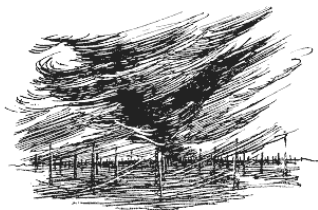
«Л... августа. Утренние газеты сообщают о смерти известного учёного, физика Артура Д. Форрингтона. Покойный осматривал исторические памятники в Западной. Германии и погиб в результате несчастного случая. Форрингтон создал себе широкую известность

своими трудами, изданными до второй мировой войны. В последующее время его научная деятельность была менее продуктивной. Многие годы покойный был связан с промышленными кругами островной империи и западного континента. Он входил в группу учёных, представляющих островную империю в комиссии по разработке проблем применения атомной энергии в военных целях...»

– Вот видите, Степан Семёнович, – сказал Фёдор Александрович, обращаясь к своему техническому служителю, приводившему на столе в порядок утреннюю почту, – уходят старики... Вот и Форрингтон умер... Вы его не помните?

– Как же, Фёдор Александрович, он до войны к нам приезжал. Ещё в последний год при Ванине. Плотный такой, с большой бородой...

– Да, это было тогда, когда у нас в гостях была делегация учёных. Покойный очень походил лицом на Дарвина! – Фёдор Александрович задумался...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ **НА СТРАЖЕ МИРА**

Глава первая

В СТЕПЯХ

1

Глубокий мир владел в этом августе ковыльными степями. Высоко здесь небо, широк вольный простор. Влечёт, тянет к себе человека природа здешних мест. Близка ему, понятна неутолимая любовь к степным просторам великих русских путешественников. Есть у кочевников старая сказка: «...и он ушёл из степи в большие города, с годами добился и богатства, и славы, и могущества. И он забыл своё племя. Но вот, по мудрому совету старейшего в роде, послали ему однажды только одну ветку горькой полыни, и вернул беглеца степной запах в родную кибитку...»

...Было уже больше десяти часов утра. Двухместный самолёт, взявший в Н-ске Алексея Фёдоровича с его новым знакомым, опустился на чистоозерском аэродроме. Алексей вышел первым. Пока Заклинкин вытаскивал свои вещи из кабины, к машине по коричнево-зелёному лугу лебедью подплыла белоснежная больничная сестра. Назвав Алексея Фёдоровича по имени и отчеству, она поздравила его с приездом и предупредила готовый вопрос:

– Нам Павел Владиславович о вас звонил. А вот и Лидия Николаевна едет...

К маленькой группе людей, стоявшей около самолёта, подъезжала Лидия Николаевна, сама правя лошадыю. Пожилая руку Алексею Фёдоровичу, она заметила и Заклинкина.

– Вы не один?

К чему же было Алексею Фёдоровичу пускаться в длинное объяснение? Молодой инженер был, к тому же, в некоторой мере под его покровительством. Не бросать же его на аэродроме, в чужом месте! Анатолий Николаевич Заклинкин был представлен главному врачу Чистоозерской больницы. Весьма естественно было для неё приветливо улыбнуться знакомому Алексею Фёдоровича. Но вот как быть с местом в тележке? Со свойственной ему лёгкостью обращения с людьми Толя успокоил хозяйку. Вещи были положены в тележку под ноги, и к близкому дому Лидии Николаевны Толя отправился в обществе сестры.

– За исключением, может быть, общей слабости, в которой он не признается, Николай Сергеевич совершенно здоров. Мне очень жаль, что вы его не застали. Он вчера рано утром уехал в Лебяжье со своим приятелем Кизеровым.

Такие новости спешила сообщить Алексею Фёдоровичу главный врач.

– Удержать его мы не могли. Ему надоела больница. Конечно, если бы он знал о вашем приезде...

А ведь Павлу Владиславовичу, когда он встретился с

Алексеем, уже было известно о бегстве упрямого и скрытного больного! Ему об этом телефонировали из Чистоозерского за полчаса до визита Алексея Фёдоровича, и его живому воображению тотчас же представилось, что успокоенный Алексей Фёдорович, занятой человек, чего доброго, отложит расследование при доказательстве отличного состояния здоровья брата! Поэтому Павел Владиславович под влиянием натиска предположений умолчал об отъезде больного в Лебязье, а Лидии Николаевне в тот же вечер телефонировал и просил его не выдавать:

– Я тут впопыхах чуть-чуть душой покривил... Но уж теперь-то мы оседлаем упрямца!

Невинная «жертва» интриги Станишевского, Алексей Фёдорович с удовольствием вдыхал воздух с незнакомым ему запахом начинающейся степной осени.

– Я многое и многое понял, многое узнал, слушая рассказ Станишевского, о вас и о вашей больнице. Мы все вам так благодарны, Лидия Николаевна! Отец был очень взволнован, хотя полностью и не знал, что грозило Николаю. Ведь вы чудесно спасли нашего Колю. Жалею, что этот бродяга успел исчезнуть!

Искреннее чувство, звучавшее в голосе Алексея Фёдоровича, и его пожатие руки главного врача, державшей вожжи, тронули Лидию Николаевну и она едва не выдала тайну интриги.

Тем временем Толя со своей спутницей шёл не спеша и

успел узнать от разговорчивой медицинской сестры многие подробности болезни Николая Сергеевича:

– Он уж и не дышал почти, когда его вынимали из самолёта. А температура у него была... – сестра назвала очень низкую цифру. В разговоре было также названо и озеро – место последней охоты Николая.

Дома медицинского персонала образовали небольшой посёлок вблизи больничных корпусов. Толя со скромным видом, но уверенно вошёл в дом главного врача и принял приглашение позавтракать. За столом он внимательно, не вмешиваясь, слушал рассказ о болезни Николая Сергеевича. Чутьё и смётка подсказывали ему линию поведения, и он сумел ни разу не вызвать со вчерашнего вечера у Алексея Фёдоровича тех ощущений досады, которые возбуждал у него при первом знакомстве. Для окружающих же он был человеком, прибывшим с Алексеем Фёдоровичем, что значило многое.

После завтрака Лидия Николаевна пригласила гостей осмотреть больницу:

– Скажите откровенно, Алексей Фёдорович, и вы, Анатолий Николаевич, вы никогда не видали наших сельских больниц?

В предложении главного врача Алексей услышал ноту знакомой горячей любви человека к своему делу. Да и вообще можно ли было отказать Лидии Николаевне?

У входа в терапевтический корпус они встретили помощницу главного врача. Алексей Фёдорович сразу узнал её:

– Здравствуйте, Вера Георгиевна!

Прав был Павел Владиславович. Очень хороша собой была его ученица в белоснежном халате, с золотистыми пышными волосами под маленькой белой шапочкой.

– Вы знакомы? Верочка мне не говорила! – воскликнула удивлённая Лидия Николаевна. Вера Георгиевна чуть смутилась, протянула руку гостю и ответила:

– Я видела Алексея Фёдоровича в Москве, в его лаборатории. Но я никак не думала, что он меня помнит... Вы были так заняты!

– Я вас сразу узнал! – ответил Алексей Фёдорович и не покривил душой. Он собирался ещё что-то сказать, но решительная Лидия Николаевна изменила тему разговора:

– А когда мы будем иметь аппаратуру для лечения злокачественных опухолей?

Алексей Фёдорович назвал возможный срок начала массового производства сложной аппаратуры. После беседы со Станишевским и разговора по телефону с отцом (Фёдор Александрович просил сына воспользоваться случаем и немного отдохнуть) Алексей Фёдорович, ощущая дыхание мощной природы и под влиянием резкой перемены обстоя-

новки, начинал чувствовать себя (пусть к нему и мало подходит это сравнение), как школьник, вырвавшийся на свободу.

Он сказал несколько любезных слов Вере Георгиевне и на пороге хирургического отделения сообразил: «Да ведь она похожа на Тату!» К жене своего двоюродного брата Алексей питал чувство искренней дружбы. Действительное или кажущееся сходство настолько ему помогло, что он и с Верой Георгиевной чувствовал себя легко и просто, что ему далеко не всегда давалось в общении с женщинами.

Когда главный врач, показывая гостям тракториста, поправлявшегося после сложного перелома таза, с гордостью говорила «Нам доступны все случаи, требующие хирургического вмешательства!», то увлечённый гость выразил уверенность:

– Конечно, и Вера Георгиевна принимала деятельное участие в этой операции?

Врачи отнесли ошибку за счёт рассеянности учёных, но Алексей Фёдорович сам сказал:

– Прошу извинить, мне-то непростительно путать специальности врачей!..

После этого гость ушёл в себя, стал задумчив. Однако, вслушиваясь в голос Веры Георгиевны и с удовольствием отмечая его приятный тембр, он – вскоре опять оживился.

После подробного осмотра больницы, где было, действительно, много интересного, Лидия Николаевна, удовлетворённая вниманием гостей, вдруг вспомнила:

– Но что же я делаю? Уже поздно, а ведь вы торопитесь в Лебяжье!

Алексей Фёдорович, взглянув на часы, успокоил главного врача:

– Если мы не надоели хозяевам, я бы охотно отложил Лебяжье до завтра. Всё равно, наш стрелок сейчас уже забрался в свои камыши и появится завтра к полудню...

Лебяжье было отложено на утро, а сегодня... Сегодня было вполне естественно для Алексея Фёдоровича погрузиться вместе с Верой Георгиевной в рассмотрение истории болезни Николая.

Толя с честью выдержал томительную длинную скуку знакомства с больницей, а потом пошёл побродить по районному центру. Нужно было всё обдумать и запечатлеть в памяти.

Подумать было над чем! В Москве Щербиненко приказал ему обратить особое внимание на случаи внезапных болезней или смертей в точно указанном районе. А озеро, на котором подобрали этого самого Николая? Это не то ли самое, что было отмечено птичкой на полученной вместе с заданием карте? Вот оно что! Чорт возьми! Вот так случай! Неужели же он попал в самую точку? Чем же они там занимаются, на этом озере? До чего же удачной получилась эта встреча на самолёте!..

И прогулка по Чистоозерскому служила для Заклинкина средством закрепить в сознании местных жителей свою фигуру в связи с Алексеем Фёдоровичем.

История болезни Николая Сергеевича, составленная в больнице, по своему объёму во много раз превосходила обязательные черты страницы стандартного бланка. И подробность изложения была достойна необычайного, по выражению Павла Владиславовича Станишевского, случая.

Вера Георгиевна говорила сначала тихим, неуверенным голосом, потом увлеклась. Её нежное контральто вкладывало глубокий смысл в последовательный перечень наблюдений над течением болезни и изменениями в состоянии больного человека. И всё время ставились вопросы, высказывались и обсуждались предположения. Приводились сопоставления со случаями внезапной анемии, известными ранее, и звучало настойчивое желание получить ответ. Но ответа не было.

И именно это и было замечательно! Молодой врач не хотел считать свой труд завершённым. Мысль врача работала в более широком плане, чем данный частный случай...

Алексей Фёдорович вначале слушал только внимательно, но потом изложение увлекло его так, же, как оно увлекало молодого врача. В высказываемых Верой Георгиевной мыслях, – пусть совсем другими словами, – учёному слышалось нечто напоминающее мысли и предположения начинателей новой темы в Институте Энергии.

Алексей Фёдорович вдруг прервал Веру Георгиевну:

– Вы, может быть, правы. Очень может быть, что ваши взгляды найдут своё подтверждение... Конечно, человек – также и энергетическая установка! Живой организм способен к передаче энергии и к приёму энергии. Это – генератор, и чуткий генератор... А вы знаете...

И Алексей Фёдорович начал рассказывать о наблюдениях и предположениях, вызвавших постановку так называемой «новой темы» в Институте.

Не так уж общителен учёный. Почему же сейчас он заговорил с полной откровенностью с человеком, которого узнал, в сущности, только что? Алексей Фёдорович не думал об этом. Его увлекала неожиданная возможность прекрасной, неограниченной искренности, в которой не так уж важна последовательность слов.

Лидия Николаевна, войдя в комнату, помешала Алексею. Он сбился, вспомнил, что перебил Веру Георгиевну, попросил извинить его. Лидия Николаевна посидела молча, прислушиваясь к их беседе, – теперь чтение истории болезни превратилось в замечания об отдельных частностях, – и вышла.

Она пожала плечами и сказала себе:

«Я ещё не видела, чтобы у Верочки так блестели глаза, а он... очень оживлён!»

В Москве и поздней ночью в открытое окно входит слитный гул недремлющего города. Правда, ночью он звучит приглушённо, под сурдину. Вот отдельно и ясно доносится с дальнего вокзала крик паровоза. Днём этот голос не слышен...

Ощущая слухом, привыкшим к неугомонному шуму большого города, ясную тишину прохладной августовской ночи и вспоминая проведённый день, Алексей Фёдорович заснул не сразу. Вполне успокоенный в отношении здоровья брата, оторванный от напряжённой жизни Института, учёный думал:

«Какая способная женщина! И такая... милая! Станишевский верно определяет людей. Умница и... милая. А я-то спутал терапевта с хирургом!.. Потом страшно увлёкся и безумолку болтал. Бессвязно... Но она понимала. А под конец я, кажется, устроил нечто вроде экзамена. Да ещё по её специальности! Да... Это было не совсем удачно...»

Потом Алексей Фёдорович думал о Тате, о её сходстве с Верой Георгиевной, и о том, что Николай бывал не всегда внимателен к жене... Затем вспомнился вопрос отца: «А почему ты не женишься?»

Уже совсем засыпая, Алексей Фёдорович думал, что завтра утром он увидит Веру Георгиевну и скажет ей... что он

скажет?.. Сон прервал мысли.

Вера Георгиевна, рассказав матери, как обычно, о событиях дня, тоже не скоро заснула в своей маленькой спальне. Плыли и смешивались образы и воспоминания: школа, медицинский институт в Н-ске и начало стажа под руководством Станишевского. Приезд в Чистоозёрское, дружба с Лидией Николаевной. Начало работы над диссертацией... И вдруг ярко вспомнилось: поездка в Москву на съезд, вместе с Павлом Владиславовичем. Доклады и посещение Института Энергии. После оформления пропусков маленькую группу гостей провели в лабораторию. Странные машины. Потом, в темноте, освещённый профиль Алексея Фёдоровича, его руки на рычагах и странное жужжанье и вспышки синего света за его спиной... Он помнит её? Как странно получается в жизни... Там он был сухой, далёкий, неприступный...

Как по струнам, ударили слова Алексея Фёдоровича: «... Нейтральности нет! Люди – энергетические батареи. Измерить силу токов, уметь усилить их, лучше управлять ими, помочь жизни...»

Молодая женщина поднялась, села в постели, отбросила за спину косу и задумалась. Сон не приходил...

5

В восемь часов утра к дому для приезжих подъехала небольшая открытая машина. В дверь комнаты уже вставше-

го Алексея Фёдоровича постучали.

– Да!

Дверь отворилась, и гость, переступив порог, отрекомендовался:

– Я Александр Шуйских, секретарь райкома партии. – Он подал левую руку, так как правая в локте не гнулась и кончалась чёрной перчаткой на кисти.

Обменялись рукопожатиями. Алексей Фёдорович пригласил гостя сесть.

– Я к вам, профессор, по важному делу. Хотел ещё вчера, но мы подзадержались – уборочная во-всю разворачивается. Так вот... (гость в этом слове упирал на «о» и получалось у него воот) ... так вот, у нашей организации к вам просьба. Мы хотим поставить ваш доклад на активе. Тема – научная, по вашему выбору. Хотя народ сейчас и крепко занят, но для такого случая мы время найдём!

Товарищ Шумских никак не мог упустить блестящей возможности дополнить план массовой работы докладом профессора! Услышав ещё вчера днём о приезде к Лидии Николаевне неожиданного гостя, товарищ Шумских сразу увидел себя самого, произносящего с трибуны районного клуба:

– Товарищи! Сейчас перед нами выступит профессор, товарищ...

Совершенная уверенность секретаря райкома не оставила бы никаких путей к отступлению у Алексея Фёдоровича, даже если бы он их искал.

С той же спокойной уверенностью, с какой он начал разговор, товарищ Шумских, прощаясь, добавил:

– Машина запровлена, шофёр будет вас ждать, когда захотите ехать в Лебяжье. О дне доклада предупредите нас через Павла Кизерова! – И вышел.

Алексей предупредил инженера Заклинкина и пошёл к больнице. Там работа шла своим чередом. Утренние обходы больных, амбулаторный приём, подготовка к операциям. Лидия Николаевна вышла и сказала, что прощается не надолго.

С Верой Георгиевной Алексею удалось раскланяться только издали. Он увидел её в открытом окне нижнего этажа больницы.

Машина мягко пошла по длинной главной улице районного центра, мимо невысоких домов с берёзками в палисадниках, мимо двухэтажных зданий школы и клуба, и повернула направо около пожарного депо.

Прибавляя ход, автомобиль катился вдоль большого озера со стаями белых гусей и пёстрых уток. Среди них опытный глаз различил бы и диких. До Лебяжьего – пятьдесят семь километров.

В глубинных районах ездят быстро. Машины, как стол, накатывают чернозём просёлочных дорог. И стрелка счётчика скорости дрожит между 40 и 50.

На несколько замечаний Заклинкина Алексей Фёдорович ответил односложно, и потом всю дорогу они молчали. Разминулись несколько раз с автомашинами, везущими пшени-

цу нового урожая.

Через редкие берёзовые рощи, мимо озёр, заросших буйным камышом, среди роскошных полей дозревающей лучшей в мире пшеницы, мимо начавших уборку полевых бригад Алексей Фёдорович летел вперёд и вперёд с радостным чувством широкой, широкой воли. Ничто ему не мешало...

Да, здесь дышалось легко!

Глава вторая

В КАМЫШАХ

1

Колхоз Лебяжье раскинулся двумя длинными улицами вдоль берега большого озера. Налево – общественные фермы, амбары и электростанция. В озеро уходят мостки, с которых полощут бельё. Тут же лодки рыбаков и охотников. Острова камышей сливаются вдали в высокие зелёные стены.

Машина остановилась у дома Павла Ивановича Кизерова. Шустрая девочка, выскочившая со двора в калитку, змейкой скрылась в доме. С крыльца сейчас же спустилась старая женщина и отворила ворота:

– Заезжайте, заезжайте!

Помогая Заклинкину вынимать вещи из автомобиля, она говорила без устали:

– А вы тоже с ружьём? Да вы умойтесь с дороги, милые гости, а мы-то ждали! Уж Паша с Николаем Сергеевичем будут рады! У меня и обед в печи вас ждёт. Наши все на работе. Николай-то Сергеевич до зари на «домашнее» озеро уплыл. Он не знает, что вы приехать должны. О вас по телефону Са-

ня Шуйских звонил... Я тут с шалуньей одна...

Бабушка успела сообщить всё главное, пока гости входили в дом.

– А Николай-то Сергеевич! О-ох, и было! Ума не приложим, что за болезнь с ним приключилась. И ведь вот неуёмный, с ночи вчера хотел ехать, так уж я его не пустила. Паша-то нынче поздно вернётся. А вы-то чего стоите? В горницу проходите!

Усадив гостей в большой комнате за стол, покрытый яркой скатертью, бабушка достала из стеклянного шкафа объёмистый графин со светлой жидкостью и поставила три стаканчика. Загремела печная заслонка, и старая хозяйка с суетящейся девочкой потащили на стол жареную дичь, жирные щи и всё прочее, приличное нашему гостеприимству. А потом, хочешь не хочешь, а хозяйку не обидь! Гости выпили по стаканчику, заставили бабушку чуть пригубить.

Уж так ведётся – о чаркой гостя встречают, чтоб без обиды! Но вторую порцию «принял» только Заклинкин. Хозяйка не стала гостей принуждать:

– Уж коли больше не хотите, так отложим до вечера, как наши с поля приедут.

Когда шофёр секретаря райкома, подкрепившись, собирался ехать обратно, в горницу пулей влетела внучка и пискнула:

– Идёт, вернулся! Уж на берегу!

Алексей вышел вслед за вестницей и увидел брата на тро-

пинке, проложенной через огород к берегу озера. Небогатая добыча упала из рук Николая Сергеевича:

– Как? Ты? Алексей? Но какими судьбами?!

Братья обнялись. Николай был так удивлён, что не находил слов. А Алексей держал его за плечи и повторял:

– А ну, а ну! Дай на тебя посмотреть!

Им помешал вышедший во двор Заклинкин. Сняв ружьё и патронташи, Николай повесил их на изгородь и увёл брата на берег. Они уселись на дно опрокинутой долблённой лодки.

– Я очень рад тебя видеть, Алёша! – сказал Николай. – Счастлив, что у нас дома всё благополучно. Да, мне было очень плохо, но сейчас всё прошло. Замечательно, что Павел Иванович выдержал характер и вас не беспокоил зря. Но ты – здесь! Каким образом? Я до сих пор не верю своим глазам!

– Меня вызвал Станишевский! – очень серьёзно ответил Алексей.

2

– Меня вызвал Станишевский, – повторил Алексей Фёдорович. Он внимательно смотрел на резкий профиль брата. Николай медленно опустил руку в карман и достал портсигар. Заметив странное впечатление, которое произвела фамилия Павла Владиславовича на брата, Алексей Фёдорович, привыкший к внезапным вспышкам неровного характера Николая, встал, положил ему руки на плечи и рассмеялся:

– Коля, да ты что, – недоволен, что я приехал? Сердишься на что-то?

Почти десятилетняя разница в возрасте и спокойная сила Алексея Фёдоровича всегда благотворно влияли на брата. Николай сдвинул смятую фуражку на затылок:

– Я скажу тебе... То, что случилось со мной, было настолько необычайно, что я хотел сам, ты понимаешь? Я сам хотел всё понять, что было, и осмыслить. Я хотел вернуться домой и сказать дяде: «Вот что было». Ты понимаешь? Ведь это для меня экзамен!

Он замолчал. Его глаза смотрели на гладь озера, – туда, где стена камышей закрывала горизонт.

– Мы никогда, никогда не говорили с тобой об этом. Но ты знаешь, так же как и я, как ко мне относится дядя Фёдор!

Алексей сделал движение и хотел что-то сказать, но Николай продолжал:

– Знаю, знаю! Ты скажешь, что он меня любит. Знаю, но ты пойми, – он считает меня неудачником. Помнишь, как он сказал маме два года назад: «Он не зрел, а пора бы!» – и приказал мне начать работу в Институте, заставил меня изменить специальность. А я ведь уже не ребёнок и не подросток. Дядя прав, вот что тяжело. И я знаю, что он недоволен и тем, что я до сих пор вне партии, а мне уже тридцать лет. Я повторяю себе и тебе – это для меня экзамен. Поэтому я хотел быть здесь один!..

Опять молчание. Лёгкий ветерок приносил звуки рабо-

тавших в полях комбайнов.

– Я убежал, если можно так выразиться, из больницы именно из-за Станишевского. Он не только чуть ли не допрашивал меня сам, но и приставил ко мне наблюдателей. Ты был в больнице?

– Там очень хорошие, очень милые люди... И они делают большое дело.

– Да ты пойми, я готов перед ними преклоняться, но эти расспросы!.. К тому же, я не выношу больничной обстановки! Довольно я провалялся на койке во время войны!

По берегу прошла и поздоровалась с братьями женщина с ведром в руке. Бежавший за ней мальчуган смело заявил:

– А ты сегодня мало настрелял, я видел!

В огороде показался Заклинкин. Бросив на него взгляд, Николай спросил:

– А это кто с тобой приехал?

– Случайный спутник, москвич, в отпуску. Хочет быть твоим коллегой по истреблению уток.

Анатолий Николаевич подошёл и был представлен. Он сделал вид, что не заметил нетерпеливой небрежности, проявленной к его особе Николаем Сергеевичем, и отправился на «прогулку» по берегу озера – зарабатывать репутацию охотника: «назвался груздем, полезай в кузов!»

Братья проводили его глазами.

Зная дорогу к сердцу того, кто вырос на его глазах, старший скромно попросил младшего:

– Ты меня не гони, Коля! Во-первых, мне здесь всё очень нравится. У меня есть время. Отец был счастлив, узнав, что ты вне всякой опасности, и посоветовал мне отдохнуть вместе с тобой. Наконец, если ты захочешь, я, может быть, смогу тебе помочь...

– Алёша, дорогой, прости меня за странный приём! Конечно же, мы всё обдумаем вместе! Я уехал сегодня на озеро, чтобы в камышах спокойно думать. Слушай... Нет, давай завтра утром поедем на то озеро, и я там буду тебе рассказывать всё по порядку. А сейчас нам могут помешать. Ты мне не давай говорить.

Они медленно пошли к дому. По дороге младший сорвал большой зелёный огурец и угостил старшего. Хозяйка, Фёкла Ивановна, встретила неугомонного охотника дружелюбными упрёками:

– Затемно уехал, куска в рот не положил. Охотник!.. Садись-ка к столу!

Алексей Фёдорович с удовольствием смотрел, как его брат с большим аппетитом обедал за столом в кухне – на правах члена семьи. Николай заметно похудел, был бледен, но Станишевский говорил, что это естественно...

Через сельского связиста была послана общая телеграмма домой, и Николай Сергеевич лёг спать – недавняя болезнь всё же сказывалась. А старший брат поговорил с Фёклой Ивановной, пошутил с Шурой-Сашурой, посидел у озера и сам сорвал ещё пару сочных огурцов.

До чего же хороши огурцы! Да, за многие годы Алексей впервые чувствовал себя так просто и хорошо. Нужно поскорее, – послезавтра, прочесть лекцию в Чистоозерском!

3

Заклинкин явился под вечер, грязный, мокрый, усталый. Фёкла Ивановна критически посмотрела на «пустого» охотника, но «рубаха-парень» Толя сумел вызвать улыбку у отдохнувшего Николая Сергеевича.

– Такая масса уток, но, знаете, они – осторожные! И, потом – там глубоко. Я промахнулся, но потом одну очень большую застрелил. Только она уплыла в камыш. А что это за птицы с большими носами? – и Заклинкин довольно удачно изобразил крик кроншнепа: «ку-у-уль».

Николай Сергеевич был побеждён простодушием профана и стал посвящать его в тайны охоты, примирившись с новым лицом.

Уже совсем стемнело, когда Павел Иванович с женой приехали из полевого стана. Вместе с ними явилась и Агаша, двоюродная сестра председателя колхоза. Когда сели за стол, довольный Кизеров стал потчевать гостей:

– Ну, гость нежданный, дорогой и желанный, мы вас, Алексей Фёдорович, скоро не выпустим! Здесь я командир полка. Отведайте наших баранов, гусей, уток. У нас ведь мясо с мясом, а не с травой, как в других местах. Хлеба нашего

покушайте вволю. Поживите с нами, узнайте нас получше!

Загуляла по столу чарочка. Трудно было отказаться! Рядом с московским профессором – колхозный кузнец с чёрными руками, подтянутый председатель колхоза, не забывший офицерского достоинства, румяная Агаша, морщинистая Фёкла Ивановна, доярка молочной фермы и ещё несколько человек. И всем им было вместе хорошо. С улицы доносились песни гуляющей молодёжи.

Заклинкина отправили спать к кузнецу, в просторный дом. Имел кузнец две слабости: охоту – он и с войны притащил «трофей», четыре пуда свинца, отрубленных где-то от «никому не нужной» болванки, чтобы катать дробь... – и чарочку после трудов. Пошатываясь, Фёдор Григорьевич объяснял гостю, стоя во дворе:

– Ты у меня хоть всю жизнь живи! Мы не корыстные. Мы, знаешь, какие? Вы, московские, двужилые, а мы ещё лучше! Ты раненый был? Меня по частям собирали, голова-то была как горшок раскоканная. Уже все отказались. Один упрямый нашёлся, как я, хоть и харьковский! Доктор Минько! Не знаешь? Он меня сшил и выпустил немца добивать... А сам ты женатый? Нет? Женим! Невесту найдём!

Толя же, подметив что-то в отношении Агаши к Николаю Сергеевичу, обдумывал, хоть в голове и сильно шумело, одну «штучку», как про себя он называл вещи, которые любил при случае проделывать не за «надежды» и деньги Щербиненко, а лично для себя, на потребу своей «богатой», «широкой»

натуре, так сказать, для «души»!

Ещё там, на берегу, при первой встрече, не понравился Николай Заклинкину. Небрежность тона задела самолюбивого молодого человека. Когда же в разговорах за столом упомянули о жене Николая, мелькнула у Толи мысль подстроить семейную каверзу этим людям. Подобную «штучку» он однажды уже проделал с успехом...

Щербиненко не раз приказывал молодому инженеру найти связи с Институтом Энергии и крепко бранил за неудачи. Теперь связь есть, и он постарается её укрепить! Тут «штучка для души», пожалуй, поможет? Явиться в Москве к жене Николая Сергеевича в положении нужного человека? Я, дескать, там был лично и могу подтвердить! А жена у Николая, верно, с характером (за столом Николай показывал фотографию Таты).

4

Как во многих старых наших поселениях, так и в Лебяжье было в старину три родовых корня. Дальние потомки их родством между собой не считаются, но фамилии-клички предков сохранились до наших дней. Пойти по селу – всё Кизеровы да Тагиловы, а между ними – Меньшиковы.

Старожил радушен, но на слова скуп. Болтливых не любит. К гостю присматривается и охотно испытает его на деле. Вопросы задаёт не зря и ответами интересуется. Нового че-

ловека встречает без стеснения, но фальши не терпит. Таков и лебяженский кузнец.

Проработав с зари в кузнице, Фёдор Григорьевич Кизеров разбудил заспавшегося гостя – пора завтракать! Узнав, что московский гость «инженер по металлу», потащил его в кузницу.

Не стоит вдаваться в подробности, но Заклинкин, имевший ловкость до сих пор видеть производство только издали, позорно провалился на экзамене по мотору «челябинца» и по нехитрой термической обработке стали в практических условиях кузницы, гдековка была только частью механической мастерской.

Получив неожиданно единицу за свои познания, что, впрочем, прошло незаметно для срезавшегося, Заклинкин отправился в дом Павла Ивановича. Там старуха Фёкла Ивановна поднесла ему «с похмелья» стаканчик. Братьев же не было – они спозаранку отправились на озеро Большие Мочищи. Расспросив, где это озеро, Заклинкин понял, что это – то самое, – с «птичкой» на карте!

Вернувшись от нечего делать в кузницу, Толя успел в один день получить от Фёдора Григорьевича вторую единицу – за сотню привезённых патронов («Этого у нас хватит только на две зари, и то, если скупострелять!») и за рассказ о вчерашней охоте.

Виду не показав, Фёдор Григорьевич про себя пришёл к решению: «Пустой парень!»

Это не помешало радушному кузнецу повторить, к слову, приглашение пожить сколько вздумается, но упоминания о невесте на этот раз не было, чего Толя не уловил. Он отправился в дом председателя колхоза за своими вещами.

Там, оставив гостя одного, Фёкла Ивановна ушла. Толя воспользовался случаем и поднял крышку чемодана, не запертого и, видимо, не хозяйского. За свою инициативу Заклинкин был вознаграждён. Сверху лежало письмо не интересного для Толи содержания и неоконченное. Но там же был и конверт с адресом дома и с именем Наталии Владимировны, жены Николая. Это было удачей в плане задуманной «штучки»!

Заклинкин со своими вещами устроился у кузнеца и стал писать домой. Первое письмо, – чернилами и в конверте, с адресом одной из столичных улиц, – труда ему не стоило. Второе же писалось не просто и потребовало черновика. Тщательно выводя грубые буквы карандашом, Толя удовлетворённо и весело улыбался. Исписанный лист сложил треугольником и запечатал маркой. Написал адрес, используя сведения из чемодана Николая Сергеевича.

Карандашная заклинка «каллиграфия» довольно ловко связывала судьбы двух людей в ущерб третьему. Письма попали в почтовый ящик на воротах сельсовета и скоро начали свой путь по назначению.

Заклинкин же был вознаграждён за доброе дело встречей с Агашей. Он проводил её на конеферму и счёл, что и здесь

произвёл хорошее впечатление. Вечером он дождался возвращения братьев и отметил про себя: «Николай не брал ружья, и вид у обоих очень серьёзный...» За ужином братья молчали, а Толя беседовал с Павлом Ивановичем и, довольный собой, отправился провожать Агашу. Девушка охотно слушала весёлого москвича и у своего дома задержалась. Однако случилось так, что Заклинкин, привыкнув к некоторым вольностям в обращении, совершенно неожиданно в ответ на нагловатое «движение» получил такую пощёчину, что у него, в точности по затасканному, но верному выражению, из глаз посыпались искры. А Агаша преспокойно объяснила:

– Вы, Анатолий, кажется, Николаевич, особо не обижайтесь. Не всякая допустит...

Всё это не помешало Толе спокойно уснуть. День прошёл для него не праздно. А пощёчина – пустяк!

Братья, притворив двери в горнице, тихо беседовали перед сном с Павлом Ивановичем, – беседовали довольно долго, около, часа. Бывший командир полка поставил точку, сказав:

– Военная тайна!

И без всякой связи со всем, говорившимся до этого, спросил:

– А вы, Алексей Фёдорович, этого Заклинкина давно знаете?

На полученное объяснение – ничего не сказал.

Утром Анатолий Николаевич пошёл на охоту, избрав целью озеро Большие Мочищи. Братья почти весь день провели вместе, что-то обсуждая и записывая. В четыре часа за Алексеем Фёдоровичем заехал товарищ Шуйских по пути в район из соседнего колхоза.

В семь часов вечера все четыреста шестьдесят два места в районном клубе были заняты. Вносили дополнительные стулья, мобилизуя все ресурсы. Проходы заполнялись теми, кто не поместился на широких скамьях со спинками. Товарищ Шуйских произнёс обычные слова вступления. Зал ждал.

Много разных людей – мужчин, женщин...

– Товарищи! – громко произнёс Алексей Фёдорович, испытывая резонанс незнакомых стен, и сделал паузу. Сказав себе «Ни одного специального трудного слова!» и встретившись с глазами Веры Георгиевны, он начал.

Учёный говорил о труде, о творчестве, сливая воедино бывших перед ним и себя. И те, кто слушал его, понимали, что он говорит о любви к Родине, об истинном смысле науки.

Безраздельно властвовала над собравшимися в зале мысль, утверждавшая вступление грядущего в сегодняшний день. Границ не было. Далёкие звёзды стали солнцем, и вот они излучают потоки сверкающего тепла на свободную Землю. Изменялся климат. Послушная воле, в урочный час рас-

цветала весна. Мрак отступал, изгоняемый из пределов владений счастливых людей. И самая смерть – неизбежность – готовилась пасть на колени! Ломались оковы Вселенной – шёл Человек!

И время исчезло... Аудитория принимала рассказы о замечательных тайнах энергии не только слухом и разумом, но и чувством. Люди тянулись вперёд, улыбались, беззвучно шевелили губами... Некоторые оглядывались и вновь замирали. Задние, не замечая, встали...

Почувствовав токи, идущие к нему из коллектива, общее чувство которого уже превращало случайное собрание в единое целое, Алексей Фёдорович связал себя с этим целым, что нужно одинаково и великому оратору, и каждому чуткому лектору.

На пределе волнения Алексей Фёдорович кончил простыми словами:

– И этим всем мы обязаны... – он назвал имя вождя советского народа и замолчал.

В зале было жарко. Люди очнулись не сразу. Глубоко взволнованный товарищ Шуйских дрогнувшим, но верным голосом начал слова первой строфы Гимна.

Давно так не пели в Чистоозерском. Три вечерних часа надолго остались в памяти людей, побывавших тогда в районном клубе...

Глава третья

В ДЕРЕВНЕ

1

После окончания доклада Алексей Фёдорович, глубоко взволнованный всем пережитым, незаметно вышел из двери клуба, забыв шляпу на столе президиума. Его встретила Лидия Николаевна. Она держала под руку свою молодую помощницу и радушно приветствовала Алексея Фёдоровича:

– Вы, конечно, останетесь ночевать у нас? Вам приготовлена комната в доме приезжих! А сейчас пойдёмте к нам пить чай.

Алексей Фёдорович довольно неловко отклонил приглашение, ссылаясь на необходимость вернуться в Лебяжье, и подошёл к машине. Ему хотелось побыть одному. Поспешно подбежавший шофёр завёл мотор.

В нескольких километрах от Чистоозёрского Алексей Фёдорович попросил шофёра остановиться. Он ходил в темноте по полю, не чувствуя высокой стерни, оставленной комбайном, удивляясь своему состоянию. Почему он отказался от приглашения главного врача? Естественно было бы согласиться... Алексею Фёдоровичу всё виделась масса внима-

тельных лиц и среди них ярко выделялось одно...

Он подошёл к машине, решив сказать шофёру вернуться в Чистоозерское, но вместо этого почему-то спросил:

– Вы давно живёте в Чистоозерском? – и сел на заднее сиденье, не вслушиваясь в ответ.

Водитель машины секретаря райкома знал наизусть каждый куст у дороги и каждую кочку. Взволнованный лекцией, он, по своему собственному выражению, вёл машину, «как дьявол». Не многим более чем через полчаса машина влетела в спящее село и круто затормозила перед домом Павла Кизерова.

2

Тёмная горница в доме председателя лебяженского колхоза встретила Алексея Фёдоровича огненной точкой горящей папиросы. Николай не спал.

– Ну, Алёша, как прошла твоя лекция?

Освежённый и несколько успокоенный быстрым движением в ночном, прохладном воздухе, старший брат ответил:

– Я, кажется, сказал то, что хотел. Ты знаешь, я в первый раз говорил перед такой аудиторией. Но я чувствовал, что меня понимают. Ты понимаешь, я чувствовал, что каждое моё слово доходит... Почему ты не спишь? Плохо себя чувствуешь?

На светящемся циферблате ручных часов стрелки пока-

зывали время за полночь. В темноте было слышно, как Николай натягивал сапоги. Он ответил:

– Просто здесь душно. Я хочу покурить на улице.

Братья вышли вместе. Над спящим селом в небе мерцали звёзды. Братья сели на широкую скамью у забора.

– А ты не хочешь спать? – спросил младший.

– Нет, я чувствую какой-то подъём. Дай мне папиросу!

– Смотри, не приобрети дурной привычки! – пошутил Николай.

Алексей Фёдорович курил, неловко держа папиросу. В густой темноте ничего не было видно, кроме двух красноватых точек.

– Сколько времени, ты думаешь, мы пробудем здесь, Алёша?

– Отец сказал мне, когда я говорил с ним из Н-ска, что он даёт мне отпуск и просит меня пробыть здесь недели две. Он хочет, чтобы я отдохнул и привёз тебя здоровым.

– Давай подводить итоги, – предложил Николай.

Собственно говоря, почти всё было окончено. После прочтения записей в книжке Николая Павел Иванович ежедневно выставлял сторожей на озере, но ничего особенного там больше не наблюдалось.

Братья решили сменять сторожей, чередуя дежурства на время остающихся лунных ночей. Следовательно, через несколько дней можно будет уехать. Завтра должен прибыть лаборант от Станишевского для приёма растений, преж-

девременно потерявших хлорофилл, и останков погибших птиц.

Отчёт готов, результаты анализов послужат потом приложением к нему. Главное – это описание наблюдений.

Старший знал многое, ещё не доступное младшему. Но Алексей уехал из Москвы до возвращения Степанова из Красноставской.

– Отец решит, – говорил Алексей Фёдорович, – у меня есть много мыслей и предположений, но ты знаешь, я не люблю игры воображения. Нужно уметь себя ограничивать. Все-му своё время.

Алексей помог брату в окончательной редакции отчёта. Изложение обладало теперь должной полнотой. Наблюдения Николая Сергеевича были очень ценны.

– Как великолепно, что я здесь оказался! – говорил он.

Следовало завтра отослать доклад.

– Полуночники! – с этим приветом из темноты, начинав-шей чуть светлеть, появился Павел Иванович.

– А ты не полуночник, командир? – отозвался Николай.

– Председатель колхоза может спать или не спать в любой час ночи. Это его дело. А вам кто разрешил?

Павел Иванович сел и, переменив шуточный тон на серьёзный, спросил:

– Всё о том же итоги подводите? Обсуждаете?

Выслушав, задал ещё вопрос.

– Как письмо пошлёте, а?

И, не получив ответа, вдруг неожиданно и непривычно для братьев, язвительно, вызывающе поддразнил:

– А вы поручите вашему гражданину милому, Заклинкину?..

Алексей Фёдорович счёл долгом заступиться:

– Поручить ему я, конечно, не собираюсь. Я его не знаю... Но вы его невзлюбили! За что же? Бесцветный, но безобидный человек.

Павла Ивановича прорвало:

– Эх, Алексей Фёдорович! Мы здесь по-колхозному судим, по-колхозному! Или любим, или не любим! Вы что же думаете? На вас люди не смотрят? Не беспокойтесь! В каждом доме скажут по два слова – и полная характеристика! Я споткнусь – мне заметят... Да я не про себя говорю. Вот, к примеру, Николай наш. Вы думаете, его здесь принимают с моих слов? Нет, я тут ни при чём. Его здесь ценили, мерили, весили по-своему. Он нам прошлой осенью советы давал по строительству. Толково вышло. Ему записали. Любит он в камышах наших комаров своей кровью кормить? Охотник? Понятно! Нашу степь любит? Понятно! Ему у нас двери открыты. В любой дом войдёт – за стол посадят, спать положат. Вот вы у нас несколько дней. Вам, Алексей Фёдорович, первое слово уже записали. Лекцию прочли? Завтра запишут второе. Поживёте ещё, запишут третье – и баста! И в самую точку попадут, будьте уверены! Я вас знаю, но я тут ни причём. У нас народ вольный, на слово не верит. А

вот такая штука, как ваш (он резко нажал голосом на слово «ваш») знакомый... Сразу как бельмо на глазу! Охотник? Врёшь! Ружья не держал и не хочет. Инженер? Фёдор полуграмотный больше его в десять раз знает! Ещё сказать? Хватит! У нас таких ценят с первого взгляда! Таким по курортам шляться! Чего он к вам привязался? Чего он сегодня шатался на Большие Мочищи?

Здесь «командир полка» прервал свою речь и достал папиросу. Огонёк спички в неподвижном воздухе осветил резкий профиль и сердито сдвинутые брови. – Так как же будем? Что же вы решите с письмом?

Братья молчали, не находя ответа.

– Так вот вам, друзья и мои дорогие гости, – Павел Иванович сказал это сердечно и тепло, – здесь я командир полка и я за всё отвечаю! Ваше письмо дойдёт, самое позднее... послезавтра. А там дальше, – завтра посмотрим!

Последние слова опять кому-то грозили.

3

Итак, сам того не подозревая, молодой инженер Анатолий Николаевич Заклинкин был взят на замечание!

Всё поведение, все жесты, слова и манеры гражданина Заклинкина были фальшивы в новой для него обстановке. Анализ, данный Павлом Ивановичем Кизеровым, был безупречно прост и ясен. А вывод? Этот вывод сам Заклинкин сделал

мгновенно!

Дома обоих Кизеровых – председателя колхоза и кузнеца – стояли рядом, разделённые только дворами. Разбуженный в тишине ночи шумом быстро проскочившего и резко затормозившего автомобиля, Заклинкин вышел во двор и задержался там. Пока он стоял и почёсывался, до него донеслись звуки голосов братьев, усевшихся на скамью.

В густой темноте, неслышно ступая босыми ногами, Заклинкин пробрался вдоль забора, притаился, отделённый от братьев только досками, и подслушивал, сначала спокойно, а потом с восторгом! Он многого не понимал и с жадностью запоминал, повторяя про себя услышанное. Какая удача! Какая удача!.. Как всё замечательно получается!

Но когда к братьям подошёл и заговорил бывший командир полка, председатель колхозной артели, Заклинкин начал дрожать, как в ознобе. Его обдало холодным потом не только от содержания речи, но и от гневного тона Кизерова. Заклинкину уже казалось, что петля душит его. Он уже видел себя схваченным этими грубыми мужиками. Они душили его – умного, ловкого, способного, красивого! Он внезапно вспомнил пощёчину, полученную от Агаши...

Когда трое людей ушли в дом, Заклинкин ненавидел их дикой злобой крысы, попавшей в капкан. Он вернулся в честный дом кузнеца и солдата Кизерова Фёдора, улёгся и, дрожа от страха и злости, воображал, что бы он с ними сделал, со всеми: с братьями, с Павлом Кизеровым, со старой

Фёклой, с Шурой-Сашурой, с Агашкой, со всем этим колхозом, с этими идиотскими врачами. Уж он бы их и руками, и ногами, и зубами, и ножом, и клещами, и огнём!..

И его жадное дыхание отравляло мирный сон трудовой семьи. Но за что? За что? А как же! Ведь они могли мешать ему! Ведь они уже мешали ему надевать каждый день новые костюмы, обувь, кутить в ресторанах, бездельничать, жить лёгкой наживой! Они мешали ему жить!

Несколько успокоившись, Заклинкин стал рассуждать. Главное – это скорее уехать. Вряд ли его могут здесь задержать, – что здесь могут знать? Ведь он ничем себя не выдал... Но своим лисьим инстинктом Заклинкин чувствовал прямую угрозу себе в словах председателя колхоза и окончание его монолога понял лучше, чем занятые своими мыслями братья. Завтра, вернее сегодня, – в дорогу! Остаться не было смысла. Он разведal в несколько раз больше, чем было приказано. Не только премия – его ждёт сверхпремия! И там, в столице, можно будет «переменить» кожу, – это Щербиненко обещал устроить. Ведь ему ещё два года «работы», а там обещано – за границу и новое гражданство.

Ночь тянулась бесконечно. Инстинкт всё твердил: беги, беги!..

ют.

Павел Иванович начал действовать на рассвете, ещё до восхода солнца. Он соединился по телефону с одним из своих друзей в районном центре – начальником районного отделения милиции. Тот обещал сговориться с аэродромом в областном городе, чтобы было место на московском самолёте для посланца в столицу. Обещал он также посодействовать, чтобы из Чистоозерского сейчас же прислали самолёт для переброски гонца в «область». Покончив с этой частью разговора, Павел Иванович повёл такую речь.

– Теперь слушай. У тебя дел много? Ты бы сам сюда прилетел, да пожил бы у меня денёк-другой!

– А что, у тебя дело есть? – ответил на приглашение приятель, руководствуясь не смыслом малозначащих слов, а тоном «командира полка».

Но Павел Иванович не был склонен к дальнейшей беседе. Он сделал паузу, откашлялся и закончил:

– А вот ты прилетай, мы с тобой и решим, есть дело или нет! Всё!

– Ладно, жди!.. – получил командир удовлетворивший его ответ и повесил трубку.

В эту длинную ночь Заклинкин не заснул ни на минуту. С первым лучом рассвета он был уже одет, но не выходил во двор. Подсмотрев, что председатель колхоза, наконец-то, прошёл по улице, Толя сделал над собой немалое усилие и побежал проститься с братьями.

– Я очень доволен знакомством... Теперь я поеду кончать отпуск в другом месте...

Братья ещё только вставали. Ранний визит и быстрый отъезд Заклинкина не произвёл на них впечатления.

А кузнец Фёдор Григорьевич посмотрел вслед гостю и сплюнул...

Осенью наши автоколонны быстро и весело возят тяжёлое зерно на линейные станции железных дорог. Заклинкин сделал около двухсот километров, сидя верхом на мешках с колхозной пшеницей в семитонной машине, и к вечеру в скором поезде уже мчался «домой».

5

Павел Иванович представлял братьям гонца. Потерявший на войне ногу солдат, колхозник Тагилов Пётр, не спеша повесил на грудь, под рубашку, мешочек с толстым пакетом, а председатель колхоза его инструктировал:

– Ты хоть и не пьяница, а помни – ни капли! И о пакете никому ни слова! И лучше вообще ни с кем в разговоры не пускайся. Помалкивай! И не спи! Выспишься после вручения пакета. Адрес есть на пакете. Ты его не вынимай понапрасну. Вот он тебе на отдельной бумажке – не потеряй. В столице погости, если понравится...

Тагилов сидел молча, глядя в сторону. Слушал внимательно и постукивал костылём. Поднял голову и посмотрел про-

низывающими серыми глазами на Алексея Фёдоровича. Потом глянул на «командира полка».

– Это как на войне?

– Да, Пётр Кондратьевич, и я на тебя полагаюсь. Мы с тобой отвечаем за большое дело. Если бы тебя не было, я сам бы поехал.

Ястребиные глаза опять прошлись по лицам.

– Доставлю. Будет сделано!

– Ты, Пётр Кондратьевич, там нашего Николая Сергеевича мать и жену увидишь. Ты о болезни скажи так: чуть поболел и здоров. А то напугаешь! – закончил напутствие Кизеров.

Ястребиный взор смягчился. Пётр Тагилов понимающе кивнул головой, положил в карман письма братьев домой, крепко пожал руки на прощанье и, ловко помогая себе костылём, пошёл за Павлом Ивановичем, который нёс на плече солидный мешок с деревенским угощением жильцам дома с мезонином, – так уж полагается по старому русскому обычаю.

Алексей Фёдорович смотрел им вслед и думал: «Какие у нас люди!» Потом, чему-то обрадовавшись, подхватил на руки Шуру-Сашуру и крепка поцеловал её в смуглую щёку.

Девочка взвизгнула, засмеялась, выскользнула из осторожно-неумелых рук, отскочила «для безопасности» на порог, потёрла щёку и спросила:

– А ты всегда такой колючий?

Николай, не узнавая брата, смеялся над его непривычной резвостью:

– Он, как ёж, колючий, ты его берегись!.. А ты, Алёша, становишься экспансивным. Я тебе советую, на всякий случай, бриться здесь каждый день. Знаешь, ты становишься любезным с дамами! Это – ново!

Девочка, не решаясь покинуть порог, сообщила:

– Папаня бреется через день и тоже бывает колючий!

Не смущаясь, Алексей Фёдорович широко улыбался и потирал подбородок. Правда, нужно побриться...

6

Павел Иванович встретил друга из районной милиции и усадил в самолёт своего гонца в Москву. Поглядев вслед самолёту, друзья не спеша пошли, мирно беседуя, по дороге.

Что мог сказать «командир полка» о Заклинкине? Ничего, если серьёзно подумать. Совсем ничего! Но Евгений Геннадьевич Меньшиков, начальник районной милиции, слушал его внимательно...

Николай Сергеевич решил взять брата на «домашнее» озеро.

Вновь прибывший их любезно проводил, оттолкнул лодку и направился в кузницу.

Фёдор Григорьевич, вместо приветствия, радостно гаркнул:

– На заре нынче птица валом валила на Гагарье! Если не взял ружьё, – бери моё, мне нынче некогда!

– А у тебя гость?

– Уехал, да ну его к лешему!

– Что так?

– А так!

Однако время сказать, что председатель колхоза не сразу узнал об отъезде Заклинкина. А когда узнал, крепко сжал зубы Павел Иванович. И про себя выругался крепко. Правильно почувствовал Заклинкин своим лисьим чутьём: решительный, верящий себе «командир полка» хотел задержать незваного гостя. Пусть будет превышение власти, пусть накажут за самоуправство – там посмотрим!

А в кузнице Фёдор Кизеров повернулся спиной к начальнику районного отделения милиции и сорвал своё дурное настроение на молотобойце:

– Зазевался, бей!

Евгений Геннадьевич повернулся к выходу, но перезвон молотков опять прервался, и кузнец закричал вслед:

– Геннадьич! Слышь! Меньшиков! Постой! Там у меня этот ферт оставил мешок и ружьё! Охотник! Ружьё забыл! Ты у меня их прими!

«Действительно, странно», – подумал Евгений Геннадьевич. А кузнец Фёдор (ведь вот обозлился мужик) всё добавлял:

– Какой он московский! Я знаю московских! Он – проща-

лыга!

– Раз вещи оставил, значит, вернётся или напишет...

– А ну его... Возиться с ним! – и Фёдор начал сильно ругаться. – Принимай! Не примешь? Так я бабе велю выкинуть в озеро!..

В доме кузнеца, под лавкой, Меньшиков обнаружил новенькую двустволку с начинавшими ржаветь стволами – нечищены после стрельбы, – и резиновый плавательный костюм. Зная решительный характер Фёдора Григорьевича, Меньшиков взял вещи, спасая их от неминуемого потопления.

Приласкав свою маленькую приятельницу Шуру-Сашуру, он навёл разговор на Заклинкина. Оказалось, что проявление толиной «любопытности» имело свидетеля. Шустрая змейка сообщала папаниному и своему другу:

– А этот длинный дядька с усиками, что у дяди Фёдора жил, сюда приходил и чемодан-то дяди Николая открывал!

– А как же ты это видела, хозяйка? Ты здесь была? – удивился Евгений Геннадьевич.

– Нет, я с улицы смотрела.

– А он чего-нибудь взял?

– Брал в руки бумажку, посмотрел и назад положил.

– А ты никому не говорила?

– Нет, я забыла...

– Ну и ладно, умница! Дядька просто ошибся...

Человек больших практических знаний и опыта, раздумы-

вая над скудными данными и наблюдениями, относящимися к Заклинкину, Меньшиков разводил руками: «Всё, вроде, пустое... Ниточек не то что на верёвочку, на тонкий шнурочек не наберётся. Хотя бы стащил что из чемодана! Нет, пустое дело! Взял бумажку, назад положил... Уехать сильно торопился – вещи забыл... Чорт же его знает! Мало ли какие чудачки по свету шатаются. Жаль, что не видел я его!..»

А Заклинкин, ещё в то время когда он сидел на колхозной пшенице и с облегчением ощущал стремительное увеличение расстояния между собой и «проклятым» председателем лебяженского колхоза (а ведь как хорошо всё шло!), проклинал свою забывчивость. Не раз вспоминал он и в поезде об оставленных в Лебяжем ружье и плавательном костюме.

Здесь школа Андрея Ивановича Щербиненко оказалась недостаточной. Почему же? Потому что одно дело – это рассуждать об опасности далёкой, незримой, ощущаемой только разумом. Послушен разум и гонит неприятную мысль. Так легко быть храбрым.

Но очень и очень большим, глубоким и чёрным кажется глазок пистолетного дула, гуляющий в крепкой чужой руке перед носом! Это целая бездна! И, чтобы остаться спокойным, глядя смерти в лицо, нужно иметь и душу, и такие свойства души, которых ни за какие деньги не купишь, – ни на какую валюту!

Глава четвёртая

НА ЗЕМЛЕ

1

Чем южнее, чем ближе к тропикам, тем стремительнее происходят смены дня и ночи. Зори коротки. Быстро всходит солнце и быстро заходит. День сменяется ночью, и ночь уступает дню без сумерек, без мягкой прелести вечерних и утренних часов. Безлунные ночи непроглядно черны. Днём же расплавленным свинцом льёт солнце беспощадный жар.

В среднеазиатских же пустынях, за несколько минут до захода, солнце собирает над собой лёгкие перья облаков, и, всё небо на западе сияет чудной игрой ежесекундно меняющихся красок. Но оглянитесь назад. Вы увидите, как от голых исполинских гор на пустыню шаг за шагом идёт мрак.

Но в наших широтах смена ночи и дня происходит по-иному.

Вот наступает утро.

Смутные пятна строений, деревьев, кустов начинают приобретать очертания. Тёмное небо слегка бледнеет. Звёзды тускнеют. Глаз вновь обретает возможность ощущать перспективу. На озере – лёгкий туман приподнимается и вновь

падает вниз. Пискнула пташка. Минута – ей ответит другая. И, вдыхая свежий воздух, не успеешь заметить, как стало светло. Восток розовеет, желтеет, и вдруг вспыхнет – сверкнули лучи и вышло оно, наше родное, доброе красное солнышко! Все ему рады: «День пришёл! За работу!»

А дышится как на рассвете, а бодрость какая! Ну как тут не жить, не любить, не творить?!

* * *

Для своего второго «урока» Алексею Фёдоровичу председатель колхоза выбрал подобное раннее утро:

– Нравится вам у нас, Алексей Фёдорович?

– Очень нравится!

– А вы у нас подольше поживите. Через неделю кончим с уборкой зерновых. Дела пойдут помельче, будем посвободнее. Начнём гулять всем районом! У нас для начала три свадьбы сыграют, – потом у соседей!..

Павел Иванович ехал в полевой стан и вёз с собой Алексея Фёдоровича после его дежурства на озере Большие Мочищи.

– Вы вот подумайте, Алексей Фёдорович, есть у нас поговорка одна, груба, да верна! Вы ведь не курите? Это не обязательно, даже хорошо! Не пьёте? Хорошо! Пить, так в меру! А вот не женаты? Это дело другое...

Павел Иванович смеялся:

– Да вы посмотрите кругом, какие у нас девушки! В сто-

лице себе не нашли – мы вам найдём!

В словах председателя колхоза звучала уже не шутка.

– Да мы вас женим – вот выбирайте по всему району. Любую сосватаем!

Прожил прошлой зимой Павел Иванович гостем недели две в доме с мезонином, оставил по себе хорошую память и сам ко многому пригляделся. Да и не так уж сложны были для его острых глаз сын и отец. И не так важно, что он не имел никакой подготовки, чтобы их оценить как учёных. Заметил же он то, что другие едва ли видели, – какой-то особый оттенок в отношении старшего брата к жене младшего. Вероятно, без других рассуждений понял он, что Алексей Фёдорович до сих пор не нашёл жены по себе. Павел Иванович и сам женился не рано...

– Смотрите, Павел Иванович, чтобы я вас не поймал на слове!

За этими словами, возможно, последовало бы что-нибудь и более определённое, но они уже подъехали к стану.

2

Вера Георгиевна была глубоко потрясена лекцией в районном клубе. Идя домой вместе с Лидией Николаевной, она без всякой причины вдруг расплакалась. Старшая подруга обняла её, приговаривая:

– Ну же, девочка моя... успокойтесь, не надо. Ну что! До-

вольно, моя хорошая...

Молодая женщина старалась улыбнуться, оправдывалась сквозь слёзы:

– Правда, как глупо, я сама не знаю, что со мной, я больше не буду... – но слёзы всё текли и текли.

Лидия Николаевна привела к себе свою Верочку, послала сказать, чтобы дома её не ждали. Напоила своего друга валерианой, постелила постель на широком диване в своей спальне и очень строго сказала:

– Спице!

Дождалась мерного, ровного дыхания, постояла, не двигаясь, чуть-чуть прикоснулась к чистому лбу под волной мягких волос и тихонечко вышла.

Сидела Лидия Николаевна в своей столовой, где с большого портрета на стене смотрел на неё до сих пор любимый, ныне покойный, человек в погонах подполковника медицинской службы, и сердито стала ему говорить:

– Ну, что же ты подумаешь? Ведь он чуть не всю лекцию свалил на бедную девочку! И ведь какую лекцию, если бы ты его слышал! Что же это? Ведь я мою девочку такой никогда не видела. А он понимал, что нельзя же так? Он же на неё смотрел почти всё время...

Тут ночной монолог прервала старая няня. Она вошла, зевая:

– Ты, Лидочка, не спишь? Ты с кем здесь бранишься? О-ох, грехи... А я легла, тебя не дождавшись...

– Спи, нянечка, поздно. И я сейчас лягу.

Обе женщины ни слова не сказали в последующие дни об Алексее Фёдоровиче. Вера Георгиевна кончила обработку истории болезни Николая. Станишевский просил прислать ему копию как можно скорее...

...Стояли ясные дни второй декады августа. Не за горами и первый осенний заморозок.

Товарищ Шуйских прислал с оказией объёмистый пакет с бумагами и схемами, приложив к нему записку. В ней секретарь райкома, со свойственной ему лаконичностью и ясностью, просил Алексея Фёдоровича ознакомиться, не теряя времени, с содержанием дела, так как завтра будет за ним прислана машина – ехать в райцентр на ответственное совещание по вопросу о развитии электрификации района.

Когда районные работники обсудили своё нужное дело и приняли решение, Алексей Фёдорович отправился в дом главного врача. Радушно встретив гостя, Лидия Николаевна послала за «своей» Верочкой, не предупредив её о посетителе, а потом ушла под предлогом вечернего обхода больницы.

Алексей Фёдорович смотрел на милое лицо, слушал единственный для него голос и сам говорил, всё больше увлекаясь замечательным чувством возможности полной прекрасной искренности с человеком, делавшимся всё ближе и ближе с каждой минутой.

Лидия Николаевна волновалась, но заставила себя не торопиться с возвращением. Войдя в комнату, она сразу по-

няла, что все нужные слова были уже сказаны. Может быть, немного грубовато, чего они не заметили, старшая заставила «молодёжь» поцеловаться. В первый раз!

А потом? Их поздравляли кто как умел, и они не смущались этими поздравлениями. Товарищ Шуйских потребовал, чтобы нужные записи были сделаны здесь, в райцентре, без промедлений, и произнёс перед новобрачными очень краткую, но очень тёплую речь.

Председатель колхоза, Павел Иванович! Кизеров, знал, что его любимые степи забыты не будут и особенно в гости не звал – сами приедут!

А Агаша про себя жалела, что Николай Сергеевич женат. Вот если бы он был не женат... Но умная и строгая девушка крепко держит своё сердце. Ни жизнь чужую ломать, ни делиться с кем-нибудь своим чувством она не собирается. Свет не клином сошёлся!

...А как дышится на рассвете, а воздух какой! День пришёл. Ну как тут не жить, не любить, думал Алексей Фёдорович, глядя на жену... И она чувствовала то же. Жить – любить – творить!

Глава пятая

В ГОРОДЕ

1

Нет, не о пределе человеческого существования задумался Фёдор Александрович, прочтя известие о смерти Артура Д. Форрингтона, большого учёного, своего ровесника, истинной причине смерти которого было суждено остаться тайной. И не о себе он думал, – не о том, что и он, наверно, не так уж далёк от естественного, неизбежного завершения каждой жизни.

Однажды, по какому-то случайному поводу сказал Фёдор Александрович сыну и нескольким близким друзьям:

– Я хотел бы умереть на работе!

И, как бы подчеркнув поднятым пальцем эту истину, Фёдор Александрович с мыслью о смерти покончил навсегда. Жизнь была до предела полной! И сейчас задумался он совсем о другом – о предстоящей работе.

Раз в полугодие, по порядку, установившемуся уже более шести лет назад, Фёдор Александрович должен был делать краткий доклад о работах в области энергии. Дважды в год его и его сотрудников заслушивали на небольшом сове-

щании. Место совещания чаще всего указывалось в одном из зданий, расположенных за древней кремлёвской стеной. Иногда же совещание созывалось в другом месте, – в высоком здании, расположенном недалеко от исторической крепости в центре столицы, на одной из высоких точек холмистого города. Несмотря на свидания с членами этих совещаний, а изредка и с председателем их в порядке текущей работы, Фёдор Александрович встречал окончание каждого полугодия с особым подъёмом мыслей и чувств. Это понятно тому, кто живёт для идеи и дела.

Академика не ограничивали в составлении зависящего от него раздела списка участников совещаний. Конечно, от полугодия к полугодию состав списка менялся. Старый учёный включал в него три категории: тех, кто должен был докладывать, тех, кто должен был выполнять намеченное по важным заданиям, и, наконец, тех, для которых первое присутствие на полугодичных совещаниях было посвящением в высшую степень «рыцаря энергии», так как побывавший там однажды уходил уже иным, чем входил...

2

В тишине прохладного и в жаркие августовские дни Старого Корпуса Института Энергии о многом думал Фёдор Александрович, занятый составлением своего раздела списка участников совещания.

Академик думал о материальных ресурсах своей родины. Ведь если сложить воедино все воды, пролившиеся на горы или упавшие снегом только за несколько тысячелетий, то хватит на все океаны. Если сложить усилия ветра, давившего на горы и долины со дня их рождения и до нашего дня, и сумму усилий направить в пространство, это будет куда сильнее; чем рычаг мечты Архимеда. Чудесная сила растений миллиардами корней дробила, в поисках пищи, камни и сделала их плодородными...

И учёный думал о своём народе, первым из всех замыслившим изменить мир согласным сложением усилий общества людей и уже совершающим задуманное...

Список участников совещания был окончен и отложен до чтения газеты и до разговора со служителем Степаном Семёновичем. Но, прочтя известие о смерти Форрингтона, Фёдор Александрович почувствовал, что чего-то ему не хватает, что составленный им перечень имён неполон. Он взял исписанный твёрдым, острым почерком лист бумаги и добавил в конце ещё два имени под номерами 24 и 25. «Теперь всё!» – сказал он себе.

Так были дополнительно включены старым академиком в ответственный список участников очередного полугодового совещания два молодых человека из группы новой темы, темы жизни. А не было ли это ответом на прошедшую стороной мысль о смерти?

Входит Степанов.

– Посмотрите-ка, Михаил Андреевич, список наших участников совещания. Не забыт ли кто-нибудь мной?

Внимательно читает ответственный список Степанов, останавливается на каждом имени...

Тихо в большом кабинете. Степан Семёнович, технический служащий, неслышно проходит по комнате, поправляет по дороге телефонный аппарат, – он сдвинут с места и трубка соскользнула с одного рожка. Степан Семёнович выходит: всё в порядке у них с Фёдором Александровичем в кабинете.

Фёдор Александрович откинулся на спинку своего жёсткого кресла. Старая вещь, но какая же прочная! Это работа «навек», талантливый труд московского столяра-краснодеревца.

Он смотрит на тёмную склонённую голову своего ученика. Волосы тщательно зачёсаны назад, но на темени упрямы хохолком непослушная прядь. Густые брови разделены глубокой, не по возрасту, прямой морщиной. Углы рта опущены.

Вчера для предстоящего полугодичного совещания был доработан доклад о последних наблюдениях Красноставской Энергетической Станции Особого Назначения. Учитель и ученик закончили его вместе.

Хотя Фёдор Александрович и называет по-прежнему загадочные излучения лунными аномалиями, но в самом конце доклада есть ответственные слова: «...последние наблюдения могут дать право предполагать искусственную причину...»

– Вы включили...? – и Михаил Андреевич назвал две фамилий новичков, прерывая мысли старого академика.

– Да, я считаю, пора. Они заслужили это. Новые люди на наших совещаниях – это наш успех. Да! А теперь нам нужно начать пересматривать наш учебный план. Опять! И план экспериментальных работ тоже.

Первая очередь Соколиной Горы начнёт действовать с весны.

Последующие часы были посвящены оживлённому обмену мнениями с несколькими работниками Института Энергии. Подготавливался проект решения Министерства о создании эксплуатационного факультета нового профиля.

4

Вечерело. Наступил час, когда на улицах города, открытых на закат, низкое солнце слепит пешеходов и водителей машин, тянет за ними длинные тени. Улицы, расположенные по меридиану столицы, уже закрываются первыми, ещё яркими сумерками. Зной спадает, и близится ночная прохлада, столь желанная в дни этого необычайно жаркого августа.

Технический служитель руководителя Института Энергии, по своему негласному праву, вошёл без предупреждения в кабинет и остановился перед столом академика. Зная привычки Фёдора Александровича, он молча стоял и смотрел на старого учёного.

– Что, Степан Семёнович?

– Человек приехал, сейчас с аэродрома. Был у вас дома, ждать не хочет ни минуты. Говорит – от Алексея Фёдоровича с Николаем Сергеевичем.

– Где же он?

– Здесь.

Постукивая искусственной ногой и помогая себе костылём, вошёл гонец лебяженского «командира полка». Не смущаясь пристальными взглядами, встретившими его, он внимательно оглядел кабинет и людей, чуть задерживая на каждом пронзительный взгляд ястребиных глаз, казавшихся очень светлыми на фоне загорелого, усталого лица.

– Мне лично профессора, Фёдора Александровича!

– Это я, садитесь, пожалуйста. Чем могу быть вам полезен?

Но гость не собирался воспользоваться приглашением сесть. Он пристально смотрел на приподнявшегося в кресле Фёдора Александровича.

– Я у вас дома был. Мне сказали, вы на работе...

Тут посетитель замялся.

– Мне бы подтверждение, чтобы ошибки не вышло!

«Видно старого солдата», – подумал Михаил Андреевич и сказал:

– Вот я, – он назвал себя. – Вот это – товарищи... – и он перечислил присутствовавших. – Мы все подтверждаем, что перед вами действительно Фёдор Александрович. Его сын и его племянник сейчас должны быть в селе Лебяжье, у Павла Ивановича Кизерова. Посланец был удовлетворён.

– Вижу, дело верное, – сказал он, сел на стул, расстегнул гимнастёрку, дёрнул нитку зубами и вытащил из холщового мешочка, хранившегося на груди, довольно толстый пакет.

– Вам от сына! – Он встал и, не обращая внимания на Степана Семёновича, хотевшего взять письмо, шагнул и вручил его Фёдору Александровичу.

– Приказано в собственные руки! – добавил он.

Фёдор Александрович положил пакет в ящик стола:

– Очень благодарен. Прошу вас быть моим гостем. Степан Семёнович отвезёт вас ко мне домой.

Но гость не уходил.

– Это срочное! В собственные руки! – повторил он.

Фёдор Александрович посмотрел на своего гостя с некоторым удивлением, но ястребиные глаза того выражали совершенную решимость.

– Вы тут же прочтите! – проговорил он тоном приказания. И обложка срочного письма была разорвана.

Прочтя первую страницу, академик поднял плечи, бросил взгляд на посланца, кивнул головой и продолжал чтение.

Окончив, он пожал руку Петру Кондратьевичу:

– Очень, очень вам благодарен. Вы отлично выполнили поручение. Сегодня вечером мы с вами увидимся...

Проходя через актальный зал, Тагилов сказал сопровождавшему его Степану Семёновичу:

– Все живы, здоровы. Что едят, не моё дело, – не знаю. Сказано важное, срочное. Всё!

Сидя в автомобиле, Пётр Кондратьевич вынул из кармана потёртый фронтальный пистолет Павла Кизерова, извлёк патрон, досланный в патронник ствола, защёлкнул кассету назад, в плоскую ручку, и громко, протяжно зевнул. Сейчас ему очень захотелось спать. Закачало, с непривычки, в самолёте.

5

Фёдор Александрович внимательно и спокойно прочёл письмо из Лебяжьего. Не торопясь, он положил в карман пиджака отдельную маленькую записку от сына. Затем он сказал, что переносит начатую работу на завтра, попросил остаться с ним только двоих – Ивана Петровича и Михаила Андреевича – и, когда все остальные вышли, поручил своему старому другу прочесть вслух письмо.

– Что же это всё значит? – спросил Иван Петрович, окончив чтение. Увлечённый новой темой, – темой жизни, – он был знаком с последними августовскими наблюдениями

Красноставской только в общих чертах и не понимал волнения, которого теперь не скрывал руководитель Института Энергии.

Фёдор Александрович стоял, опираясь руками о стол и подавшись вперёд. Против него, с окаменелым, неподвижным лицом, напряжённо скрестив руки на груди, сидел его ученик. Так они глядели друг другу в глаза, слушая чтение, и со стороны могло показаться, что сейчас произойдёт что-то решительное и неожиданное...

Листы письма задрожали в руках Ивана Петровича. Он кинул их на стол и схватил себя за бородку:

– Что же это? Да говорите же, наконец!

Жёсткие подрубленные усы старого академика чуть шевелились, точно Фёдор Александрович беззвучно шептал... События двух ночей на озере объясняли наблюдения тех же двух ночей на Красноставской. Озеро в степи пришлось в предполагаемом квадрате прикосновения к Земле волн, которые до сих пор назывались только лунными аномалиями! Что это за волны, теперь было известно! Да, сейчас никто не мог отрицать, сомневаться! Сомнения кончены!

Фёдор Александрович, преодолев волнение, заговорил:

– Конечно, как и откуда – сейчас не в этом дело! Теперь мы все понимаем и Красноставская проверена. Михаил Андреевич предвидел, да-с! Всё дело в том, что во вторую ночь он выключил защиту! Поэтому получился законченный опыт, и имеются сопоставимые данные. А если бы он защиту

не выключил? Что мы могли бы сказать? Посветило две ночи на озере – и только! А действия – никакого! А как теперь быть с докладом? Как, Михаил Андреевич?

Степанов отвечал взволнованным, прерывающимся голосом:

– Фёдор Александрович, право же, вы преувеличиваете!.. Ведь каждый на моём месте провёл бы ту же работу.

С юношеской живостью вскочил старый учёный и неожиданным движением обнял одной рукой молодого. Палец его ткнулся в грудь Степанову:

– Вот, извольте видеть! Я могу сказать, как он мне первый зачёт сдавал и на чём я его тогда провалил! А он мне теперь замечания делает! Преувеличиваю? Нет, не преувеличиваю. Уметь решать, уметь управлять, это значит – предвидеть. Так нас учит наша партия, да-с! И наша наука!.. Вы мне обещали никакой работой не брезговать, – продолжал Фёдор Александрович, – а самая трудная работа – это решать! Теперь, Михаил Андреевич, я вам буду сдавать зачёт, вы принимайте, а Иван Петрович запишет...

И академик стал медленно говорить, точно читая невидимую запись:

– Высказанные предположения полностью подтверждаются наблюдениями на озере Большие Мочищи, расположенном в восьми километрах к югу от села Лебяжьего Чистоозёрского района Н-ской области. Наблюдаемые в течение последних двух с половиной лет Красноставской Энерге-

тической Станцией Особого Назначения излучения имеют искусственный источник, расположенный, очевидно, в восточном полушарии и использующий Луну как отражающий экран. Излучения вызывают гибель птиц и малых животных. На насекомых действия не отмечено. Облучение человека вызывает тяжёлую болезнь, а возможно, и смерть. С целью предупреждения поражения этими излучениями нашей территории Красноставская Станция, во время стояния Луны в нашем полушарии, готова к работе на отражение всеми сериями, находящимися на её вооружении. Всё!

Окончив диктовать, Фёдор Александрович спросил Степанова:

– Принимаете?

– Да! – ответил молодой учёный старому академику.

6

Когда они шли по пустынному коридору и затем спускались по широкой каменной лестнице в актовый зал, Михаил Андреевич говорил:

– Недоверчивое и, я бы сказал, насторожённое поведение посланца из Лебязьего показалось мне и напоминанием и предостережением. Подумайте сами, Фёдор Александрович, – ведь сюда, в Старый Корпус, без особого труда и без проверки, – если не считать вопросов Степана Семёновича и вашего секретаря, – может войти каждый.

– Я так привык! – решительно возразил старый учёный. – Моя дверь всегда открыта. Во всех других местах – в лабораториях, в Экспериментальном Корпусе – совсем другое дело... Здесь же нет ничего интересного – ведь я вас отлично понимаю, Михаил Андреевич!.. Я не храню здесь ни одного документа. И за всю свою жизнь я никогда не имел повода жалеть о том, что ко мне свободно приходит каждый, кому я нужен. Я так привык. И в этом вы меня никогда не переубедите!..

Глава шестая

У ЦЕНТРА ЭНЕРГИИ

1

Человек постоянных привычек, Фёдор Александрович ни за что не соглашался покинуть старый дом с мезонином, старый привычный кабинет в Институте Энергии.

Раз навсегда установил он неизменяемый порядок: перед полугодовым совещанием участники его собирались за час до начала в Малой аудитории Экспериментального Корпуса Института, коротко обменивались последними замечаниями и соображениями, и затем, с точным расчётом времени, отправлялись в назначенное место.

Двадцать пять человек разместились в пяти автомобилях. Старый академик сидел прямой и строгий на заднем сиденье. Он думал о сыне. Не часто случалось, чтобы Алёша отсутствовал на этих совещаниях. Но отец улыбался. В привезённом нарочным письме, описывающем со всеми подробностями ночи на далёком степном озере, была отдельная, небольшая записка от сына. «Эх, глупый Алёша! Ну, я ему послал крепкую телеграмму! А Ане мы сделаем сюрприз... Ах, ты, белобрысый мальчишка...»

Как бы отец ни гордился своим взрослым сыном, он для него всегда немного ребёнок!..

2

Машины медленно проходили через ворота в башню старинной крепости, описывали кривую вправо и останавливались.

Двадцать пять человек вошли в широкие двери большого здания, оставили пальто, шляпы, кепи и фуражки и по широким мраморным ступеням, покрытым красным ковром, поднялись наверх в зал. До начала совещания осталось пять или шесть минут. Собравшиеся в зале приветствовали друг друга, пожимали руки. Фёдор Александрович представлял двух своих «новичков».

Многие из тех, чья личная биография давно перестала быть жизнеописанием отдельной личности и стала частью истории, много большей, чем история одного народа, были здесь.

В большом зале находились представители многих поколений – ученики и помощники вождя.

Они ждали Председателя и, стоя, беседовали.

Вошёл Председатель. Отвечал на приветствия, пожимал руки. Дойдя до Фёдора Александровича и Михаила Андреевича, – к ним невольно жались оба новичка, – Председатель сразу заметил новичков, протянул и им свою крепкую, све-

жую руку, спросил:

– Ваши новые? – и пожал им руки.

Видя эти глаза на знакомом с самого раннего детства лице, новички отвечали на привет, не слыша своих голосов. Но они слышали его, сказавшего простые, такие значительные для них слова!

А потом молодые, забыв всё, смотрели, как он шёл по залу. Они видели каждое его движение, точно он один был в большом зале...

Тем временем самым молодым из новичков, как милым маленьким мальчиком, любовался сквозь пенсне министр с усталым, добрым лицом и ласково улыбался... Точно он вспоминал свои давние первые встречи...

Молодой человек не помнил, как все сели и как он сам сел. Он не слышал точных и кратких слов Фёдора Александровича, Михаила Андреевича и других, прибывших из дальних пунктов. Не слышал он сказанного ими о теме жизни, о смысле событий на степном озере. Но он принял навечно несколько кратких вопросов и реплик Председателя. Может быть тогда, сразу, он и не смог бы повторить слова, сказанные Председателем, так как он отдавался всем своим существом необычайному чувству.

Когда пять машин выходили через ворота башни на пустую ночную площадь, над ними, после четвёртого перезвона, куранты ударили дважды. Люди в автомобилях молчали. Они снова переживали всё то, что было на совещании, они

жили чувством своего приобщения к высшей степени знания, в единственном и истинном центре энергии всего человечества.

Молодой человек не мог сразу вернуться домой. Он не чувствовал усталости и, погружённый в мечты, долго шёл по набережным реки, сняв шляпу и глубоко дыша свежим воздухом ночи. Пришёл рассвет. Молодой учёный сказал «здравствуй!» первым лучам ясной зари. Перед ним просыпался любимый город-гигант. Он неслышно вернулся домой. Молодая подруга-жена, – они день назад справили первую годовщину, – обняв мужа, сказала ему:

– Ты стал другим!.. Расскажи мне!..

И он сумел рассказать о многом, о сложном, но доступном простому и чистому сердцу.

Глава седьмая

МЫ ГОТОВЫ

1

В последние годы учёный редко бывал в одиночестве. Чем ближе подходила старость, тем крепче становились его связи, и почти везде и всегда его окружали люди, близкие... Только в кабинете Старого Корпуса Института Энергии ещё сохранились часы одиночества.

Решение посетить Красноставскую возникло, казалось, внезапно, – Фёдор Александрович никого не предупредил. И почти в последнюю минуту, в вестибюле Экспериментального Корпуса, он сказал Степанову:

– Прошу вас поехать со мной, Михаил Андреевич!

В самолёте Фёдор Александрович казался таким же, как всегда. Но Степанов чувствовал что-то необычное в настроении своего учителя и молчал, зная, что так нужно. И он был прав.

После недавнего полугодового совещания с Фёдором Александровичем что-то случилось... Никто не знает, в чём дело, он никому не говорил, ему и в голову не пришло бы сказать кому-нибудь. Но покоя не было! Когда же пришло

беспокойство?

Не тогда ли, когда спокойный голос Председателя полугодичных совещаний сказал: «Я знаю, учёные выполняют свою задачу! Это первое»?..

Когда Председатель говорил эти слова, его глаза встретились с глазами Фёдора Александровича... Нет! В этих словах не было вопроса. Только утверждение. И тогда не возникло никакой тревоги. Когда Председатель говорит, – тревоги не может быть.

Всю жизнь было так: мысли о деле не оставляли Фёдора Александровича даже перед сном. Иногда их бывало слишком много, – настойчивых, неутомимых мыслей. Тогда, чтобы заснуть, нужно было приказывать себе: «Довольно, не думай, спи, спи, спи...» – и заставить себя проделать в уме какое-нибудь сложное вычисление. Утром работа мысли возобновлялась там, где она была прервана ночью, – к легко шла дальше.

Но в последние дни мысли часто возвращались всё к одному и тому же: был ли вопрос в словах Председателя? Нет, вопроса не было! Вождь всегда говорит точно, и ясно. Он спросил бы, если бы ему было нужно... Он не требует, – но всегда бывает так, как он считает нужным. И это хорошо, – иначе и быть не может: ведь в нём воплощены великий опыт жизни и мудрость народа! Это хорошо и привычно. А в конце Председатель сказал: «Наш народ может жить и работать спокойно».

И вспоминается Фёдору Александровичу: когда Председатель сказал «это первое», он обозначил только порядок изложения своей мысли, не больше... Конечно же, – ведь Красноставская только часть энергетической системы страны и не самая значительная, не самая важная... Но каждая часть должна сделать своё дело!

На следующее утро снова пришла тревога. Она проснулась вместе с ним. И два дня, мешая работать, Фёдора Александровича мучило беспокойство, – непонятное, необъяснимое...

2

В белом шерстяном костюме и ботинках с очень толстыми каучуковыми подошвами, – эта одежда обязательна для работников и посетителей внутренних помещений Станции, – Фёдор Александрович, сопровождаемый Степановым, шёл в два часа дня по длинным помещениям, высоко перекрытым плоскими сводами, к «глазу» Красноставской.

Здесь очень тихо. Шаги двух людей, смягчённые тяжёлыми, мягкими подошвами, не слышны. И уже слышит вдали Фёдор Александрович хриловатый, надтреснутый звук, ту неопределённую, разбитую ноту, которую он ловил когда-то в наушниках старинного первого детекторного радиоприёмника. Этот звук доносится от центрального поста Станции.

Сегодня новолуние. Узенький серп Луны будет виден

невооружённому человеческому глазу вечером, на западе, во время захода солнца. Но, хотя ослеплённые солнечным светом глаза не видят её на небе, – сейчас, днём, Луна проходит над восточной частью северного полушария Земли. Поэтому Красноставская готова и «смотрит»!

Држа и вибрируя, светлое пятно лунного диска лежало на гладком экране наблюдательного стола, наклоненного в сторону наблюдателей.

В помещении под «глазом» Станции – бессменное дежурство, установленное Степановым. Несколько человек в бе-

лых шерстяных костюмах неутомимо лоцируют Луну.

– Здравствуйте, товарищи, – вполголоса говорит Фёдор Александрович.

Навстречу ему бесшумно скользнул дежурный начальник смены.

Старый учёный крепко пожал ему руку.

Дрожа и вибрируя, светлое пятно лунного диска лежало на гладком экране наблюдационного стола, наклонённого в сторону наблюдателей.

Академик с минуту смотрел на колеблющееся пятно с резко подчёркнутыми возвышенностями лунных гор и впадинами сухих пустынь, названных астрономами морями.

Один из дежурных инженеров сказал:

– С тех пор ничего нет!..

Не отвечая, Фёдор Александрович посмотрел на него и потом кивнул головой. Да, ничего нет... Академик знает это. С тех пор – это значит с той ночи, когда Степанов открыл тайну степного озера.

– Георгий Дмитриевич, – обращается Фёдор Александрович к очень высокому молодому человеку. – Прошу вас, – нужно сейчас же дать радиограмму нашим кодом на Соколиную Гору. Предупредите их, что сегодня, начиная...

Фёдор Александрович посмотрел на большой яркий циферблат точных часов, стоящих на высоком постаменте под стеклянным колпаком, и продолжал:

...– сегодня, начиная с девятнадцати часов и пятидесяти

пяти минут, вы будете брать у них всю мощность, включая все их резервы. Именно, все резервы... и пусть передадут, что я здесь у вас...

3

И снова молча идёт Фёдор Александрович со Степановым по тихим, обширным помещениям Красноставской. Дальнейший путь приводит их к началу одного из тех пяти тоннелей, которые в разных местах опускаются под Станцией глубоко в недра Земли.

Каждый тоннель служит вместилищем для нескольких сот бронированных кабелей. На глубине почти одного километра эти кабеля десятками тысяч тонких жил органически сливаются с лежащей в глубине чудовищной массой металла.

Электромагнитные силы Красноставской по воле операторов производили различное действие. Отсюда и принятое на Станции выражение – «серии». Оказалось возможным влиять на все виды волновой энергии. Первая «серия», или поле, притягивала потоки энергии. Под её воздействием токи энергии меняли своё направление. Варьируя включение мощностей, оператор мог отклонять потоки и изменять их направление, за исключением световой энергии, на которую воздействовать было нельзя. Так работала Станция в первую ночь появления потока «М» над степным озером. Так работала она иногда и раньше, стремясь изучить и понять приро-

ду того, что называлось «лунными аномалиями» ещё и сегодня, так как открытие Степанова и выводы, доложенные три дня назад на полугодичном совещании, хранились в тайне.

Но была на вооружении Красноставской и так называемая вторая «серия» – второе поле. Опираясь на энергию подземной массы железа, генераторы Станции создавали колоссальное электростатическое поле. Оно могло как бы охватить пространство над всем северовосточным полушарием Земли и дальность его влияния выходила далеко за пределы орбиты Луны.

Здесь ещё не место говорить о том, какие конечные задачи преследовала концентрация подобных грандиозных сил и о каких целях, о каком синтезе сил думали учёные как о предельном назначении Красноставской. Это выходит за рамки нашего рассказа об одном из эпизодов великой борьбы за мир, за жизнь.

Важно отметить только, что электростатическое поле Станции Особого Назначения повелевало всеми видами энергии: ему были послушны даже всепроницающие космические лучи. Все потоки атомных частиц и осколки атомных ядер отбрасывались по направлению, диаметрально противоположному их движению. Отсюда и возникло общепринятое в кругу учёных название, сначала казавшееся условным, а потом ставшее привычным, – «щит»!

Встретив «щит», потоки идущей извне энергии устремились назад, меняя свои электрические заряды. Обратное

движение осуществлялось с силой тем большей, чем больше была первоначальная энергия поступательного движения.

Только дважды до сих пор Красноставская была испытана на полную мощность отражения, на полную силу «щита».

...Фёдор Александрович повернулся к Степанову и сказал ему:

– Я хочу, чтобы сегодня был поднят «щит» полной мощности! Вы понимаете меня? Вы будьте здесь, но пусть они работают сами, – пусть они работают сами, Михаил Андреевич! Вы все взрослые... и вы и они тоже! Я буду только наблюдателем извне.

4

Во все дни августа этого года, обильного в западных частях страны частыми дождями и грозами, сменявшими необычайный летний зной, над восточными степями небо было неизменно чистым, безоблачным.

Спокойно догорала на темнеющем небе жёлтая вечерняя заря, предвещая на следующий день такое же тихое, ясное утро.

В километре от Красноставской с её сложными сооружениями – металлическими опорами, сетью проводов и длинными, гибкими щупальцами антенн, стоит высокий холм.

На вершине холма ещё сохранился кусок круглой стены, изъеденной временем. Кругом лежат осыпавшиеся камни

развалившейся башни – памятника давно угасших жизней.

Один из строителей Энергетической Станции Особого Назначения, любитель древности, копаясь в свободные минуты в развалинах, нашёл кусочки изразцов с дивной вязью восточного рисунка. Нежная прелесть причудливых изображений и богатство красок говорили о высокой культуре ремесла людей, построивших некогда эту круглую башню.

Неутомимые кирка и лопата открыли, наконец, любителю-археологу ход в неглубокое подземелье. Ступени уходили вниз. Сухой климат степей сберёг на стенах изображение созвездий, условные письмена – знаки планет и затейливые фигуры Зодиака. Много раз повторённый на камне рисунок пятиконечной звезды – старинного символа мужества и смелости – говорил о мечтах человека, смотревшего в небо и в будущее людей.

Здесь устроили маленькую обсерваторию и метеорологический пункт. Отсюда днём Красновоставская была видна, как на ладони.

Фёдор Александрович пришёл сюда, когда уже начинало темнеть. Сегодня ему хотелось остаться только наблюдателем. Там, внизу, у приборов управления станцией, часы дадут сигнал ровно в двадцать часов по московскому времени.

5

Смеркается. Дымкой затягивается ажурный амфитеатр

Красноставской. Зажигается первая вечерняя звезда. На западе висит серебряный серп молодой Луны. Влево, в посёлке, загораются первые огоньки в окнах домов.

Фёдор Александрович сидит на плоском камне, на холме, опираясь спиной о стену обсерватории. Здесь хорошо, тихо... В памяти мелькают без всякой связи, навсегда, казалось, забытые отрывки прошлого. Видит он себя студентом, молодым инженером. А вот угодливое, крысиное лицо подрядчика с бегающими глазками, прячущими наглую уверенность, и звучит вкрадчивый тенорок: «Вот-с, не угодно ли, замеры работ. Всё так точно. Комар носу не подточит... Вы извольте подписать, а это денежки вам-с...» И потом тот же голос, злобный и громкий: «Неженку строите? Все берут! Не смей драться! По суду ответишь!!!» Боже, как давно это было, да и было ли?

И видит себя Фёдор Александрович первый раз поднимающимся на кафедру университета. Первая лекция!.. Чувство неуверенности и стеснения, – тогда он ещё не умел видеть близких и родных в молодых лицах студентов.

Жизнь началась после семнадцатого года. Отсюда воспоминания ясны, точны. Он многого не понимал сначала, он был плохо подготовлен. «Наука вне политики», – так многие уверяли тогда, в том числе и те, с мнением которых он считался... Теперь же эти люди кажутся наивными, ограниченными. Эпоха детства, да... Как много он узнал! Наука может быть только партийной. Вне этого – хаос, блуждание, ошиб-

ки, путь впотьмах и без цели... Синтез знаний! Как всё связывается и всё оправдывается! Организация людей, организация энергии, – всё разумное, возможное, реальное...

И перед Фёдором Александровичем возникает образ Председателя полугодичных собраний. Он слышит его голос: «...учёные выполняют свою задачу...»

– Да, мы выполним! – отвечает Фёдор Александрович. Он встаёт, вынимает часы и смотрит на циферблат. Семь часов пятьдесят пять минут по московскому времени. Началось пополнение батарей. «Щит» может быть дан немедленно. Но он назначил время, – ровно в двадцать часов!

Красноставская может дать «щит» и самостоятельно, без помощи Соколиной Горы. Но это разрядит её батареи, придётся ждать пополнения.

Фёдор Александрович смотрит на лунный серп. Когда можно ждать удара оттуда? Вычислено всё: сила, могущая прийти, подсчитана. Но когда она придёт? Нужно предусмотреть всё. И в тот момент, когда на пятне Луны, отражённом на металле экрана под глазом Красноставской, появится яркая точка, когда приёмники Станции уронят предупредительный сигнал – «гкх», «гкх», тогда нельзя будет встретить решительную секунду с разряженными батареями!

На часах академика чёрные стрелки на светящемся циферблате показывают восемь часов без нескольких секунд.

Сейчас он, как Антей из древнего мифа, прикоснётся к источнику силы. Время пришло!

На центральном посту управления Красноставской молчание. Дежурный начальник Станции смотрит на смену сигналов. Конец длинной стрелки поднимается. Стрелка вращается, и её острый конец движется по чёрному двухметровому диску прыжками вверх, минуя цифры 100–200–300–400–500... Стрелка останавливается на 800 и потом опять прыгает: 1000–1100...

Одновременно с движением стрелки пополнение батарей контролируется звуковыми сигналами. По мере движения стрелки понижается нота, издаваемая рупором.

Рупор помещён над диском показателя. Звук углубляется, уходит вниз хроматической гаммой.

Сейчас всё связано – подземная гора железа, генераторы и металлические кольца, лежащие над Красноставской.

Дежурный начальник Станции стоит и смотрит. Рядом с ним двое помощников, они могут заменить его и помочь ему.

Михаил Андреевич сидит в глубине поста управления, у входа. Ещё три минуты. Степанову кажется, что он ощущает силу, готовую проявиться. Внизу – напряжённый железный мускул энергии, готовый отдать свою силу вверх. Энергия пополнится и преобразится в генераторах и встанет над Красноставской неотразимым «щитом». Она «побежит»

вверх, обращая вспять любую силу, встреченную на её пути. Вот она – сила сильных!

Степанов ещё по дороге в Красноставскую понял, что заботило Фёдора Александровича. Как дорог ему старый академик, как близок он ему! Добр Фёдор Александрович, но требователен, – беспощадно требователен. Не даст пощады ошибке, не забудет ошибки, пока не убедится, что она не только исправлена, но и причин, вызвавших её, нет. Сначала Степанов не понимал его... Прав Фёдор Александрович!.. Не должно быть ошибок! Проверка и проверка. Право на вывод даётся тяжёлым трудом, прекрасным трудом...

Дежурный начальник делает несколько шагов вперёд и кладёт руки на рубильники. Это мотор, который управляет последовательным включением «щита». Его помощники подходят к запасным моторам. Всё предусмотрено. Тройной контроль, если откажет первый пусковой мотор.

Ещё две секунды!

Фёдор Александрович смотрит с холма вниз, на Красноставскую. Двадцать часов. В стороне от Станции всплеснулись бесчисленные коротенькие синие огоньки. Они ничего не освещали и казались совершенно неподвижными. Они были такими же мёртвыми, как болотные огни, как искры на радиоантеннах или огоньки на корабельных ряях перед грозой.

Это была последовательно включена первая серий отражения, обычная. Огоньки постояли секунду или две, потом

исчезли.

Море синего света точно взорвалось, ринулось вверх и исчезло так стремительно, что глаз не мог уловить этого мгновения.

И тогда разом вспыхнул весь колоссальный купол Красноставской. Высочайшие столбы холодного синего пламени встали сразу на всех пяти тысячах двухстах двенадцати антеннах, бывших на вооружении Станции. Дрогнув, пламя вытянулось и слилось в сплошное сияние. И вдруг... море синего света точно взорвалось, ринулось вверх и исчезло так

стремительно, что глаз не мог уловить этого мгновения.

Эти явления сопутствовали началу работы «щита». Подчиняясь первому толчку грандиозного поля энергии, атмосферное электричество собиралось на антеннах Красноставской, чтобы исчезнуть почти мгновенно. Сам «щит» работал невидимо.

Так были включены все серии Красноставской: сейчас был поднят «щит» полной мощности. Он стоял в пространстве и был везде, куда его направляла Красноставская.

Тишины не стало. Сделалось совсем темно. Сверху собрались вызванные из небытия клубящиеся рвущиеся тучи. Вдали сверкали молнии, освещая рваную границу чёрных туч. Дрожь бежала по степным травам, громко зашелестели листья на кустах и деревьях.

Красноставская бросала в степи ветер и дышала холодом во все стороны.

8

Всё усиливаясь и усиливаясь, нёсся в лицо Фёдора Александровича морозный ураган.

Так и должно быть. «Щит» Станции отбрасывает все виды энергии. Замедляется беспорядочное движение атомов воздуха над Красноставской, проявляющее себя теплом. Воздух над Станцией бурно охлаждается, уплотняется и падает вниз, нарушая спокойствие атмосферы. А сверху стремятся

воздушные вихри, тщетно пытаюсь восстановить равновесие.

Сейчас над Красноставской образовалась жадная воронка, льющая вниз охлаждённый воздух. Пройдёт ещё немного времени, десять – пятнадцать минут, и забушует в степях, понесётся от Красноставской ледяными смерчами снежная буря. Но этого не нужно. Достаточно короткого удара «щитом». Так было намечено...

Уже утихает холодный ветер. Опыт окончен. Проверка произведена и вновь вспоминает старый академик слова Председателя: «учёные выполняют свою задачу!»

Следовательно, не было вопроса в этих словах? Конечно, нет! И сейчас совсем легко на душе у академика. От тревоги, томившей его все последние дни, не осталось следа.

Восторженно кричит, бросаясь навстречу Фёдору Александровичу, начальник демонстрационного зала:

– Нет, но какие снимки! Какие у меня будут потрясающие плёнки! Фёдор Александрович! У меня завтра к утру всё будет готово!

Но старый учёный не слышит голосов, не видит своих учеников. Хмурятся густые седые брови. Делаются глубокими две вертикальные морщины на лбу. А плечи расправляются, и совсем не кажется сейчас старым Фёдор Александрович, – силой веет от него. Отвечая на свои мысли, он, ни к кому не обращаясь, говорит очень громко:

– Что же, вот и отлично! И пусть! Наш «щит» не только отражает, он ведь и бьёт! Бьёт! Он ударит того, кто посмеет

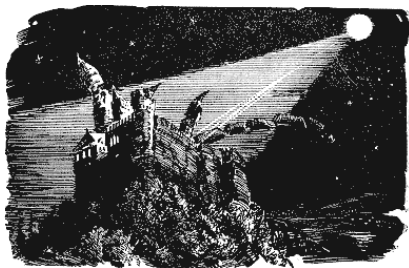
нанести удар! Да, – и его же оружием!..

Фёдор Александрович отыскивает глазами Степанова и произносит:

– Мы готовы!.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ *ЛИЦОМ К ЛИЦУ*

Глава первая

ЧЕРВЬ БЛИЗОК

1

Как всем известно, сэра Артура Д. Форрингтона погубила собственная неосторожность, чрезмерно увлекаясь осмотром памятников средневековой архитектуры в долине Рейна. Немного дней прошло с тех пор. Произошли ли какие-нибудь перемены в старом рыцарском замке после смерти старого учёного?..

Всё так же стоят крепкие каменные стены. Всё так же с плоской платформы, не ограждённой перилами, с высоты цитадельной башни видны частые огни, теряющиеся в вечерних сумерках на далёком горизонте. По-прежнему по ярко освещённому виадуксу с грохотом проносятся поезда, а в ложине, на аэродроме, тяжёлые самолёты жужжат ядовитыми насекомыми.

Одно изменилось: труба – толстое жало подземного завода – спрятана под каменным черепом замка и разу не поднималась к небу с той лунной ночи, когда покойный сэра Артур, увидев нечто, послужившее причиной его смерти, последний раз в своей жизни дал пищу западным газетам, жадно

ищущим очередной сенсации... Но жизнь в замке не остановилась. Электровозы затаскивают крытые вагоны в ущелье, ведущее к основанию увенчанной замком горы. Крепкие парни майора Тоунсенда осматривают доставленные грузы. Опечатанные вагоны осторожно вкатываются в нижний этаж подземного завода через открываемые только для них броневые ворота. На самолётах из-за океана прибывают окованные ящики из красноватых досок западного кедра. Ценные грузы! Молчаливая вооружённая охрана сопровождает их. Инженеры тщательно проверяют сохранность упаковки и сами участвуют в извлечении содержимого ящиков.

2

Толсты стены замка. Они сложены в XV веке из больших, грубо обтёсанных камней, и глубокие амбразуры окон не могут дать достаточного света в многочисленные комнаты. Нужно встать на низкий подоконник и сделать четыре длинных шага, чтобы выглянуть наружу через крепкие прутья недавно обновлённой решётки.

Поэтому, несмотря на солнечный день, в глубине одной из комнат замка горят электрические лампы. При их свете беседуют двое сотрудников Макнилла и Хаггера.

– Вам необходимо знать, что в нашей старой Германии ещё задолго до начала злосчастной войны девятьсот сорок первого года, – с неё начались все наши бедствия, – вели-

кий фельдмаршал Мольтке говорил так: тот офицер, который не изучил наполеоновские войны, не может быть генералом прусской армии.

Говорящий произносит слова чётко и старательно, с некоторым усилием. Ему отвечает густой, самоуверенный голос.

– Всё это было чуть ли не тогда, когда вы ходили на четвереньках и питались сырым мясом. Разные ваши мольтке могли безнаказанно поучать старых немцев на примерах наполеонов, ганнибалов, цезарей и всяких там древних дохлых полководцев!.. Интересно, что этот ваш Мольтке сказал бы теперь? И ведь вы-то не офицер прусской армии, я полагаю.

– О, да, да!.. Но где, скажите мне, прошу вас, где есть разница между офицером и инженером?

Задавая этот вопрос, господин Краус собрал в глубокие морщины кожу на лбу и высоко поднял жиденькие белёсые брови. От этого его круглые глаза, разделённые узкой переносицей длинного птичьего носа, стали ещё круглее. Его собеседник, господин Тайлсон, со скрипом раскачивался во вращающемся кресле и играл счётной линейкой.

– Философствуете, милейший Краус, философствуете!

– Слушайте меня, мистер Тайлсон! Наполеон учился вести тотальную войну. Тогда ещё не было такого слова, но это всё равно. А Мольтке? Мольтке уже учил вести тотальную войну, хотя и при нём ещё не было та кого слова. Адольф Гитлер хотел вести тотальную войну на Востоке, но не мог довести её до конца. У него не хватило силы. Для тотальной

войны нужна большая сила!

– Ваш Адольф собирался вести тотальную войну не только на Востоке! – перебил Крауса Тайлсон.

– Вы прерываете мою мысль, мистер Тайлсон. Вы хотите шутить над вещами, над которыми нельзя шутить. Вы знаете, о, вы очень хорошо знаете!.. Если бы Гитлер имел удачу на Востоке, мы с вами обо всём хорошо бы договорились. Да, мы обо всём хорошо бы договорились, и на Востоке был бы сейчас отличный порядок. Зачем говорить о том, что всем ясно? Но ответьте же вы мне! Вы не хотите согласиться, что в наше время не должно быть разницы между инженером и офицером?

– Время идёт, мой милый друг Краус. Рассуждаете вы отлично, а вот нам до последних дней здесь нехватало некоторых материалов. Что вы на это скажете?

– А это всё потому, что ваши инженеры не умеют быть офицерами. Они позволяют вашим рабочим бастовать. И вот ваш Бэлемский завод до последних дней не мог выполнять наши заказы. При чём тут моя философия?

– А здесь, премудрый Краус? Здесь ведь вам позволяют командовать!

Тайлсон показал в сторону окна счётной линейкой и бросил её на стол.

– Хотя здесь теперь очень близко к Востоку, ответил Краус, – но мы справляемся с нашими людьми. Они делают нужное. Мы умеем заставить их!

– Они плохо работают. У вас плохие рабочие. Да, они любят побездельничать и непрочь нагадить, если вы отвернётесь.

Краус начинал раздражаться. Грубый и иронический тон, которым Тайлсон вёл разговор, всегда сердил его. И манеры Тайлсона – тоже. Напрасно он сейчас бросил линейку. Линейки портятся от небрежного обращения, могут быть ошибки в расчётах. До чего же они умеют быть отвратительными, эти новые соотечественники! Но что поделаешь! Хочет Краус или не хочет, но для него мистер Тайлсон представляет вполне ощутимо авторитет западного континента. Только там сейчас деньги и сила, сила и деньги! Поэтому нужно уметь сдерживаться и уметь объяснять:

– Наша задача – обойтись без людей, если хотите.

– Как?

– Очень просто. Пожалуйста. Наполеон говорил: «Gros batallions ont toujours raison!»

Краус старательно выговорил известное французское изречение. Но мистер Тайлсон знает только свой родной язык.

– А что это значит?

– Это значит, что победа решается численным превосходством, мистер Тайлсон.

– Но вас никак нельзя понять, дорогой мой! Вы противоречите сами себе...

– Ничуть! Что такое армия? Пожалуйста: в наше время не нужна сила мускулов людей. Сила – в оружии! Людей –

долой!

– Вот вы и заврались! Машины сами не ходят. Мы когда-то верили Фуллеру с его теорией механизированной войны без людей. Гитлер добавил свой блицкриг. Правда, у него сначала вышло хорошо с Польшей и Францией, но потом русские доказали вам на вашей шкуре, что без людей не обойдёшься! Поймал я вас?

– Нет, вы меня не ловите, и я не попадусь, мистер Тайлсон! Сила в наших руках. Не ничтожная сила людей, а сила послушной нам энергии. И мы можем увеличить нашу силу. Пожалуйста! Если до сих пор мы могли действовать не наверняка, то теперь, увеличив массу исходного вещества для нашего «М», мы, сидя здесь, будем выводить из строя, и навсегда, любое количество людей. Да!

– Чорт вас возьми, вы совершенно сбили меня с толку! Вы сейчас говорите как офицер или как инженер?

– Как тот и другой одновременно, мой дорогой мистер Тайлсон! Как тот и другой! – торжествовал господин Краус.

– Как тот и другой... – эхом отозвался из глубины комнаты скрипучий голос профессора Хаггера.

Краус и Тайлсон быстро встали и обернулись. Хаггер вошёл беззвучно и, очевидно, слышал разговор.

– Вы оба мне нужны, господа. И – пригласите работников вашего отдела, господин Тайлсон, – сказал Хаггер.

Томас Макнилл молча слушал, а Хаггер говорил, касаясь длинной, тонкой указкой карты крупного масштаба, занимавшей часть стены. На карте была изображена Восточная Европа, от Одера до Уральского хребта.

– Этот пункт запишите...

Искажая чуждый ему язык, Хаггер произносил названия больших, густо населённых городов, расположенных на громадной территории.

– И этот тоже запишите... – и опять название крупного населённого пункта, жизненного и промышленного центра одной из областей Советского Союза.

Краус и Тайлсон записали десять названий городов.

– Господам Краусу и Тайлсону поручается подготовить расчёты для обработки с помощью нашего «М» указанных мною пунктов в следующие дни сентября... – Хаггер назвал числа.

– Вы, господа, поможете им! – обратился он к остальным.

– Есть предположение, что в эти дни будет произведён опыт использования нашего «М» в больших масштабах, – продолжал Хаггер. – Мистер Макнилл и я считаем, что, увеличив до доступных нам сейчас технических пределов мощность нашего «М», мы добьёмся полноты поражающего действия, и его безусловной надёжности. Да, введя в действие

большее количество «М», мы получим и его лучшее качество. И Хаггер кивнул головой Краусу.

– Вам понятно, господа, что мы готовимся перейти из области подготовки в область реального применения? Мы должны ожидать больших событий, – сказал молчавший до сих пор Томас Макнилл, хозяин замка на Рейне.

Краус не мог скрыть своего восторга. Он судорожно потирал руки, потрескивая тонкими, бледными пальцами, и старался заглянуть в бесстрастное лицо Хаггера. Мистер Тайлсон хлопнул широкой ладонью Крауса по плечу:

– Ну что, доволен, приятель? Теперь мы поведём с ними игру по-нашему. Мы забьём им такие мячи, что у них развалятся все ворота! А после хорошей работы мистер Макнилл даст нам заслуженный отпуск, и мы с вами съездим туда на прогулку – посмотреть на новый порядок. Для нас будут открыты все границы!

Макнилл и Хаггер не мешали проявлениям радости среди своих работников.

4

Да, в замке на Рейне есть перемены! После убийства старого Форрингтона отчётливее, яснее стали узы, связывающие представителей двух разных исторических традиций – гражданина западного континента Томаса Макнилла и последыша германской империи и кровавого третьего райха –

Отто Хаггера.

Властители родины Хаггера всегда искали решения международных вопросов с помощью грубой силы. Силой закреплялись на захваченных территориях, пытались силой стирать самые признаки национальности у покорённых племён. В дальнейшем, когда на помощь пришла послушная им наука, правящие классы центрального европейского государства стали запасаться самыми большими пушками, самой толстой бронёй, громадными количествами оружия, взрывчатых веществ, машин, моторов. Все страшные орудия уничтожения внезапно обрушивались на головы тех народов-соседей, вторжение в жизнь которых представлялось выгодным.

А послушные слуги капитализма, прикрываясь именем науки, создавали фабрики лжи и бредовых идей под названием научных институтов и учебных заведений. Вместе с культом материальной силы правящие классы изобретали теории расового превосходства и расовой неполноценности, исторического, якобы, назначения одних народов служить рабами для других. Так германская буржуазия предала свой народ и на время превратила Германию в зловещий форпост хищного империализма.

Но давали ли эти большие количества оружия и материалов ожидаемое от них качество действия? Приносил ли культ силы и захвата успех своим проповедникам?

Строгая и мудрая наставница человечества – история – не

раз и не два давала уроки хозяевам родины профессора Хаггера. Не раз и не два указывала им история на причины катастрофического провала грандиозных по своим размерам планов, порочных по своему содержанию, порочных по своему качеству. Но не мог Хаггер уйти со старой дороги. И не он один!..

Бессмысленную мечту о господстве над миром методами массового убийства, насилия и уничтожения унаследовал от последнего хозяина Хаггера – Гитлера – мистер Томас Макнилл, просвещённый гражданин западного континента, выразитель воли и чаяний тайного концерна заокеанских и островных империалистов.

Хозяин замка на Рейне был совершенно согласен с профессором Хаггером – все расчёты говорили в пользу действия!

Работа по изучению топографии Луны была вполне закончена. Созданная на подземном заводе подробнейшая карта лунной поверхности позволяла избирать все нужные плоскости отражения потока «М» на Землю в любой момент прохождения Луны над восточным полушарием. Взаимное движение Луны и Земли не было помехой. Подобно телескопу в астрономической лаборатории, «небесная пушка» оставалась неподвижной по отношению к этим двум движениям. Такое устройство давало возможность длительно посылать смертоносный «М» в любой пункт Востока.

Одно оставалось неясным и неразрешённым: непонятный

отказ «М», иногда и без порядка последовательности, проявить своё смертоносное действие. В чём причина? Почему во время последних опытов в начале августа в первую ночь на степном озере «М» оказался бессильным, а во вторую ночь действовал?

– Я считаю, – говорил Хаггер, – что большое увеличение мощности «М», недоступное нам в лабораторных условиях, устранил все неудобства. Во-первых, все препятствия будут преодолены потоком энергии, если он будет иметь мощность в пятьдесят-шестьдесят раз большую. Во-вторых, по расчёту он будет безусловно действителен даже для более крупных животных, чем человек.

– Я проверил расчёты Крауса, – сказал Макнилл. – Он дал очень убедительные доказательства подсчётам числа красных кровяных шариков у крысы, человека и быка.

– Мы получим диаметр снопа почти в тринадцать километров. Это даст площадь поражения в сто тридцать квадратных километров, – продолжал Хаггер.

– Только одно неясно, это – постоянство действия!

– У каждого офицера и у каждого учёного для обеспечения успеха должна быть возможность манёвра, – возразил Хаггер. – Даже если окажется, что в одном из избранных пунктов «М» не проявит себя должным образом, у нас есть большой выбор пунктов в пределах одной ночи!

Следует сказать, что переданная Лайдлом мистеру Смайльби просьба Томаса Макнилла о командировании в Н-ск наблюдателя носила вполне частный характер. Но хотя мистер Смайльби и не был посвящён в дела тайного концерна, ему слишком хорошо были известны деловые связи и влияние мистера Томаса Макнилла в тех кругах капиталистов заокеанской империи, где решается судьба каждого государственного деятеля и каждого правительственного служащего. Поэтому Смайльби был счастлив выполнить просьбу Макнилла. Это давало право рассчитывать на внимание крупного промышленника!

После смерти Форрингтона Макнилл счёл нужным использовать особые каналы для побуждения мистера Смайльби.

Была получена подпись, – не так уж важно чья, но для мистера Смайльби эта подпись имела значение приказа.

Прочтя полученное распоряжение, Смайльби по своей привычке длинно присвистнул и немедленно пригласил к себе Андрея Ивановича Щербиненко.

– Прочтите!

Смайльби ждал, засунув руки в карманы. Потом он взял у Щербиненко бумагу с грифом «особо секретное» и спрятал в сейф.

– Ну, что?

– Это похоже на подготовку к конфликту? – ответил Щербиненко вопросом.

– Это очень серьёзное дело. А вы не допустили ошибки, выбрав для поездки Заклинкина? – спросил Смайльби.

– Другого не было, – уклончиво ответил Щербиненко. – Теперь, когда мы предупреждены и представляем себе яснее смысл поручения мистера Макнилла, мы сможем обработать данные Заклинкина и не попадём впросак. Но я понимаю, что мне предстоит и более серьёзные дела...

Щербиненко не закончил своей мысли.

– На вас возложена большая ответственность, – напыщенно заявил Смайльби.

– Здесь это очень тяжёлая задача, – возразил Щербиненко.

– Вы слишком часто жалуетесь.

– Здесь трудно работать...

– Вы никогда не имели отказа в деньгах! – грубо оборвал Смайльби своего подчинённого. – Какого чорта вам здесь нехватает? Чего вы боитесь? Вы же видите, что предстоят крупные события. Вы понимаете, что нас предупреждают? Собирайте в кулак своих людей! Когда вернётся Заклинкин?

– С того дня, когда здесь ввели смертную казнь для тех, кого они называют шпионами и диверсантами, работа стала ещё трудней...

– У вас плохо с нервами, и это меня удивляет, – перебил Щербиненко Смайльби. – Слушайте меня. Коммунисты ни-

чего не смогут сделать с нами, – наоборот, скоро мы покончим с ними. Здесь мы будем хозяйничать... Вы мне не ответили, когда вернётся Заклинкин?..

Глава вторая

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

1

Щербиненко уже было известно об удачном начале работы Заклинкина из письма, полученного им из Лебяжьего.

Когда Заклинкин, нетерпеливо ожидаемый агент разведывательной службы, дал знать о своём возвращении, его встреча с обладателем незаметного поношенного коверкового костюма и затасканного портфеля состоялась без всяких промедлений.

Прекрасная память Заклинкина обеспечила стройное изложение всего слышанного и виденного им. Щербиненко выслушал подробный доклад и сделал все нужные заметки, пользуясь абсолютно надёжным шифром личной стенографии.

Из понятного самолюбия Заклинкин умолчал об «излишних» подробностях своего путешествия, к числу которых он отнёс забытые в доме сельского кузнеца вещи, агашину пощёчину и аттестацию, полученную от лебяженского председателя колхоза.

Однако довольно скоро дешёвая толина дипломатия по-

терпела крах. Скупой на похвалы Щербиненко весьма одобрил все действия своего ученика:

– Очень хорошо! Даже отлично! Вами будут довольны. И особенно ценно то, что вы, наконец, завязали интересное знакомство. У вас есть непосредственная связь с Институтом Энергии. Отправляйтесь туда завтра же и передайте привет от сына и племянника директору Института. Вы, конечно, запаслись словесным поручением от ваших новых знакомых?

Лицо у Заклинкина вытянулось:

– Андрей Иванович, я, право же, не смогу...

– То есть как? Это ещё почему? Чем вы недовольны? – В голосе Щербиненко звучали весьма неприятные нотки.

– Андрей Иванович! Честью клянусь! Ведь вы же меня знаете. Я совершенно не понимаю, что во мне нашёл этот проклятый председатель колхоза!..

И Толя был вынужден передать характеристику, выданную ему Павлом Кизеровым, лебяженским «командиром полка».

– И вот, ей-богу, Андрей Иванович, вы же теперь сами видите, если вы заставите меня сунуться в Институт Энергии, я смогу провалиться. Ведь вы же этого не хотите.

Обычно безразличное лицо Щербиненко приобрело грозное выражение. Он взял Заклинкина за плечи, притянул к себе и в упор процедил:

– А ну, болван, хвастун, вы наделали глупостей, и вы ещё

смеете что-то скрывать! Ну!!! Выкладывай всё! Это в твоих интересах!

Как ни извивался Заклинкин, как ни старался доказать безупречность своей «работы», ему пришлось признаться в рассеянности, из-за которой он забыл в доме колхозного кузнеца ружьё и плавательный костюм. Будучи совершенно деморализован грозным видом своего хозяина, Толя рассказал и о пощёчине, полученной от Агаши, представляя этот эпизод как пример «дикости» колхозников. Рассказал о посланном на имя жены Николая подложном письме. Не раз толина «исповедь» прерывалась окриками и бранью Щербиненко, но до причин толиного провала Щербиненко добраться не мог. Матёрый шпион убедился, наконец, что его подручный передал ему факты во всех мельчайших подробностях.

Немного подумав, Щербиненко так резюмировал своё мнение:

– То, что вы поспешили удрать, – правильно!

Эти слова повергли Заклинкина в ужас. Толя всё время убеждал себя, что у него «разыгрались нервы» и что не так уж решителен был смысл речи Кизерова. Теперь же тяжкие переживания ночи в Лебяжьем воскресли с новой силой.

И Заклинкин со слезами ловил Щербиненко за руки, просил о спасении, умолял о «перемене кожи».

Свидание закончилось тем, что Толя всё же получил кругленькую сумму, а о его возможном «исчезновении» Щербиненко сказал:

– Подумаю. Я вас не оставлю. Мы очень скоро увидимся...

Когда Толя покинул с должными предосторожностями место свидания, его не радовала, как это бывало когда-то, крупная сумма в кармане. Ужас висел на нём пудовыми гирями и давил к земле. Собственные ноги плохо слушались его. В каждом прохожем Заклинкин видел врага. Заметив милиционера, он едва удержался от желания бежать без оглядки...

Заклинкин с трудом заставил себя вернуться домой. Только после изрядной порции водки он забылся тяжёлым сном.

2

Умело составленная Смайльби и Щербиненко сводка наблюдений Заклинкина ясно показала хозяевам замка на Рейне, что действие их лучей «Л» и «М» на далёком озере наблюдалось советскими специалистами из Энергетического Института, что это действие подвергнется тщательному анализу и что данному факту уже придаётся значение.

Профессор Хаггер сказал Макниллу:

– Это ваша неудача! У них в руках есть нить, и они будут её крепко держать.

– Пройдёт много времени, пока они будут обсуждать и стараться понять. И вооружены ли они для этого достаточными знаниями? – возразил Томас Макнилл.

– Дорогой мистер Макнилл, – ответил ему Хаггер, – не в

первый раз я замечаю, что вы недооцениваете способности этих людей и их организованность. Да, было время, когда их этот, как его называют?.. – поп от служил бы молебен на озере об изгнании злого духа, – и только. Так могло быть в прошлом. Но теперь! О, нет! Допустите, что на озере находился простой мужик. Странный случай сразу попал бы в газету. Они очень любят писать в газеты. Да! И получается широкая огласка. Вам сообщили, что там оказался родственник директора их Энергетического Института. Я повторяю, не это имеет значение. Кто бы ни пострадал – всё равно, является обследователь! Я допускаю невежество первого обследователя. Но он всё же дал бы отчёт о действии нашего «М». Что дальше? Поднялся бы шум! И на место происшествия очень скоро приехала бы комиссия из учёных, – они умеют организовывать комиссии... О, мистер Макнилл, вы не знаете их, вы не жили рядом с ними и вы не воевали с ними!

Томас Макнилл рассмеялся:

– Вы очень впечатлительны, господин Хаггер. Я от даю себе отчёт в своих действиях. Но меня интересует, – почему вы, человек, который жил рядом с русскими и воевал с русскими, который всё о них знает, почему вы не сделали ни малейшей попытки удержать меня, когда я решил перенести опыты на их территорию? Почему вы молчали тогда? Если бы я был недоброжелательно настроен к вам, ваше поведение я мог бы определить весьма нехорошо!

– Я понимаю, – отвечал Хаггер, – я понимаю... И я знаю, я

всё знаю, я стар, я много жил и много думал. Я ничего не делаю зря. И я вижу вперёд. Вижу... Я хотел, чтобы вы сожгли свои корабли, так как иногда я боюсь вас и ваших соотечественников. У вас нет опыта. Вы оптимисты. Вы способны играть с ними и думать, что можете обыграть их. Вы способны пугать коммунистов и полагать, что вы их испугаете! Вы не понимаете, с кем вы играете и кого вы хотите испугать!

Макнилл с удивлением смотрел на своего собеседника. С искажённым от ярости лицом Отто Хаггер шипел, приподнявшись в кресле:

– И вы должны теперь выслушать меня! И молчать? Потому что вы многого не знаете! Вы ещё не заплатили за это знание! Но вы должны понять, наконец! И действовать!!! Их нужно убивать, убивать, убивать! Их нужно убить всех до единого! А потом нужно искать, не остался ли кто-нибудь из них в живых, и если остался, то найти и его, найти и раздавить. Но и тогда нельзя отдыхать, – нужно тщательно следить, не встанет ли кто-нибудь из них, из мёртвых!..

Томас Макнилл внимательно слушал Хаггера, а тот продолжал:

– Вы хотите шутить с ними... Вы готовы ещё выждать... Несмотря на сделанные вами распоряжения, до последней минуты у меня нет уверенности, что мы начнём... Выждать? Чего? О нет, верьте мне, всё было правильно до сих пор. Правильно, дорогой и искренне уважаемый мной мистер Макнилл!..

Профессор Отто Юлиус Хаггер, бывший тайный советник во времена третьего рейха, ныне полноправный гражданин заокеанской империи, продолжал говорить, обретая спокойствие, приличествующее его высоким званиям:

– Я не имел возражений против начала опытов на враждебной территории. Нужно иметь мужество сделать первый шаг. И я очень хотел, чтобы вы испытали наш «М» на коммунистической территории. Но довольно! Я буду возражать против дальнейших опытов. Такие опыты им помогут, и их учёные ещё легче сделают выводы. Мы должны действовать быстро. Войну нужно качать в этом году. Согласны ли вы со мной?

Томас Макнилл крепко пожал руку своему сотруднику:

– Я очень внимательно слушал вас, мой дорогой профессор. Я привык к вашему хладнокровию. Волнение может быть вредно в вашем возрасте. Прошу вас беречь себя. Вы можете быть уверены, что хотя я и не так экспансивен, как вы, но это ровно ничего не означает. Мы призваны для установления нашего господства над миром. Хорошая война будет для нас настоящим праздником, и, мы убьём множество людей. Не стоит возвращаться к этому. Но, когда я слушал вас, мне пришла в голову одна интересная мысль.

– Какая же? – спросил Хаггер.

– Совершенно простая и деловая. А не ударить ли нам их немедля, сейчас же, до наступления первой декады сентября?

– Я не понимаю вас.

– Это просто. Не раздавить ли нам между делом их Энергетический Институт? Для приличия можно сделать заманчивое предложение кому-нибудь из их учёных, а затем – хорошая портативная атомная бомба длительного действия! Они получат вместо своего института хороший очаг атомного распада. А?

– О, какая замечательная мысль, дорогой мистер Макнилл! – воскликнул Хаггер.

– И, кроме того, подобное событие само по себе осложнит международную обстановку и может вызвать конфликт. Что вы на это скажете, дорогой профессор?

– Я могу сказать только одно, мистер Макнилл, – вы обладаете воистину государственным умом! – с глубоким убеждением ответил Хаггер. – Теперь я вижу, что вы очень хорошо всё понимаете, и я прошу вас извинить мою горячность.

Но Томас Макнилл ещё не был вполне удовлетворён. Он продолжал, глядя на Хаггера с насмешливой улыбкой:

– Могу сообщить вам также, что некоторые предварительные шаги для выяснения возможности удара по их Энергетическому Институту, деятельность которого вас так беспокоит, я уже сделал несколько ранее.

На этот раз Хаггеру оставалось сказать только одно:

– Я преклоняюсь перед вашей проницательностью и дальновидностью, мистер Макнилл.

– Но должен признаться, что я принял в этом на правле-

нии окончательное решение именно сейчас, слушая вас! – этой великодушной подачкой Макнилл закончил свой разговор с Хаггером по поводу сведений, собранных Заклинкиным во время его путешествия в Н-ск.

3

Полномочный представитель мистера Макнилла привёл Смайльби зашифрованные распоряжения, снабжённые нужными подписями. Хотя этот путешественник и пользовался обычными путями сообщения, но он был облечён так называемой дипломатической неприкосновенностью. Поэтому в его багаже, минуя неудобства таможенного досмотра, прибыл также и небольшой плоский чемодан, размерами немногим больший, чем наполненный бумагами деловой портфель, вполне и совершенно невинного вида.

Поднятая крышка этого чемодана обнаружила бы гладкую никелированную доску, прикрывавшую содержимое, доверху наполнявшее чемодан. В правом углу доски находилось углубление, а в нём часовой циферблат. Большая стрелка указывала XII и была неподвижна – часы не шли. Маленькой стрелки и стекла на циферблате не было.

Гость торопился и через полчаса после своего прибытия устроил совещание с мистером Смайльби и инженером Щербиненко. Совещание было совершенно секретным.

Как-то негладко на этот раз вышло на работе у молодого инженера Анатолия Николаевича Заклинкина. «Беда одна не ходит» – и здесь не было у Толи отдыха, и здесь ждали неприятности!

В его отсутствие происходила сдача проекта. Работа была выполнена тем отделом проектной организации, где трудился и Толя, и предназначалась она для строительства хотя и весьма скромного, но очень нужного подсобного предприятия строительных деталей одного из заводов. Строители сильно «нажимали» на проектировщиков. Начальник отдела, человек в высшей степени занятой и несколько рассеянный, стремился выполнить задание досрочно и принял от Толи составленные им расчёты механической части и план размещения оборудования «на веру», без должной проверки.

При рассмотрении проекта вышел скандал. В толином «творчестве» экспертиза обнаружила грубейшие ошибки. Оборудование для обработки дверных и оконных рам не обеспечивало проектной мощности. Требовались дополнительные станки, а для них не было места. В силу этого ломалась и строительная часть проекта.

Досталось всем крепко. Начальник отдела капитального строительства министерства, человек крупного роста и силь-

ного характера, с головой, преждевременно поседевшей, но очень свежей, обрушил на головы проектировщиков свои-
ственные ему и подобающие такому случаю крепкие словеч-
ки.

– Напороли? Переделывать будете? А срок? Срок, я вас спрашиваю? Бездельники! Тратите государственную копейку! И на чём нарезались? На пустяке! Курятник, можно ска-
зать! Объект!

Робкая попытка главного инженера проекта, ответственно-
го за работу в целом, хоть как-нибудь оправдаться только
усилила справедливый гнев:

– Знаю я вас! Сами вы работаете, как вол, а других не уме-
ете заставить! У вас там кошечек воспитывают!

Деловой человек обладал цепкой памятью на факты и на
лица:

– Кто напорол? Заклинкин? Знаю его! Бездельник! А где
он сейчас обретается? Он почему не пришёл? Отдыхает? Гу-
ляет?!! Смотрите, сами лечитесь, а то я до вас доберусь! Всё!
Ступайте!

Смущённая группа проектировщиков уже в коридоре ми-
нистерства, в бурном обмене мнений, приготовила Толе
«тёплую» встречу. «Халтурщик» у многих был, как бельмо
на глазу.

Заклинкина ждал выговор, строгий и с предупреждением.
Многие из товарищей ему не подали руки. Тот из них, кого
Толя считал «приятелем», на развязное заклинкаинское при-

ветствие ответил:

– Не навязывайся, проходи, проходи! Тоже, называется, товарищ... Нас всех подвёл...

Заклинкина перевели в другой отдел, к жёсткому и требовательному руководителю. Попробовал он подать заявление об освобождении от работы, но в отделе кадров с ним серьёзно поговорили:

– Какие же у вас основания для ухода с работы? Государство вам дало образование. На народные деньги вас воспитало, вы получили диплом инженера. На что же вам жаловаться? Вас могли бы за вашу плохую работу просто уволить. Вам же дают возможность исправиться. Загладите проступок хорошей работой, – тогда и выговор снимут!..

Ни работать, ни исправляться Толя не хотел. Получилось у него «куда ни кинь, всё клин»!

Но хуже всего было воспоминание о Лебяжьем, живо воскресшее при словах Щербиненко и с той минуты не остывшее. Заклинкин чувствовал петлю на шее, а конец верёвки держала крепкая рука страшного и ненавистного Павла Кизерова.

Тяжко и неуютно стало жить Заклинкину. Трудно сказать, к чему пришёл бы он под воздействием страха, но очень скоро, дня через четыре после его возвращения, состоялась вторая встреча с Щербиненко.

С первого слова Заклинкин чуть ли не с криком стал настаивать на немедленной «перемене кожи». По времени

эта встреча совпала с приездом в известный особняк гостя из замка на Рейне. Заготовленные Заклинкиным аргументы остались неиспользованными. Щербиненко, не теряя времени, снабдил Заклинкина полным набором документов. Не так уж важно, где фабриковала фальшивки преступная рука, по виду у них был вполне «настоящий».

И вот не стало, совершенно не стало молодого инженера Анатолия Николаевича Заклинкина. Ушёл он из дома и с работы – и не вернулся. Взамен его появился новый человек под именем... Но что в имени? Под новым именем сидел всё тот же человек – Заклинкин.

«Не место красит человека, а человек – место». Так же и с именем!

5

Не забыли в Лебяжьем и в Чистоозерском молодого инженера Заклинкина Анатолия Николаевича.

Начальник районного отделения милиции без промедлений написал в Москву о наблюдениях и сомнениях председателя колхоза, Павла Ивановича Кизерова. Раздумывая над вещами, забытыми посетителем в доме сельского кузнеца, Меньшиков от себя добавил немного. И всё же его столичный адресат призадумался над полученным сообщением. Два обстоятельства заинтересовали его: связь неведомого заклинкинского имени с известным именем нашего круп-

ного учёного – это во-первых, и во-вторых, – что за мотивы и поводы оправдывали краткий визит Заклинкина в Лебяжье? Что ему там было нужно?

Начали с двух справок: по месту жительства, чтобы узнать, – есть ли такой человек, и по месту работы, чтобы получить первое представление о его личности.

И сразу же обнаружили интересные вещи. С работы дали характеристику, во многом совпадающую с образом, нарисованным Кизеровым, и добавили, что гражданин Заклинкин второй день прогуливает по неизвестной причине. На месте жительства оказалось, что такой гражданин действительно проживает и прописан, но дома его нет уже вторые сутки и куда он уехал, неизвестно.

Выждали день. Ни на работе, ни дома указанный гражданин не появился. Начат был розыск, и дело о Заклинкине попало в раздел срочных бумаг и было взято под контроль. Пропавший должен был быть найден и личность его выяснена!..

6

Недаром говорится: «Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить», или: «Сколько верёвочка ни вьётся, а всё же порвётся»!..

Андрей Иванович Щербиненко знал, надо думать, и эти мудрые наши пословицы, хотя и обходился без их помощи в

своих совещаниях со Смайльби. Тот русского языка не знал, и знать не желал.

– Итак, всю группу выпускаете в дело с Институтом Энергии. А что у вас останется? – спрашивал Смайльби.

– Вы это знаете не хуже меня, – отвечал Щербиненко.

– Ничего у вас не останется!

Щербиненко подчинён Смайльби. Подчинённые не должны задирать нос, эту истину Смайльби любит показывать всем своим видом зависящим от него людям. Но так называемый Щербиненко обладает большим стажем и большим опытом. Поэтому Смайльби выслушивает объяснения. Щербиненко говорит медленно, с большими паузами между фразами:

– Здесь невыносимые условия. Срок деятельности агента в этой стране короток. Я не получил никакого наследства от моего предшественника. И мои ресурсы кончаются... О крушении Заклинкина я вам рассказывал. Он пытался обмануть меня. Он не хотел понять своего провала и самообольщался. Хотя они все таковы. Агент почти никогда не может уловить момента провала, а когда приходит опыт, у него нет времени использовать полученный урок. Заклинкин глуп, но память у него от личная. Он дал мне полный отчёт. И теперь мне всё ясно: он привлёк к себе внимание, к нему начнут присматриваться, и его арест зависит только от времени. Я изучил все факты и обдумал их...

Щербиненко замолчал. Его бесстрастное лицо ничего не

выражало. Он добавил:

– Заклинкин провалился, но почему – я не понимаю... Он не сделал ни одной ошибки.

Мистер Смайльби сделал широкий жест:

– Я понимаю. Вы устали. Хорошо! Я верю в близость конфликта и разрешаю вам израсходовать и Заклинкина и всех ваших помощников. Всё равно здесь... – и мистер Смайльби указал в сторону окна, – здесь скоро будет по-нашему!

Щербиненко встал и сделал несколько шагов к окну. Он стоял неподвижно, с повисшими руками и с опущенной головой. Потом поднял голову. И не глядя на Смайльби, он сказал:

– Никто и никогда не оценит сил, потраченных мной здесь. Только одному богу известно... с каким напряжением я работал! Я буду благословлять час, когда я, наконец, смогу покинуть навсегда этот город и эту страну...

7

На улицах того района, где расположен Всесоюзный Институт Энергии, в последние дни появлялось несколько человек. Они появлялись в разное время и двигались в разных направлениях. Они не могли бы привлечь к себе внимания. Однако они изучали место...

Кто же это были?

Уголовный преступник, бежавший от наказания и найден-

ный Щербиненко.

Изменник, переброшенный через советскую границу.

Профессиональный шпион, ловко соединяющий звание члена «социалистической» партии одной из стран Западной Европы с репутацией «демократа» и прикрывающийся корреспондентской карточкой либеральной газеты.

Уцелевший последыш семьи старых врагов революции.

Диверсант, замаскированный украденным документом зарубежной партии рабочего класса...

Кто же они? Враги! У них нет никого, – ни родных, ни друзей, ни товарищей. У них нет даже собственных имён. И они всегда наедине с собой. У них двойная, тройная жизнь...

Они ходят, едят, пьют, спят и говорят, как люди. Они умеют улыбаться, они даже могут смеяться, как люди!

Но всюду и всегда они несут на себе плотную оболочку лжи, закрывающую их. Эта оболочка невидима, но каждую секунду своей жизни они чувствуют её и помнят о ней.

И ещё они несут с собой и в себе ненависть.

Это передовой отряд врага. Агенты атомной, чумной, водородной и прочих бомб. Сотрудники смерти и противники жизни.

У них нет ничего своего, собственного. У них чужие деньги в карманах, не заработанные трудом, текущие из мутного источника тайных ассигнований на борьбу с будущим человечества.

Их личная собственность – ненависть к нам, к тружени-

кам и простым людям, членам нового общества, к строителям коммунизма.

Это – «люди» Смайльби и Щербиненко, опорные точки классового врага.

День сбора им уже был назначен. Близкий день. И место уже было указано – укромное, за городом. Какое их ждёт «дело», они ещё не знали, так как о некоторых «делах» не говорят заранее.

Им было известно одно: дело будет серьёзным.

Глава третья

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ КОРПУС

1

Уже давно отцвели липы на городских улицах, и их нежные, пахучие цветы превратились в мелкие горошины плодов.

Уже желтеют листья на городских деревьях и начинают редеть их подстриженные кроны.

А за городом леса зелены по-летнему. Нужно внимательно присмотреться к ним, чтобы найти первые признаки увядания в ещё сильной и пышной листве.

Но конец августа даёт о себе знать. Удлиняются ночи, и всё холоднее становится вода в излюбленных для купанья местах Подмосковья. Заметно свежеет воздух по вечерам, после захода солнца. На низких местах появляются туманы, и город встречает возвращающихся дачников теплом, накопленным за солнечный день в каменных массивах зданий.

Не влияют урочные изменения погоды и смена времён года на жизнь города. Зимой и весной, летом и осенью одинаково грохочет он, одинаково торопится! Одинаково движется собственным своим движением всё скорей и скорей.

Неподвижна точка на карте. Неподвижны улицы и здания. Но всё здесь так бурно пульсирует, так быстро живёт и так изменяется, что наш город кажется людям подобием яркой планеты. Стремится она в пространство по избранному ею пути, отбрасывая в движении яркий свет в мир, озаряя самые отдалённые уголки человеческой жизни.

Город несётся в будущее. В его центре, на холме, над старой крепостью светятся красные звёзды...

2

Таким простым, таким «нестрашным» оказался Фёдор Александрович, что жена его сына вечером первого дня смело обняла старого академика и поцеловала его. Учёный, только что вернувшийся из Красноставской, бодрый, оживлённый, помолодевший, несколько растерялся, поцеловал руку Веры Георгиевны и сказал:

– Я, конечно, отлично понимаю, что так полагается. Но прошу вас больше меня не целовать. Я не привык, чтобы меня целовали.

Николай собирался, было, подшутить над растерявшейся и раскрасневшейся молодой женщиной. Но Фёдор Александрович остановил его:

– Прошу не понять меня ложно: Nonni soit, qui mal y

рsense!² Вы мне очень понравились, и я искренне рад за Алексея. И если тут чей-нибудь острый язык вздумает вас обидеть, обращайтесь ко мне!

Возможно, что в другое время Николай и получил бы замечание. Но дядя был доволен племянником. У них был разговор наедине. Николай рассказывал о своих наблюдениях. Положив ему руку на плечо, академик сказал:

– Вижу, чувствую в тебе перемену. Я всегда верил, что в тебе больше хорошего, чем легкомыслия. Но скажи мне, почему ты скрывал правду от Станишевского? Не торопись отвечать... Второй вопрос: почему не ты, а Станишевский телеграфировал мне?

Глядя прямо в глаза академику, Николай ответил:

– Дядя Фёдор! Я много думал об этом сам. Я был неправ. И в этом мне хочется признаться вам. Все последние годы так много писалось за границей о новых способах нападения на нас... Я подумал об этом уже в первую ночь на озере. И мне показалось, что тайна в моих руках. Мне хотелось заявить – это я! Это я понял! И я скрывал... Когда появился Алёша, я растерялся и начал думать о том, что я был неправ...

Николай опустил голову и замолчал. Молчал и Фёдор Александрович. Потом Николай поднял серьёзное, похудевшее лицо и продолжал:

– Дядя Фёдор! Прошло не много дней, а мне кажется, что

² Старинный девиз: Стыд тому, кто плохо об этом подумает.

очень много времени прошло... Я был неправ! Я не должен был молчать, скрывать!

Академик встал и опёрся руками о стол:

– Твои догадки? Что же? Бывало... Интуиция дилетанта может позволить и ему делать иногда правильные прогнозы, верные умозаключения. Так получилось и у тебя. Ты был очевидцем, а личное участие необычайно важно и продуктивно. Что же касается твоего молчания, то оно было таким кратковременным, что ничему не помешало и ничему не повредило. Я ценю искренность твоего признания. Но достаточно ли полно ты понимаешь, в чём смысл твоей ошибки?

– В том, что я хотел быть один?

– Вот именно! Тот, кто уходит в себя, кто преследует цель личного выдвижения, кто на первый план выставляет своё я, – не наш человек!

– Да, я понимаю это...

– Хорошо. Теперь тебе можно поручить серьёзное дело. Бери пример со Степанова, с Алексея.

3

Тата встретила мужа почти так же, как встречала после его обычных возвращений из командировок. Зоркий глаз матери Николая мог бы подметить, что Тата подставила её сыну только щеку для поцелуя, но Анна Александровна была слишком занята новым членом семьи.

Объяснение состоялось поздно вечером. Тата протянула мужу треугольное письмо:

– Прочти...

Она смотрела, как Николай читал, и видела, что даже уши у него покраснели. Он спросил:

– Ты это давно получила?

– Давно.

– Но ведь ты же не могла этому поверить!

– Сначала я не знала, потом я не поверила...

– Но я сразу почувствовал, что ты сердишься на меня!

– Это неверно. Я не сержусь на тебя. Но я не могу не думать, что ты не умеешь выбирать своих знакомых.

– Но ведь эту гнусность написала не Агаша, – я головой тебе ручаюсь!

– Пойми, что мне всё равно, кто это писал. Писал человек, который или которая знает моё имя, мой адрес и ещё какие-то обстоятельства. Пишут оттуда, где ты был...

– Клянусь тебе, что никто из моих друзей в Лебяжьем не способен на подобную гнусность!

– Перед тобой доказательство обратного!

Николай задумался. Что-то новое было в Тате. И всё это совсем не походило на ссору.

– Мне кажется, что ты изменилась ко мне.

– Нисколько, И я знаю, что дядя Федя доволен тобой. Но ты понимаешь, что я должна была много думать о тебе и всех нас. Мне кажется, что я стала что-то лучше понимать. Сей-

час я серьёзнее смотрю на жизнь.

– Расскажи же мне твои мысли, любимая!..

– Потом, Коленька, потом... У меня нет никаких тайн. Но меня мучает и будет мучить мысль – кто на писал это письмо? Я хочу знать это! Пойми, я говорю тебе не как женщина... Коля, это письмо отвратительное и страшное! Откуда оно, кто хочет нам зла? Кто?

– Я обещаю тебе, что мы узнаем! Я всё сделаю для этого. И я сейчас же пошлю это письмо Павлу Кизерову.

Он доберётся до истины.

4

В кругах учёных последние дни этого августа были отмечены важными обстоятельствами.

Один из наших крупнейших физиологов установил контакт с Институтом Энергии и, опираясь на руководимый им институт, разрабатывал предположения в отношении отдельных направлений рабочей программы и плана экспериментальных работ.

На сентябрь был намечен съезд биологов, физиологов и медиков. Были указаны день начала работ и место – актовый зал Старого Корпуса Института Энергии.

Съезд должен был также дать окончательное название новой теме, которая пока носила имя, родившееся в стенах Экспериментального Корпуса, – тема жизни. Иван Петрович

считал, что никакого другого названия и быть не может.

Несколько заметок общего информационного характера были опубликованы в специальных журналах и в газетах.

Было известно, что очередной выпуск трудов Академии Наук задержался именно потому, что его выход в свет приурочен ко дню начала съезда, так как он почти целиком посвящён первому отчёту Института Энергии по его новой теме.

Ожидали скорого приезда Станишевского. Формирование группы новой темы началось, и Вера Георгиевна была зачислена на работу.

5

Между Старым Корпусом Института Энергии и Экспериментальным Корпусом находится большой асфальтированный двор. Под прямым углом к стене, отделяющей двор от улицы, проходит высокая чугунная решётка. Она изолирует Старый Корпус от всех других зданий Института. В Старый Корпус входят прямо с улицы.

Для того чтобы пройти в другие здания Института, нужно получить разрешение, так как ворота и калитка в решётке охраняются.

Сегодня Алексей Фёдорович знакомил новую сотрудницу Института с экспериментальными лабораториями, растянувшимися на целый квартал. Для Веры Георгиевны здесь

было много интересного. Однажды она побывала здесь, но только в одной литерной лаборатории.

– Прежде считали так, – говорил Алексей, – каждое физическое тело имеет раз навсегда присвоенные ему качества и проявления. В сущности, старая наука в основном ограничивалась составлением каталога и занималась описательной классификацией. Так, говорили, что тело, получив извне энергию, движется, пока её не израсходует. Какую энергию и куда? На подобные вопросы был, в сущности, один ответ: энергия случайна, она должна быть израсходована, рассеяна... А цель каждого движения – остановка, покой. И понятие покоя как цели вносилось в смысл всех явлений. Химическая реакция, горение, вызывает тепло. Кончилось горение, и остаётся пепел. В те времена, когда отец сидел ещё на школьной скамье, всё было как бы разложено на полочки. На своих местах лежали металлы и минералы, тепло, свет, магнетизм, электричество, движение. И вот, на понятии движения, целью которого была остановка, на понятии жизни, стремящейся к смерти, основывалась философия пессимизма, философия упадка, философия империализма и фашизма. Но для нас вещество – это видимое проявление энергии. Мир, воспринимаемый счётом, мерой, весом, – кладовая энергии. Наша наука утверждает движение, жизнь.

Они находились в лаборатории № 1, в первом этаже Экспериментального Корпуса. Двери лаборатории выходят в длинный коридор нижнего этажа.

– Здесь наш первый опытный ядерный фильтр, – говорил Алексей.

Большой, значительно выше человеческого роста, цилиндр стоял на металлическом фундаменте. Рядом находилась другая, несколько меньшего размера. Оба цилиндра, как чешуёй, были закрыты толстыми листами металла с матово-зернистой, тусклой поверхностью.

– Очень важна оболочка. Это – защита, абсолютно непроницаемая для атомных частиц. Фильтрующей массой внутри служат естественные поры последовательно расположенных пластин. Процесс происходит в большом цилиндре. В его камеру помещают группы блоков чистого углерода, сплава 811 и энергита. Энергитом мы называем активизированную породу и конечный продукт. Через каждые двое суток внутри-атомный обмен даёт блок активного энергита.

– Но почему это называется фильтром? – спросила мужа Вера Георгиевна. – У меня со словом фильтр связано представление о процеживании...

– Здесь происходит отбор. Не все частицы нам нужны. Одни должны отойти, а другие – остаться. Приводя вещество в движение, мы получаем новое – в нужном нам виде и с новыми свойствами. Поэтому наш энергит обладает колоссальной активностью. Он перестроен. Стать энергией – его цель и наша!

Ниша в стене была закрыта очень толстым, слегка желтоватым стеклом. Внутри, на прозрачных полках, лежали куски тёмного металла разнообразной формы. Алексей Фёдорович продолжал свой рассказ:

– Здесь ты можешь воочию увидеть демонстрацию одного из важнейших законов диалектики – закона скачкообразного перехода количественных изменений в качественные. Смотри: лист, пластинка урана или плутония не проявляет себя развитием стремительной цепной реакции. Почему? Энергия частиц, вырывающихся за пределы пластины, как бы пропадает для этой пластины. А вот эти два полушария – это модель урановой или плутониевой, так называемой «атомной» бомбы. Если сжать эти два полушария, чтобы они образовали шар, реакция со взрывом произойдёт немедленно. Смысл явления заключается в том, что необходимо придать достаточную массу активному веществу. Эта масса называется критической. Тогда используются все нейтроны, образующиеся при реакции, и сама ядерная реакция происходит с эффектом взрыва.

– Способ весьма несовершенный, но достаточный для начала атомного террора и атомной дипломатии... А вот посмотри-ка на этот шар! Это модель заряда из энергита. Он куда сильнее и... – брови Алексея сдвинулись, – ...и на на-

ших заводах мы сможем изготавливать такие вещи тысячами, многими тысячами, если нас к этому принудят!..

В высокие окна ярко светило августовское солнце. Оба молча смотрели на предмет величиной с большое антоновское яблоко, лежавший на стеклянной полке.

Не замечая сама, Вера Георгиевна невольно взяла мужа за руку. В маленьком куске металла, от которого она не могла оторвать глаз, концентрировалась великая сила технического гения её родины.

А потом Алексей рассказал своей жене о том, как с помощью энергита был недавно исправлен один из участков морского пути...

7

Они шли дальше, и перед ними открывались всё новые и новые двери этой сокровищницы знания.

Но вот они и у деля. Узкие ступени сбегает вниз, под здание. Здесь тихо и прохладно. Прямые линии двери выделяются на облицованной стеклянными плитками стене. Алексей нажал кнопку звонка. Дверь подалась назад и ушла в сторону, открыв проход неожиданной глубины.

Они вошли. Рассеянный свет падал с потолка. В некотором отдалении от двери был виден неправильный срез массы металла. Почти под потолок уходила стена с впадинами и выпуклостями, неровная, вся в крупных и мелких порах.

Масса имела коричнево-красный цвет. По сторонам её – узкие проходы.

– Это Марк Михайлович! Прошу любить и жаловать, – голос мужа заставил Веру Георгиевну повернуться. Она подала руку курчавому брюнету, улыбнувшемуся ей, как старой знакомой.

– Вот, видишь ли, Вера, здесь начинаются наши будущие совместные владения. Сейчас я хочу, чтобы ты испытала излучения на себе.

Марк Михайлович ушёл в проход между коричнево-красной массой и стеной, а посетители сели на стулья.

Сзади них дверь закрылась с мягким шуршаньем. А потом показалось, что впереди что-то глубоко и продолжительно вздохнуло.

Как много впечатлений за один день! Вера Георгиевна ждала, что же будет. Она тоже вздохнула и посмотрела на мужа.

Ей стало казаться, что всё вокруг начало постепенно изменяться. Всё было неподвижно, в этом не было никакого сомнения, но всё делалось иным, будто нашлась новая, неизвестная точка восприятия мира. Появилась ясность мысли и радостное ощущение свежести.

А Алексей Фёдорович вполголоса заговорил о старой мечте человечества – о единой силе и источнике всех, сил, о реке живой и мёртвой воды.

Этот близкий, мечтательный и мягкий человек казался

молодой женщине таким сильным и мудрым. Благородная гордость женщины, гордость своим любимым, переполняла её сердце.

А сердце билось ровно и сильно. Она взяла себя за запястье и удивилась полноте мерных толчков артерии. Ей казалось, что она летит. Но она знала, что всё на месте, прочно, незыблемо. Были новые силы мысли и чувства. И хотелось остановить минуту, но время шло, и это было прекрасно...

8

В начале пятого часа пополудни Алексей с женой и Марком Михайловичем вышли из этого замечательного места. Они шли по коридору первого этажа, когда раздался глухой сильный взрыв. Где-то остро и длинно зазвенели падающие стёкла. В конце коридора послышался треск, и стёкла из рам посыпались наружу. Трое людей замерли.

Потом Марк Михайлович что-то крикнул, рванулся вперёд и, как показалось Вере Георгиевне, мгновенно исчез. Алексей Фёдорович бросился к стене и схватился за ручку двери. Он опустил её вниз и сильно дёрнул.

Вера Георгиевна не успела увидеть, что было за дверью и что там делает её муж, как Алексей снова, оказался в коридоре. На нём были высокие, очень большие чешуйчатые сапоги. Это она почему-то твёрдо запомнила. Мелькнуло напряжённое и решительное лицо, – такого лица она не знала у

Алексея. Он закричал страшным и повелительным голосом:
– Оставайся здесь! Не смей сходить с места!..

Алексей побежал громадными шагами по коридору. Что-то развевалось около него, а вместо головы был почему-то громадный шар. Она увидела, как в конце коридора, на повороте, Алексей чуть задержался, высоко подпрыгнул и исчез.

Где-то послышались очень громкие голоса, но она не могла разобрать слов. А потом настала полная тишина.

Вера Георгиевна не знала, сколько прошло времени. Она послушно стояла на месте, когда услышала, как кто-то зовёт на помощь. Тогда она пошла вперёд, прислушиваясь. Призыв повторился, и молодая женщина побежала. В конце коридора, там где он поворачивал вправо под прямым углом, она поняла, почему Алексей прыгнул. Взрывная волна прошла здесь. На полу лежало битое стекло и рамы окон. Массивные шкафы, стоявшие в строгом порядке в простенках, были сдвинуты с места. Некоторые были повалены. Один шкаф лежал поперёк коридора, опираясь на другой.

Зон повторился, ясный, близкий. Это здесь!

С неожиданной силой, не чувствуя, как ломаются ногти, Вера Георгиевна столкнула шкаф, лежавший поперёк коридора на другом. Она видела теперь дубовый массивный шкаф, – он лежал спинкой вверх, показывая некрашенные доски. Из-под него виднелась ступня в чёрном ботинке. Она была придавлена ребром шкафа и лежала неестественно.

но плоско. А прямо под ногами Веры Георгиевны виднелась кисть руки. Рука жила, – пальцы напрягались.

Вера Георгиевна наклонилась:

– Вы сильно ушиблены?

– Не знаю... Меня ударило, и здесь много стекла, – ответил довольно спокойный голос. – Я шёл по коридору...

Вера Георгиевна поднялась и посмотрела на шкаф., Он показался ей очень тяжёлым. «Это всё равно, – сказала она себе, – я должна его хотя бы приподнять!»

Она нагнулась и схватилась снизу за край в том месте, где он давил на руку человека.

– Сейчас, – сказала Вера Георгиевна и напрягла все силы. Она почувствовала, как что-то врезалось в ладонь, но шкаф приподнялся. Кисть руки исчезла. Показалась голова, а потом плечи. Освобождённый человек медленно выбирался из-под шкафа. Левую ладонь нестерпимо резало, но молодая женщина старалась поднять шкаф ещё выше. Она говорила вслух:

– Пусть режет, а я не хочу, я не выпущу!

Когда человек вылез из-под шкафа, Вера Георгиевна опустила шкаф и взглянула на руки. Осколки стекла, оставшиеся в раме, глубоко вскрыли левую ладонь. Ткань висела лоскутом, были видны белые сухожилия. Обильно шла кровь. «Пустяки! Несколько швов и две недели покоя!», – подумала молодая женщина. Она нагнулась, оборвала оборку платья и крепко, помогая себе зубами, стянула рану, чтобы умень-

шить потерю крови.

В человеке, бывшем под шкафом, она узнала Ивана Петровича, с которым познакомилась сегодня утром. Сидя на полу, Иван Петрович шевелил правой ногой и приговаривал:

– Ай, ай! Ай, ай!

Потом он схватил себя за бородку исцарапанной рукой, посмотрел на Веру Георгиевну и очень быстро заговорил;

– Ну, ну!! Что же это? Я всё думал, пока там лежал. Это не у нас в лабораториях! Вздор! У нас все меры приняты! Ерунда! Да и взрываться у нас нечему... Это на улице. Или во дворе. А? Да что же вы стоите! – вдруг закричал Иван Петрович. – Идите! Идите! Вам нужно на перевязку! И узнайте, что там. Кому-нибудь скажите, что мне отдавило ногу! Да идите же!..

Вера Георгиевна побежала к выходу. О раненой руке она забыла. Сейчас её вдруг охватила страшная, невыносимая тревога за мужа. Ведь с ним тоже могло что-нибудь случиться!

Когда молодая женщина оказалась во дворе, она вдруг почувствовала, что сейчас упадёт. Она вспомнила об артериях, вскрытых в тканях ладони. «Я не сумела хорошо стянуть рану... дрянь, слабая девчонка, не смей падать», – говорила она себе. У неё ещё хватило сил спросить кого-то:

– Где Алексей Фёдорович? Где он?

Но ответа она не успела услышать...

Глава четвёртая

ЧЕРВЬ У КОРНЯ

1

Ровно в двенадцать часов дня большой автомобиль, пробежав по шоссе, ведущему от столицы на северо-восток, замедлил ход, свернул в сторону по узкой тропе и остановился на поляне, в густом лесу.

Было жарко и душно. Парило. Чувствовалась, что к концу дня соберётся гроза.

Шесть человек разлеглись на поляне с видом горожан, приехавших на пикник. Щербиненко взял с собой из машины чемоданчик размером не многим больше набитого бумагами делового портфеля и присоединился к компании.

Теперь все семеро расположились в тени трёх старых берёз, посредине закрытой от дороги лесом широкой поляны, так что никто, оставаясь незамеченным, не мог бы подслушать их беседу. Поэтому Щербиненко нисколько не смутился, когда по краю поляны прошёл человек с корзинкой, прикрытой листьями, в левой руке. Прохожий, по виду молодой рабочий, наклонился, сорвал гриб и прошёл дальше, срезая на ходу корень ножом. Щербиненко проводил его гла-

зами и продолжал подробно и точно объяснять своим подручным, что и как нужно сделать. Он предусмотрел всё и распределил роли. Терпеливо добился полного понимания и остался доволен общей решимостью выполнить заданное.

Затем он дал каждому из шестерых по автоматическому пистолету не совсем обычного вида. Стволы оканчивались толстыми, раза в три больше диаметра канала ствола, цилиндрами длиной в восемь сантиметров.

Щербиненко, лёжа, выстрелил в берёзу. Пуля, брызнув корой, исчезла в дереве. Звука же выстрела не было. Лёгкое шипенье... и только! Продемонстрировав совершенство глушителя, «хозяин» раздал широкие ножи испытанной «западной» стали с вытравленными на клинках фигурками «человечков» из точек и чёрточек. Потом Щербиненко встал.

– Вы останетесь со мной, – сказал он Заклинкину. – Остальные едут в моей машине. Не торопитесь. Время есть. Встретимся ровно в три, на углу, как я говорил. Отправляйтесь!

Пять человек сели в автомобиль, молча, с серьёзными лицами. Машина вышла на шоссе и направилась к городу.

Щербиненко и Заклинкин шли некоторое время лесом, без дороги. Очевидно, чемоданчик был очень тяжёл, так как Андрей Иванович часто перекладывал его из руки в руку. Вскоре Щербиненко свернул влево, к шоссе. Он посмотрел на часы и ускорил шаг. Выйдя на магистраль, они некоторое время шли молча по обочине, пока их не догнал авто-

мобиль светлокориичневой окраски Щербиненко и Заклинкин сели в него. Андрей Иванович вытирал обильный пот с лица. Они продолжали удаляться от города. Но на первом скрещении дорог автомобиль, повернул, переехал железнодорожный путь и по другой дороге направился в город.

Тем временем автомобиль с пятью пассажирами шёл по магистрали с допустимой скоростью около сорока километров в час. Он уже приближался к тому месту, где шоссе проходит под Окружной железной дорогой, когда его стала быстро настигать трёхтонная грузовая машина.

Вероятно, на грузовике внезапно испортилось рулевое управление, так как, обогоняя, он метнулся вправо, потом влево. Шофёр резко затормозил. Грузовик пошёл юзом и развернулся поперёк дороги. Со стороны казалось, что-он сейчас перевернётся. Автомобиль, в котором ехали люди Щербиненко, успел тоже затормозить, но всё же ударился о кузов грузовой машины.

К месту аварии бежал милиционер. Движение здесь, было очень сильное, и пробка из машин, двигавшихся по правой стороне магистрали, росла с каждой минутой.

Пять человек, из которых один прихрамывал, а другой ушиб голову, вышли из своей повреждённой машины и стали совещаться, как продолжать путь. В это время к ним подошла группа людей в военной форме с малиновыми околышками фуражек.

...А Щербиненко и Заклинкин прогуливались тем време-

нем около угла улицы вблизи Института Энергии и ждали. Время шло. Щербиненко поглядывал на городские часы. Наконец, он пробормотал что-то на своём языке и сказал Заклинкину по-русски:

– Пора, идём!

– Но как же они? – замялся было Заклинкин.

– Не рассуждайте!

2

В последние дни августа пусто в аудиториях высших учебных заведений. Да и в их длинных коридорах немного людей. Испытания окончены, и только у дверей приёмных комиссий и в канцеляриях толпится молодёжь. Так и в Старом Корпусе Института Энергии, где находится излюбленный кабинет Фёдора Александровича. Тихо и спокойно здесь. Здесь он дома и здесь ему думается лучше всего.

Кругом тишина, – но если представить себе, что напряжение мысли и чувства можно было бы измерить, подобно давлению пара в котле, то установивший такой чудесный манометр сейчас заметил бы, что стрелка его дрожит и движется право, показывая повышение давления.

На вокзалах и в вагонах поездов куда чаще, чем обычно, слышатся молодые голоса. Уже готовится в путь, движется к центрам знания молодость со всех близких и дальних концов обширной советской земли. К общим целям направлены

мысли и чувства учащихся.

Ещё день, два или три – и всё закипит, зашумит в зданиях учебных заведений.

Поднимутся на тысячи кафедр профессора и преподаватели, затихнут во внимательном ожидании наполненные молодёжью аудитории, и тысячи разных голосов почти в одну и ту же минуту произнесут почти одни и те же слова:

– Товарищи! Мы начинаем новый учебный год...

...В кабинет Фёдора Александровича стучат. Дверь не закрыта.

– Прошу войти, – говорит Фёдор Александрович, не поднимая головы. – Прошу садиться, чем могу быть полезен? – продолжает академик, глядя на двоих, стоящих у дверей. И в то же время думает: «Разве секретаря нет на месте?..» Один из вошедших держит в левой руке небольшой чемоданчик. – «Когда-то такие носили врачи, нет... акушерки», – мелькает в голове Фёдора Александровича.

Ни тот, что ниже ростом и старше, ни другой – молодой, – оба незнакомы ему. Вид у обоих напряжённо-натянутый. «Наверно, изобретатели», – мелькает мысль. Здесь изобретатели нередкие гости. Вчера какой-то инженер говорил с академиком по телефону и просил разрешения встретиться. Не он ли это?

– Прошу садиться!

Первый сел в кресло против стола. Второй прикрыл дверь. Первый начал говорить. Очень вежливо, любезно улыбаясь.

Речь его звучала чётко и негромко. Он знает, что учёный владеет несколькими европейскими языками, поэтому он говорит на своём языке – с акцентом западного континента. Мы даём дословный перевод:

– Многоуважаемый господин профессор! Я буду очень и очень краток. Позвольте выразить вам моё уважение перед вами, учёным мирового масштаба. Я уполномочен просить вас немедленно выехать в... (тут он на звал государство, на языке которого он говорил). Только у нас ваши знания будут оценены. Только у нас вам воздадут должное. Ваши патенты дадут вам миллионы в полноценной валюте. Все ресурсы нашего государства будут в вашем распоряжении. Всё готово к вашему отъезду. И я вынужден сказать, что... у вас нет выбора.

Продолжая любезно улыбаться, посетитель показал Фёдору Александровичу большой пистолет.

Щербиненко очень торопился. И, несмотря на любезный тон, он даже не пытался скрыть, что никакой надежды на успех своего предложения у него нет.

Откинувшись на жёсткую спинку кресла, Фёдор Александрович молча смотрел на нежданного гостя. Он рассматривал его весьма внимательно и, кажется, при виде пистолета под седыми усами прошла усмешка. Не вспомнил ли он подрядчика с его взяткой? Боже, как давно это было...

Вежливо, не повышая голоса, Фёдор Александрович ответил на том же языке, но чистом, без акцента:

– Сожалею, что не имею удовольствия знать вашего имени. Полагаю, что вам нужен психиатр. Вы изволили ошибиться адресом. Прошу меня извинить – психиатрия не моя специальность!

– Я не шучу, профессор! Выбирайте, – сказал посетитель. Он встал и направил пистолет на Фёдора Александровича. Стоявший у двери сделал шаг влево и достал пистолет.

Фёдор Александрович поднялся. Опираясь о стол, он смотрел на них не больше секунды. Густые, седые, стриженные бобриком волосы, крутой лоб с двумя резкими вертикальными морщинами, подстриженные усы, ограниченные правильными складками щёк, и широкий бритый подбородок устремились вперёд. Он крикнул по-русски:

– Гадина! Вон!!!

Громадная комната была заставлена шкапами с книгами и приборами. Влево от входа шкафы отходили от стены. За ними было нечто вроде отдельного помещения. Стоя там и прислушиваясь к звукам незнакомой речи, Степан Семёнович протирает микроскоп новой конструкции, присланный Фёдору Александровичу в подарок одним из заводов точной механики.

Он выскочил на крик, не выпуская прибора из рук. Беззвучные пули убийцы, стоявшего у двери, ударили его в живот и в лицо. Звякнули стёкла шкафов, разбитых пулями, отскочившими рикошетом от микроскопа. Степан Семёнович упал ничком и остался лежать без движения.

Первый из посетителей, отделённый от Фёдора Александровича только шириной стола, держа по привычке гангстеров заокеанской страны, когда они стреляют в упор, пистолет перед грудью, разрядил его в академика. Выстрелов не было слышно, но пистолет не бил руку, и убийца знал, что пули попали в цель.

Фёдор Александрович, подавшись грудью вперёд, стоял, упираясь в стол. Казалось, что из его глаз вырывалось пламя. Убийца, бывший у двери, стремительно метнулся вперёд, споткнулся о Степана Семёновича, взмахнул руками, но удержался на ногах и рукояткой тяжёлого пистолета ударил Фёдора Александровича по голове.

Руки Фёдора Александровича согнулись в локтях, и он лёг лицом на стол. Заклинкин опять замахнулся, но его спутник удержал его за руку.

– Не будьте ослом, – довольно!

Но Заклинкин рвался:

– Дайте ещё, ещё, Андрей Иванович!.. Я ему ещё!..

– Не дурить! – Щербиненко ткнул его пистолетом в бок и отбросил в сторону. Заклинкин отскочил, опять зацепился за лежащего Степана Семёновича и злобно ударил ногой безжизненное тело.

Пока Заклинкин сопел и отдувался у двери, Щербиненко открыл чемодан, пальцем дважды обвёл стрелку по полной окружности и оставил её на цифре «II». Он сказал:

– Готово, машина заведена!

Щербиненко положил чемодан под стол к неподвижным ногам Фёдора Александровича и толкнул Заклинкина к двери.

Всё, описанное нами, заняло не больше пяти минут. Секретаря Фёдора Александровича всё ещё не было на своём месте.

Убийцы прошли по пустынному коридору, спустились по массивной каменной лестнице в обширный актовый зал Старого Корпуса. Их шаги гулко прозвучали в вестибюле. Щербиненко, любезно улыбаясь, кивнул швейцару.

Они шли медленно. На улице Щербиненко взял Заклинкина под руку и почувствовал, что тот дрожит мелкой дрожью. Он повернул к нему своё ничего не выражающее лицо и тихо сказал:

– Болван, возьми себя в руки!

Убийцы пошли влево и скоро повернули за угол.

3

Нелегко заставить уйти из жизни человека, который ещё должен что-то сделать!

Мы имеем основание думать, что технический служитель Фёдора Александровича очнулся сразу же после ухода убийц или даже немного раньше. Может быть, его привёл в себя удар, нанесённый Заклинкиным. Он пошевелил головой и приподнялся на руках. Ног он не ощущал. Подползая к сто-

лу, он старался увидеть, где Фёдор Александрович. Уцепившись за кресло, он подтягивался к нему.

Когда его голова поднялась над уровнем стола, он увидел седую голову, под которой расплывалось красное пятно. Вероятно, он думал сейчас только об одном: убили, убили, убили...

Он всё ещё поднимался, хотя ему очень мешали тяжёлые неподвижные ноги, и тянулся к стоящему на столе телефону. Он долго тянулся, обрывался, наконец, достал до шнура, натянул его и повалил аппарат, но трубка была у него в руке. Он держал её перед лицом, а говорить не мог! Раздроблённая челюсть висела, и в горле было что-то, что мешало ему говорить...

4

Дежурная телефонистка на зажёгшийся сигнал номера кабинета директора Института ответила: «Слушаю». Так она всегда отвечала. Но наушники молчали.

– Я слушаю, Фёдор Александрович! – Ответа не было. В наушниках что-то клочкотало. Шумит в ушах? Это бывает от напряжения слуха. Но сигнал продолжал гореть.

– Я слушаю. Институт, слушаю!

На этот раз в наушниках ясно отдался стук упавшей трубки. Огонёк сигнала по-прежнему смотрел на телефонистку. Она стала звонить в соседние комнаты Старого Корпуса, но

ей никто не отвечал. Наконец, отозвался швейцар:

– У Фёдора Александровича никого нет. Были люди, но ушли. Он, наверно, вышел, а Степан Семёнович убирает, стронул трубку.

Это успокоило телефонистку. Раз Степан Семёнович там, – всё в порядке.

5

Тяжёлая мёртвая нижняя часть тела тянет Степана Семёновича вниз. Руки его слабеют, он сползает на пол и падает головой на чемоданчик, лежащий под столом. Он видит ноги Фёдора Александровича. Он не чувствует боли. Его лицо омертвело. Ноги тоже мертвы.

Под ухом что-то тикает. Тиканье слышно из чемоданчика. Степан Семёнович знает всё в этой комнате. Это не их с Фёдором Александровичем чемоданчик. Степан Семёнович знает, что может значить такое тиканье. Они очень много знают, эти технические служители – «простые» люди.

Степан Семёнович ловит чемоданчик за ручку и ползёт к двери. Он подползает к двери. Эта дверь, к его счастью, открывается в коридор. И он уже в коридоре. Ему кажется, что чемоданчик тикает всё громче и громче.

Он ползёт и ползёт к длинной лестнице, спускающейся в актальный зал, а чемоданчик тикает зло и пронзительно. Вот начинает тикать пол. С треском тикают стены, потолок.

Тикает в голове, в руках. Только не тикают мёртвые ноги. «Врёшь», – говорит Степан Семёнович, но вместо своего голоса он слышит: «Тик-тик-тик». «Врёшь», – говорит он. Он уже видит верхнюю ступеньку лестницы. Оттуда ему навстречу яростно грохочет тикающая пустота актового зала.

«Врёшь!», – кричит он. «Врёшь!» И он волочит своё мёртвое ниже груди тело, ударяется о пол тем, что было это лицом. Но нет больше Степана Семёновича! С громом тикает кругом весь мир. «Врёшь!» – кричит богатырь, стоя наверху лестницы. И он с размаху бросает грохочущий чемодан в чёрную пропасть.

Искалеченный мертвец, лёжа на верхней ступеньке лестницы, вытягивает руку и разжимает пальцы. Чемоданчик встаёт – боком, наклоняется и, подпрыгивая, падает вниз по лестнице, на которой ещё нет ковра. Безжизненное тело вытягивается, перевешивается, сползает вниз на четыре ступени и обвисает.

От стола в кабинете к лестнице тянутся непрерывной цепью багровые знаки...

Так побеждается смерть!

6

Подпрыгивая по ступенькам, маленький, но тяжёлый чемоданчик упал на среднюю площадку лестницы, качнулся в последний раз и лёг плашмя. Он лежал и чуть-слышно ти-

кал. Нужно было положить на него голову, чтобы услышать негромкую звонкую работу механизма. Так чемоданчик лежал ровно две минуты. Потом он исчез.

Взвилась чёрная волна, рванулась во все стороны, зажгла оконные переплёты, выдавила их и с низким рёвом вырвалась в город. Внизу у лестницы начал тлеть паркет. Горячая волна отразилась от стен и потолков и рассеялась. То место, где был исчезнувший чемоданчик, как бы растворялось.

Жара уже не было, но мраморные ступени холодно плавилась. Лестница размягчалась, теряла форму и нижняя её часть уже текла медленными, тяжёлыми струями. Последовательно размягчались и верхние от площадки ступени. На их обрезах появились капли. Капли повисали, падали. На том месте, где был чемоданчик, материя начинала кипеть и пениться. Здесь в воздухе появилось очень густое, блестящее серое облачко. Сначала оно не превышало размеров подушки и казалось очень плотным. Но облачко увеличивалось стремительно. Оно вытягивалось вниз, выпуская острые языки, и вспухало вверх. В нём проскакивали очень яркие синие искры, мелькая во всех направлениях. В своей нижней части облачко начинало краснеть.

Распад вещества ускорялся с каждой секундой.

В Экспериментальном Корпусе, стоящем за высокой решёткой во дворе Института, взрыв слышали очень ясно. Из тридцати или сорока человек, бывших там сегодня, некоторые слышали этот звук не в первый раз в жизни. Это – мятеж

энергии атома!

Ещё сыпались звенящие стёкла дворового фасада Экспериментального Корпуса, как уже был дан сигнал аварийной тревоги и все рупоры диспетчерской связи повторяли автоматически и без перерыва:

– Авария! Одевайтесь! К антиреакторам! Авария! Одевайтесь...

Люди бросались к стенам своих лабораторий, надевали большие белые, матового металла, чешуйчатые сапоги и срывали со стен халаты. Из тяжёлых складок халатов торчали прозрачные шлемы с микрофонами и наушниками. Рукава оканчивались перчатками. Похожие на страшных призраков, люди хватали длинные, толстые чёрные цилиндры с ручками и короткими шлангами и выскакивали в коридоры. Изпод шлемов кричали громкие, усиленные аппаратами, голоса:

– Где, где? У кого? В какой лаборатории?

По двору к старому зданию уже бежали Алексей Фёдорович и Марк Михайлович.

– В Старом Корпусе! Сюда все! Скорей!

Двор наполнился фигурами в костюмах призраков. Усиленные микрофонами голоса покрыли шум:

– В Старый Корпус! Это там! Скорей!

Перед ними зияли распахнутые взрывом дымящиеся двери и пустые окна старого гнезда. Оттуда доносился клокочущий звук распадающейся материи.

Вскочив первым в актальный зал, Марк Михайлович споткнулся, упал на колени, поднялся и, держа обеими руками над головой чёрный цилиндр, бросился к лестнице, по которой ему навстречу очень быстро струился острый язык свинцового облака с проскакивающими в нём и над ним синими молниями. Уже начинал бушевать ураган атомного пожара.

Марк Михайлович замахнулся, с криком, всем телом метнул цилиндр и упал головой вперёд. Антиреактор лопнул, и зал наполнило плотное жёлтое облако.

Но уже шли ещё более плотным строем люди и били перед собой и в стороны мощными, укрощающими предательский бунт материи невидимыми струями. Жёлтое облако садилось. Градом сыпались тяжёлые, твёрдые каменные капли. Они стучали по прозрачным шлемам укротителей бунта материи. Мгновение – и воздух стал прозрачным.

Чёрный паркет, обугленные перила лестницы и двери уже не дымились. Только там, в глубине воронки, на том месте, где остановился чемоданчик, доставленный сюда из замка на Рейне, ещё клокотало, ещё стояло свинцовое облако и проскакивали синие искры. Последний напор неразличимых бесцветных струй – и камень вновь стал камнем.

По первозданному застывшему хаосу, помогая друг другу, люди карабкались вверх. Ведь он там, там, он был у себя, в кабинете, в своём старом любимом кабинете...

А дежурная телефонистка на коммутаторе, задыхаясь от наполнявшего её комнату дыма, всё ещё звонила всем и кри-

чала: «Взрыв, Институт Энергии, взрыв, пожар, Институт Энергии...»

На перекрёстках улиц милиционеры резким движением поднимали палочки, останавливали движение. С пронзительными тревожными криками неслись тяжёлые пожарные автомобили. Звоня и завывая, они мчались отовсюду, с самых дальних окраин, сюда, к Институту...

Глава пятая

ПОСЛЕ ПОКУШЕНИЯ

1

В комнате партийного комитета большого завода громкоговоритель приглушённо передавал прелюд Рахманинова.

Внезапно не привлекавшая внимания музыка прервалась, в рупоре щёлкнуло и неоконченный пассаж сменился едва слышным голосом:

– Передаём важное сообщение. Сегодня, в шестнадцать часов двадцать минут, произведено злодейское покушение на жизнь директора Института Энергии академика Подарова...

Торопливая рука повернула головку регулятора, и теперь уже громкий голос продолжал:

– ...пожар в Институте Энергии потушен. Положение раненого весьма тяжёлое. Следующее сообщение о состоянии его здоровья будет передано через два часа.

Ещё не были произнесены последние слова важного сообщения, как секретарь заводского парткома уже набирал номер телефона секретаря районного комитета партии:

– Веденеев говорит. Трофимова мне. Да. Товарищ Трофи-

мов? Я по поводу важного сообщения...

Крепко сжимая трубку телефона, Веденеев с остановившимся взглядом слушал секретаря райкома. Потом сказал:

– Понятно. Как же, и Институт Энергии и Фёдора Александровича у нас хорошо знают... Призыв к бдительности? Рассматривать как сигнал активности врага? Понятно.

После окончания первой смены на заводе прошёл митинг.

Веденеев призвал коллектив к выдержке и бдительности. Он говорил об ответственности организаторов и подстрекателей диверсий, о провокациях врагов мира, о бессильной злобе поджигателей войны.

Его слушали с грозным молчанием. Резолюция требовала строжайшего наказания преступников.

2

Страна узнала о злодейском покушении одновременно со столицей. Повсюду, в городах и сёлах, на заводах и в учреждениях, прошли собрания.

Телеграф и радио передавали в центр резолюции профессиональных и культурных организаций, собраний колхозников, рабочих, учёных, интеллигенции. Суровый голос советского народа звучал на весь мир.

Из-за границы начали поступать телеграммы от многочисленных друзей Советской страны.

Павел Владиславович Станишевский, услышав о несча-

стве, не потерял ни минуты. Он телефонировал областному комитету партии и начальнику гарнизона:

– Я могу быть там полезен! Могу быть нужен! Прошу вас немедленно дать указания на аэродром, я выезжаю туда!

И через двадцать минут главный врач Н-ской клиники, известный гематолог Станишевский, сидел в самолёте. Сверхскоростной реактивный самолёт опережал идущее на запад Солнце.

Недолго думал и лебяженский кузнец Кизеров, прислушавшись к словам важного сообщения. Через две минуты бывалый солдат ворвался в сельсовет и крикнул председателю:

– Коль он живой, его доктор Минька, как меня, соберёт! А ну, шевелись, шевелись, гони телеграмму!!!

И уже выбежал на улицу известный харьковский, хирург. Он сел в присланный за ним автомобиль, а его жена кричала по телефону старшей операционной сестре:

– В Москву! Выходите скорее из дома. Семён Вениаминович поехал за вами по пути на аэродром!

А ответственный работник харьковского областного комитета партии, после разговора по телефону с Минько и передачи распоряжения начальнику аэродрома, перечитывал переданную по радио телеграмму, в которой значилось:

«Чистоозерский райком райисполком также обком партии и областной исполком передают и поддерживают просьбу знатного колхозника Фёдора Григорьевича

Кизерова о немедленном вылете в Москву доктора Семёна Вениаминовича Минько для оказания помощи...»

3

Жаркий августовский день кончался грозой. Над столицей остановились, опускаясь всё ниже, тяжёлые, тёмные тучи. В ранних сумерках темнели улицы. Первые порывы ветра уже рвали с деревьев пожелтелые листья, поднимали их вверх в коротких вихрях, бросали в стены домов.

Много людей стояло около Института Энергии. Они; молча смотрели на выбитые взрывом окна и ждали...

4

Фёдора Александровича перенесли в Экспериментальный Корпус. Он лежал на операционном столе а большой аудитории, в первом этаже. Те, которых он воспитал, без которых он не сделал бы и сотой доли того, что они сделали вместе, те, которые были частью его и частью которых был он, – толпились в коридорах и у входа. Они ушли, так как боялись своим дыханием – отнять у него воздух, столь необходимый сейчас его почти неподвижной груди.

Всё, чем располагала в те дни медицина, всё, что было в

столице, уже находилось в этом зале. И около Фёдора Александровича стояли, в белом, с лицами, закрытыми марлей, те, кто в медицине, значили столько же, сколько он значил в области энергетики. Все эти люди знали друг друга. Теперь один из них был на пороге смерти, и они должны были сохранить ему жизнь, которую у него хотели отнять.

Фёдор Александрович лежал почти обнажённым. Глаз не улавливал движения его широкой груди.

Неподвижное лицо с глубокими складками было очень спокойным, и странно молодым и могучим казалось его тело.

Из трёх пуль, поразивших Фёдора Александровича, одна прошла вблизи сердца, вторая нанесла сквозную рану кишечнику, а третья только скользнула по рёбрам.

Две срочные операции были окончены. Удачно. Бинты закрывали низ груди и живот. Эти раны не грозили теперь жизни, и люди в белом не думали больше о них.

Главное – это череп. Лучи Рентгена уже рассказали о том, как расположены осколки кости и где есть трещины.

Было ясно, что нужно вмешаться, но врачи ещё не всё решили. Ведь жизнь чуть теплилась, и так легко было неверным движением потушить слабый огонёк.

Станишевский поклялся, что привезённый им новый, ещё почти никому не известный, препарат проверен. Он добавил: «также на себе» и ввёл светлую жидкость в кровь Фёдору Александровичу. Павел Владиславович отвечал за дополнительных три часа жизни умирающего.

– Итак, кто будет оперировать? Пора, – сказал голос одного из старейших по знаниям.

Только что прибывший из Харькова хирург разрешил невысказанные сомнения:

– Позвольте мне, я ручаюсь за успех.

Он не сказал о многих сотнях солдатских голов, прошедших через его руки, – это было не нужно. Коллеги знали его...

Семён Вениаминович вскрыл черепные покровы и обнажил кость. Из-под его марлевой маски изредка слышалось:

– Мм... а... ещё... так... опять...

И он протягивал в сторону руку, в которую прибывшая с ним сестра без ошибки вкладывала нужный инструмент.

В абсолютно мёртвом молчании большой аудитории было ясно слышно только чьё-то тяжёлое, хриплое астматическое дыхание и глухой, отрывистый голос Минько, несравненного мастера:

– Да... вот... так... сюда... опять... опять сюда... Хорошо...

Станишевский слушал сердце раненого. Ещё немного... скоро можно будет закрыть драгоценную красно-белую кость, под которой много лет бил источник творчества.

Последние минуты... Минько соединял черепные покровы и накладывал швы, а Станишевский широко улыбался под марлевой маской:

– Он будет жить!

Когда врачи снимали Фёдора Александровича с операционного стола, один из консультировавших при операции, известный генерал-лейтенант медицинской службы, вышел вместе со Степановым к телефону в ближайшей к аудитории комнате.

Через несколько минут оба вернулись с серьёзными, взволнованными лицами. Зычный бас учёного в почётных погонах службы здравоохранения Советской Армии пророкотал:

– Товарищи, я прошу внимания! – и, когда все лица повернулись к нему, продолжал:

– Сейчас... я сообщил Председателю Совета Министров о том, что жизнь Фёдора Александровича вне опасности! Он ответил мне, что... – сильный голос учёного дрогнул и прервался. Он закончил с усилием: – ...он благодарил! Доктор Минько, Председатель поручил мне пожать вашу руку.

...Через час один из членов Правительства выступил по радио. Он говорил о советском народе, о его бесчисленных достойных сынах, о великом пути в будущее и о насущных задачах.

Народ внимательно слушал. И не только в Советской стране. Внимательно слушали очень многие люди в самых дальних странах. Далеко не каждый мог бы сказать точно, что

значил в науке академик и что он сделал для народа. Здесь было другое: знали, что Фёдор Александрович – один из стоящих в советском строю солдат науки.

Глава шестая

ИХ ЛИЦО

1

Есть сокровища, которых у человека не отнять. Любые испытания выдержит тот, кто служит высокой идее, кто признаёт себя частью народа. Это богатство истинное, никто не в силах его похитить, а муки и страдания только увеличивают его. Все знают такие примеры, их много – и в давних днях, и в близком прошлом нашего народа. Это – наш свет, это – жизнь.

Каждому же из шести арестованных оказалось достаточно только одной ночи, проведённой наедине с собой! Каждый из них обнаружил изумительную словоохотливость и память. Для следователей это были весьма лёгкие допросы. Да, они, отщепенцы, с того времени, когда были людьми, сохранили только два признака человека – голос и память. Стенографистки ломали остро отточенные карандаши и спешили сменять одна другую, покрывая длинные, узкие ленты бумаги стремительными крючками.

Седьмой – «инженер Щербиненко», он же мистер Бэрбон, профессиональный вор чужих имён, отказался дать показа-

ния. Он заявил о своей неприкосновенности и экстерриториальности. Его оставили в покое – пусть пока поговорит сам с собой. Щербиненко и Заклинкин были арестованы немногим позднее первой пятёрки.

А шестеро говорили и говорили, длинно, бесконечно. Говорили всё – и нужное следователям, и не нужное никому. Они выдавали всё и всех. Они пытались ползать и осквернять кожу чужих сапог постыдным гноем своих глаз. Ведь они нежно любят себя! У них очень тонкая, чувствительная кожа, – у них у самих, не у других! И что бы с ними ни было, они вопят до последней минуты: простите!

По долгу службы многие были обязаны выслушивать этих шестерых, смотреть им в лицо, задавать вопросы. И приходилось копаться в грязи, так как у каждого из предателей и убийц нашлось что солгать и что отрицать. Каждый из них хотел что-то смягчить.

Заклинкин упорно твердил:

– Нет, нет, что вы! Откуда вы взяли? Нет, я его не бил. Я не мог и подумать его ударить. Я только стоял у двери. Разве мог бы я ударить академика? Никогда!

И Заклинкин выл от ужаса, рыдал и клялся «всем святым».

В дальнейшем, уличаемый на очных ставках, прижатый к стене, он становился на колени и бормотал:

– Я не помню, я не знаю, я не признавал, что я делаю...

И в смертном ужасе он старался вывернуть всё, всё до по-

следней незначашей мелочи. Его спрашивали о поездке в Лебязье, и он ничего не скрыл.

Заклинкин цеплялся за допросы. Ему казалось, что пока он говорит и пока его слушают, есть ещё время для него!

И он выворачивал из себя каждое слышанное им когда-нибудь слово. Он рассказывал даже о том, что никто не мог бы никогда узнать. Так, он дал показание о посланном им из Лебязьего подложном письме и, слово в слово, воспроизвёл его гнусное содержание.

Весьма скоро заговорил и мистер Бэрбон. Бывший мистер Бэрбон! От профессионального вора чужих имён, под тяжестью неопровержимых улик, отказалось его правительство. Бэрбон, говоря на языке международного права, был выдан. Став человеком без родины, он начал «уточнять, дополнять и сообщать».

Уже на четвёртый день полученные показания дали возможность мёртвым узлом связать весьма многое, в том числе и события на степном озере, и покушение на Институт Энергии.

Что же остаётся сказать об убийцах и предателях?

«...Ввиду поступивших заявлений от национальных республик, от профсоюзов, от крестьянских организаций, а также от деятелей культуры о необходимости внести изменения в Указ об отмене смертной казни с тем, чтобы этот Указ не распространялся на изменников родины, шпионов

и подрывников-диверсантов, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. В виде изъятия из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года об отмене смертной казни, допустить применение к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам смертной казни как высшей меры наказания...»

2

В начале сентября дивно прекрасны дни в долине Рейна. Солнце щедро греет землю. А почва на территории бассейна старой реки отличная. Ведь здесь с древнейших времён происходили бесчисленные схватки, стычки, битвы, сражения. Это обширное кладбище. Войны оставили обильное удобрение. Старинное название этих мест – Блоодфельдт, что в переводе значит – поле крови. У местных виноделов есть жуткое поверье: лучшее вино даёт лоза, корни которой питает в земле труп человека...

И прекрасные соки собирает сентябрь в спеющих гроздьях; отменно изысканной, жирной пищей питаются виноградные лозы. Здесь родина знаменитых вин Западной Европы – рейнских вин.

Одна из красивейших местностей Западной Европы наполнена несчастными, лишёнными и настоящего и будущего, голодными, отчаявшимися людьми. Если не у всех погас-

ла надежда, если смотрят люди с надеждой туда, где восходит солнце, – то всё же здесь смерть косит, не разбирая, и правых и виноватых...

Сегодня – это место встречи иноземных захватчиков с предателями своих народов. И стоит замок на Рейне. Прочное гнездо переходило по наследству от одного хищника к другому. Нет дела замку до человеческого горя. Он жил и живёт человеческой кровью.

3

– Да, господа, для меня совершенно очевидно, что единственный деловой способ разрешить затруднения... Так сказать, кардинально разрешить... Да, и своевременно... Я не скрою, что последние события я считаю... как бы сказать... неудачными. Да...

Маленький человечек с длинным носом тянет слова. Это не значит, что он не уверен в себе. Он отлично знает, что хочет сказать. И он знает, что сколько бы он ни тянул нудное повторение, его будут слушать. Недаром же он председатель концерна, владеющего замком на Рейне! Недаром у него то, что называют «контрольный пакет» акций этого предприятия. Он, потомок дельцов и сам делец, может тянуть слова – когда нужно, он умеет решать сразу.

Он тянет слова и не смотрит ни на кого, но видит всех. Он хозяин! Трудно перечислить все его владения – они назы-

ваются «интересами»! Он имеет «интересы» во всех частях мира. Плантации и рудники, нефтяные вышки и мачты радиостанций, пшеница и железные дороги, каменный уголь и газетные издательства, производство пуговиц и заводы оружия – он везде! Он – воплощённая монополия, он хозяин, этот всемогущий гражданин западного континента. Он повелитель и этого Рейнского замка.

Каждого из присутствующих он может стереть с лица земли, холодно и спокойно, если этого потребуют его интересы. Все слушают его здесь – что он скажет:

– Да, неудачны... – скрипит хозяин.

Но он деловой человек. Он знает, что бессмысленно ссылаться на обстоятельства, даже если они складываются не так, как хотелось. Причины неудач – только в людях.

Хаггер кажется маленьким в присутствии хозяина. Что тот решит? Что скажет хозяин?

Вести из столицы Советского Союза вызывали у всех этих людей злобу и тревогу. Пусть не было кипящей воронки распадающейся материи на месте Института Энергии, пусть осуждённый на смерть учёный остался жив – это не так уж важно. Хуже то, что нависший, казалось, призрак международных осложнений только призраком и остался.

– Поведение нашего правительства... – начинает один из прибывших в замок на Рейне вместе с председателем концерна.

– Неудачно... – перебивает тягучий голос босса. – У него

нехватает мужества... – продолжает босс. – Обезьяна... ничего своего... подражает... коротконогий трус!

Все молчат. Хозяин сердится. Лучше помолчать, когда тот, кто умеет извлекать пользу для себя даже из визга свиньи, убиваемой на бойне, недоволен. Есть чем быть недовольным.

Но по мнению некоторых из числа присутствующих босс не совсем прав. Позиция оказалась слабой. А названный «коротконогим трусом», ставленник монополистического капитала, не мог поступить иначе. Времена меняются!

4

– Пусть говорит мистер Хаггер! – так сказал длинноносый, похожий одновременно на ворона и на лису, хозяин концерна. Теперь он не тянет слова. Это сказано резко, босс здесь для дела.

Хаггер – подчинённый, пусть говорит первым.

Хаггер встаёт. Он смотрит прямо перед собой маленькими, неморгающими глазками в красных веках, лишённых ресниц. Висят тяжёлые руки с поросшими рыжей шерстью пальцами. Голова, похожая на мумию, вставшую из древнего гроба, говорит:

– Мы можем дать поле площадью больше ста километров. Мы обработаем его в срок от двух до трёх минут. У нас готовы данные для ряда решающих городов Востока, начиная

с завтрашней ночи. Я не допускаю мысли, что те не определимые нами космические силы, которые мешали нашим опытам в малых масштабах, помешают нам при многократно увеличенной мощности нашего «М». Но если это и случится в отношении одного пункта, мы перейдем на другой. У нас очень большой выбор. Я гарантирую полный технический успех. Прошу выслушать дальше. Мы будем оперировать без помощи нашего Люкса. И нас не разгадают. Когда нас поймут, они будут уже разбиты. Да! Брошены на землю... Уничтожены... Прошу выслушать последнее. Нет смысла откладывать. Они могут уже догадываться о нашем существовании. О характере нашей силы – тоже. И о том, что им нужно готовиться, – тоже. Где мы находимся, они могут ещё не знать, но могут и узнать. Прошу – начать нашу войну!

Так говорил профессор, в прошлом тайный советник третьего рейха, господин Отто Юлиус Хаггер, счастливо уцелевший во время гибели рейха. Ныне – мистер Отто Ю. Хаггер.

Вновь великий поход на Восток. Горы трупов. Стёртые с лица земли нации. Торжество меча и покорной ему науки. А не благословлял ли из могилы своего достойного ученика Гельмут Карл Бернард, господин фельдмаршал, граф фон Мольтке? Ведь господин фельдмаршал так и говорил: «Война должна вестись не только против армии противника, не только против его военных объектов, но и против его морали, против его чести, против самых основ его существования!» Тотальная война.

Но мы предполагаем, что если существуют духи, то тень покойного фельдмаршала должна была благословлять не Хаггера, а его хозяев. Что такое сейчас «мистер» Хаггер? Наёмник! Не больше! Если и союзник, то второго, нет... третьего сорта. И граф Мольтке благословляет своих достойных последователей – граждан западного континента.

А истинный повелитель заокеанской страны смотрел на Хаггера и оценивал: «Настоящий человек! Дельный человек!» – И босс думал:

«...Все границы – к черту! Я устанавливаю мировое государство. Я навожу порядок и в собственном доме. Полная ликвидация устарелых бессмыслиц – конгрессов, сенатов, парламентов... Ведь говорили же этим идиотам раньше 1943 года! Я сам говорил им ещё до начала второй войны: поддержите Гитлера не полумерами, но по-настоящему, он только этого и хочет, он ищет хозяина! Нет! Они не сумели помешать России победить Гитлера. Теперь я всё сделаю. Это будет наш, настоящий порядок. В европейских и азиатских странах кишит полтора миллиарда людей. Моя война оставит не больше половины. И не давать оставшимся размножаться! И без этого достаточно людей. Уничтожить все национальные особенности и заменить их нашим образом жизни...» И в мечтах председателя концерна играют зловещие тени – они выползают из неизвестных могил, из зловонного пепла. Им уступает дорогу призрак щуплого фельдмаршала фон Мольтке. Тянется обгорелая рука отвратительней-

шего убийцы и самого гнусного врага человечества с первого дня его сознательного существования. Сам Шикльгрюбер-Гитлер сипит из-под опалённых усов:

– Убивайте! Убивайте! Это я освободил вас от совести! Только убивайте...

И босс кивает головой: Да, да, да!

* * *

– Пора начать! – поддержал Хаггера один из членов совета концерна.

– Я неоднократно обсуждал все технические вопросы с мистером Хаггером, – начал Томас Макнилл, – мы вполне согласны в отношении технических вопросов.

Хаггер повернулся в сторону Макнилла.

– Я обращаю ваше внимание на некоторые оговорки, – продолжал Макнилл. – Если мы не сразу получим нужный эффект... Я хочу сказать, что в последние два месяца не все наши заводы дают нам нужное. Причина известна всем. Поэтому же задерживается и строительство... – Макнилл назвал новый, вернее, реконструируемый концерном завод первичной переработки редких руд.

– Поэтому нужно начинать! – ответил член совета концерна.

Никому из них не хотелось говорить об особенно учащающихся забастовках и о неотвратимо нарастающем в обста-

новке общего недовольства кризисе.

– Именно поэтому, – продолжал член совета концерна, – нужно начать. Конфликт займёт силы, даст больше возможностей, больше уверенности, больше решимости нашим, как это сказать, органам власти...

– Наше атомное оружие! Как говорил один замечательный человек? А? Всё будет цело. Города, дороги, мосты, заводы, уголь, нефть и так далее. Нужны будут только могильщики, – сказал председатель концерна и он опять начал тянуть слова:

– Мы пошлём туда... могильщиками... этих наших... лишних... безработных... лёгкая работа... и безопасно... не нужно будет... давать им в руки... оружие...

5

С наступлением ночи Рейнский замок медленно высунул своё длинное, толстое жало. Оно встало над стенами, над высокой цитадельной башней и начало опускаться, показывая на Восток.

В колоссальное жерло заглянула Луна.

Там, на Луне, с её горами, кратерами и каменными пустынями, нет ничего, нужного человеку. Люди никогда и ничем не пользовались оттуда.

Нет, это неправда! Луна озаряла наши тёмные ночи и была благодетельницей времён, когда мы не умели ещё освещать по ночам наши дороги и поселения. Хищники не так были

страшны человеку в лунную ночь.

Своими меняющимися фазами Луна помогла нам разделить на двенадцать частей длинный год.

Некогда люди считали Луну воплощением девственных богинь, молились ночному светилу и приносили жертвы на её алтари.

Она же, посылая нам ночью отражённый свет Солнца, влияла на воды, поднимала приливы в океанах и говорила:

– День будет!

А сейчас ей предложили новую роль – быть трамплином для ног убийцы.

Глава седьмая

БУРЯ В МОРЕ СПОКОЙСТВИЯ

1

«Небесная пушка» прицеливалась. Необходимые трамплины для прыжка смертоносного потока «М» в нужное место Земли находились в эту ночь на поверхности лунной пустыни, называемой астрономами Морем Спокойствия. Расчёты указали нужное сочетание плоскостей на хорошо изученной лунной поверхности с тремя движениями – Земли, Луны и пушки. Отброшенный Луной на Землю поток «М» должен был поразить далёкий город с живущими в нём людьми, гражданами мирной Советской страны.

Привычная для владельцев замка обстановка сегодня была особенно напряжённой. Головы всех участников были снабжены приспособлениями, защищающими уши. Хаггер и Макнилл управляли «небесной пушкой». Трое руководителей концерна смотрели на экран. Сегодня телескоп работал без помощи «Люкса» и они видели искривлённые, острые тусклые камни. Близилась секунда, когда взаимное положение Земли, пушки и Луны даст возможность послать «М» в цель. И вот время пришло.

Последовательно отдавая приказы клавишами, убийцы вызвали «М», и он ринулся. Пушка начала едва ощутимо вибрировать. Массы самого тяжёлого на Земле вещества неотвратно проходили через трубы и подхватывались нарастающими магнитными полями. Атомы растворялись, становились тем, что мы называем энергией, пронизывающей пространство.

Вибрация «небесной пушки» всё увеличивалась. Камни на экране начали метаться. Казалось, что Луна тряслась и что крупная зыбь поднялась на Море Спокойствия.

Находившиеся около пушки испытывали ощущение дальнего звона тысяч колоколов. Раздирающий звук ввинчивался в кости и проникал в уши, преодолевая защиту. Все невольно широко открыли рты. Волосы встали дыбом, и в них с треском проскакивали искры. Токи пронизывали тела, и одежда сделалась твёрдой.

Но каждый испытывал прилив небывалой силы. Они летели вверх, – туда, к этим недоступным скалам, не знающим человека. А от них – вниз, раскрыв хищный клюв, растопырив кривые когти коршуна, вниз – на добычу! На свежую добычу! Впитаться в тело, только что бывшее живым, и наслаждаться властью!

Теперь вибрация пушки была настолько частой, что на экране был виден только дрожащий, неразличимый туман.

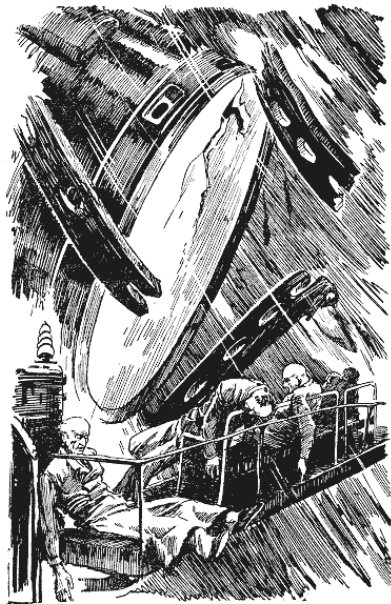
Хотя никто не мог его слышать, но Хаггер кричал: «Всё, всё! Всех, всех!» – В его руках была коса, и он, косец смер-

ти, косил и косил! Сто тысяч голов в секунду. Нет, ошибки быть не могло. Ведь мощность потока «М» была увеличена во много раз.

Шла уже третья минута. Четвёртая. Кто-то упал, не выдержав напряжения. Никто этого не заметил...

В конце пятой минуты вибрация «небесной пушки» прекратилась. И колокола умолкли. Сами собой! Нападение было окончено. Атака захлебнулась.

Но хищники, сидевшие около пушки, не могли этого понять. Тишина, наступившая здесь, пришла для машин вне воли их владельцев, так как у этих убийц уже не было ни воли, ни жизни. На экране ходили высокие волны. Море Спокойствия стало Морем Бури, но они не могли этого увидеть.

Разрываясь на тысячи частей, «небесная пушка» разваливалась тяжёлыми кусками.

Потом пришла смерть и для материи. Сначала стали сжиматься металлы. Твёрдые вещества уплотнялись, как газ под давлением. Разрываясь на тысячи частей, «небесная пушка» разваливалась тяжёлыми кусками. Уменьшался, рассыпался, исчезал стальной каркас, опора каменного черепа.

Куски пушки, упавшие во дворе замка, делались всё меньше и меньше, всё тяжелее и тяжелее. Они уже продавливали камень и погружались в него, как в трясину. За умирающим металлом пришла очередь камня. Череп подземного завода

прорезали трещины. Не удерживаемые стальным каркасом, каменные кости стали падать в хаос металла. Потом произошёл стремительный обвал. А вещество продолжало уменьшаться в объёме. Пустой возвышенности, на которой стоял старый Рейнский замок, больше не было. И по земле к Рейну побежала глубокая расселина.

2

Мы живём в такую эпоху, когда действие и образы опережают слова. Подумайте, ведь стрела – это кусок оперённого дерева с железным остриём, оружие давно прошедших лет и детская игрушка нашего времени. Но от слова «стрела» произошло современное понятие – выстрел. И вот мы называем выстрелом выбрасывание многотонного снаряда из двадцатиметрового ствола орудия силой сложнейших взрывчатых веществ, – силой, потрясающей тридцать тысяч тонн стального боевого корабля!

Мы называем птицей лётчика. Но ведь между ним и медленной птицей меньше сходства, чем между автомобилем и телегой.

Архимед просил дать ему точку опоры, обещая поднять Землю. Какой красноречивый образ нашёл древний математик и механик для теоретически беспредельной силы рычага! Но как он ощущал это произведение силы на плечо, как осознавал момент космического усилия, выбивающего

из орбиты планету! Какими словами выражал!

На заре современной науки средневековые алхимики писали на титульных листах своих книг: «*de omni re scibili et quibusdam aliis*», что значило: «о всём, доступном познанию, и о некоторых других вещах». Алхимики называли соединение элементов «брачным союзом», внося скромный образ быта в практику своих лабораторий. Они присутствовали при «браке Меркурия и Луны», как называлась ими ртутная амальгама серебра. Алхимики искали образы в древней мифологии греков, награждали металлы и минералы именами планет и богов, порой только пряча свою слабость под набором искажённых латинских слов.

Мы же научились иначе изображать жизнь вещества и энергии. Передо мной довольно распространённая научная книга. Её страницы заполнены рядами цифр и букв, латинских и греческих. Как много выражают эти цифры и буквы с помощью знаков математических действий: здесь даны не только объяснения работы, здесь решены задачи управления веществом и энергией. И каждый знак больше, чем слово, — он понятие.

А слов в книге мало. Слова служат только дополнением. Изредка они прерывают длинные ряды формул. Вот мы находим:

«Этой формулой и выражается связь между количеством M пара и температурой T при изменении состояния смеси. Чтобы вычислить работу, подставим

М в последнее уравнение».

Вновь следуют страницы формул, изредка прерываемые словом:

«Итак:»

А вот встречаем:

«Но Форрингтон предложил принимать постоянное значение для плотности. При этом получим:»

И новый ряд цифр оканчивается выводом:

«Отсюда видна ошибка Форрингтона».

Эта книга недавно издана моими друзьями Михаилом Андреевичем Степановым и Алексеем Фёдоровичем. Авторы дали в ней с большой точностью сложные воздействия тепловой энергии в промышленных установках и новые способы управления.

Хотя Фёдор Александрович был уже здоров, но я не хотел его беспокоить. Я встретился с молодыми. Мы довольно долго беседовали втроём в Малой аудитории Экспериментального Корпуса Института Энергии. Михаил Андреевич и Алексей Фёдорович поделились со мной происходившим в те памятные дни в районах горного хребта и на Красноставской Энергетической Станции Особого Назначения.

Кончался короткий зимний день. В сумерках уже стали голубыми большие окна аудитории и снег в глубине двора. Мы не включали лампы. Лунные лучи вошли к нам. По залу

передвигались медленные тени. Я смотрел на Луну. Михаил Андреевич тихо сказал:

– Они тогда должны были во много раз увеличить свою мощность. Мы на Красноставской сразу это поняли...

Воспоминания перенесли меня в недалёкое прошлое. В сентябре я проезжал по Германии и ночевал в городе вблизи от Рейна. Я уже собирался лечь спать, когда почувствовал толчок, так хорошо мне знакомый по моим путешествиям в сейсмических районах Азии. Я вышел на улицу.

Луна ярко освещала прямую асфальтированную дорогу и две аккуратные линии белых домиков по её сторонам. Толчок повторился. Был слышен характерный подземный гул. Из домов выбежали люди. Страшно кричала женщина:

– Война! Это война!

Толчки следовали один за другим. Подземный гул усиливался.

Лысый старик в чёрной сутане вопил, указывая на Луну:

– Было написано: будут знамения на небе и на земле! Смотрите! Трепещите, бойтесь гнева божия! На колени, грешники! Кайтесь, безбожники! Господь покарает вас за смуты, гордость, непокорство! Молитесь!

Кто-то яростно закричал в ответ:

– Молчи, чёрный ворон, или я проломлю тебе голову! Это провалилось проклятое логовище жёлтого Дьявола! Смотрите туда!

Иступлённый монах смолк. Все мы, повинувшись силе

убеждения, звучавшего в голосе человека, смотрели на Запад. Ещё вчера я издали любовался великолепным замком, прекрасным творением суровой готики. Он был изумительно красив на горизонте в лучах заходящего солнца. Он был далеко. Но с такой поразительной силой светила луна, что я видел разрыв в цепи возвышенностей. Замка же не было. И мы все слышали отдалённый грохот водопада.

* * *

Голос Михаила Андреевича вернул меня в Малую аудиторию Экспериментального Корпуса. Молодой учёный говорил:

– Ведь выбрасываемая ими энергия должна была встретиться и в пространстве и на лунной поверхности наш «щит». И началось необычайно бурное преобразование этого агрессивного потока. По свойству или, если хотите, по закону контакта с источником, что мы считаем характерным для избранных ими способов использования ядерной энергии, некоторая часть энергии как бы вернулась к своему источнику. Там начало происходить массовое изменение зарядов в системе тел, вращающихся вокруг ядер атомов. Возникла цепная ядерная реакция. Изменение структуры атомов вызвало чрезвычайное уплотнение вещества.

– Мы не знали, откуда они действуют, для нашего «щита» это не имеет значения, – сказал Алексей Фёдорович, – мы

поняли, где они находились, когда стали поступать сообщения о катастрофе в долине Рейна!

– Но скажите, друзья мои, что же вы думаете обо всём этом? – спросил я.

Михаил Андреевич встал. Я видел, как он пожал плечами.

– Я, вернее сказать, мы считаем, что в их расчётах было немало ошибок. Некоторые из нас сомневаются и в том, чтобы эффект воздействия на Землю путём использования Луны как промежуточного поля был бы достаточно сокрушителен. Хотя до сих пор у нас мнения по этому вопросу расходятся, откровенно говоря. Главное же здесь в другом: они пошли по пути увеличения количества плотности! Вот в чём дело. Старая дорога. Эти люди не были вооружены, как мы, материалистической диалектикой. Решали они механически, грубо увеличивали количество.

– Качественной стороной явления они пренебрегли. Наш «щит» построен на законе равенства действия и противодействия, который был также ими недостаточно учтён.

Михаил Андреевич подошёл ко мне:

– Вы помните первые три года после конца Великой Отечественной войны? Атомный террор и так далее? А? Ну вот, теперь вы улыбаетесь!

– Наш «щит» замечательно себя вёл! Как вы находите? – спросил меня Алексей Фёдорович, – а вы знаете, о чём здесь сейчас кое-кто подумывает? Воздействовать на нашего спутника! Так сказать, разбудить Луну! Пробудить её энергию!

А?

Этот вопрос был обращён к Степанову. Михаил Андреевич покачал головой:

– Да, меня порой занимает эта мысль. Но что это может дать людям? Сейчас мы заняты другим... Конечно, подобная проблема напрашивается и, через какое-то время...

Наш разговор прервал звонок телефона. Алексей Фёдорович поднял трубку:

– Да, это я, Верочка... Да... Я скоро вернусь... Ты хорошо себя чувствуешь?

Мы вышли вместе и простились на улице. Крепко морозило. Неугомонный город играл под ночную сурдинку свою неумолкающую симфонию. С дальнего вокзала донёсся настойчивый крик паровоза, требующего путь.

3

В ночь гибели замка на Рейне все астрономические обсерватории восточного полушария прекратили обычные наблюдения и направили свои телескопы на Луну. Там, в Море Спокойствия, происходили необычайные явления.

Каменная пустыня стала действительно морем. По нему ходили высокие волны, поднимались смерчи, сталкивались, падали, вновь вставали.

Буря распространялась. Она поднялась на окружавшие Море Спокойствия горы, закрыла их, перевалила через лун-

ные хребты и охватила соседние пустыни, носившие названия морей Кризисов, Ясности и Плодородия.

Невиданный и непонятный ураган бушевал на почти четвертой части лунной поверхности, обращённой к Земле.

Астрономы спорили у телескопов. На тысячах фотографий они спешили увековечить происходящее. Кое-где на обсерваториях началась паника.

На четвертой минуте смерчи слились воедино. Над волнами стал вытягиваться чудовищный конус. Он поднялся на колоссальную высоту и стоял, колеблясь, одетый белым сиянием, около трёх минут. Явление было ясно видно и невооружённым глазом. На восьмой минуте конус стал оседать и через двенадцать минут и семь секунд, считая от начала, буря на Луне прекратилась.

В ближайшие трое суток Земля получала могучие радиоволны, прервавшие нормальную связь. Теллурические токи препятствовали связи и по проводам. Магнитные бури затихли только в конце третьего месяца.

После бури орбита Луны несколько увеличилась. Минимальное расстояние от Земли до её спутника теперь составляет триста шестьдесят три тысячи километров, а максимальное равно четырёмстам шестнадцати тысячам километров. Земной спутник повернулся на пять градусов и пятнадцать секунд в отношении своей оси. Ныне спектральный анализ говорит о том, что на Луне появилась разреженная смесь кислорода и азота, окружающая нашего спутника по-

добьем земной атмосферы.

Подвергшиеся урагану места лунной поверхности изменили свои очертания. Горные хребты, разделявшие пустыни, названные земными астрономами морями, рассыпались. Четыре лунных моря слились. Поверхность нового моря была изборождена высокими, застывшими волнами. Земные астрономы исправили лунные карты и назвали новую громадную пустыню Морем Сентябрьской бури.

Многим из тех, кто наблюдал Великий Лунный Ураган, – так астрономы называли сентябрьскую бурю, – в причудливых волнах мерещились бесчисленные воины, мечущиеся и поражающие один другого в смертном бою.

В ту же ночь Рейн на один час и двадцать минут обмелел в своём нижнем течении. Русло реки обнажилось. Рыбы наполняли ямы и зарывались в ил в поисках спасения. Пароходы, буксиры, катера, баржи и лодки лежали на боку на внезапно обсохшем дне реки и ждали. Они должны были ждать, пока Рейн не наполнит глубокую пропасть, похоронившую возвышенность, где ещё вчера стоял так прочно, так непоколебимо один из самых красивых рыцарских замков, сохранившихся в Западной Европе с глухих времён средних веков.

ЭПИЛОГ

В числе других в вечер дня покушения был в Старом Корпусе Института Энергии молодой человек, начинающий скульптор, брат одного из преподавателей Института.

Глубоко потрясённый юноша слушал повесть, прочитанную по записям, начинавшимся на полу у телефонного аппарата в кабинете Фёдора Александровича. Простые, понятные знаки продолжали рассказ о человеке до верхних ступеней остатков широкой каменной лестницы, спускающейся в актовый зал.

Тело человека, написавшего своей кровью эту правдивую повесть, лежало в гробу. Но голова была закрыта. Нельзя было видеть того, что было в жизни лицом простого русского человека, Степана Семёновича, одного из технических служащих Института.

Молодой человек слышал, как между собой беседовали врачи. Кто-то сказал:

– Если бы я не видел своими глазами, я не поверил бы! Ведь он не мог даже дышать!

Врачи говорили о раздроблённом позвоночнике, об уничиженной нижней челюсти, о разбитой гортани и о других, необходимых для жизни органах человеческого тела. Многоопытный советский хирург, Семён Вениаминович, ответил своему коллеге:

– Мы иногда многого не знаем о пределах человеческой воли. Но мне доводилось быть свидетелем подобного...

И доктор Минько, точным языком специалиста, стал рассказывать о некоторых своих наблюдениях из опыта Великой Отечественной войны. Он вспоминал о бойцах, о солдатах, которые, будучи с точки зрения науки мёртвыми, ещё сражались, переходя за предел смерти.

Когда Семён Вениаминович умолк, заговорил Степанов:

– Да... если бы покойный не сделал этого, погиб бы Фёдор Александрович... И атомный пожар не удалось бы так быстро прервать, так как распад вещества начался бы в менее доступном месте. Покойный выбросил атомную бомбу в актовЫй зал... Он сумел вмешаться в действия врага и нарушил развитие его плана. Также и в этом его подвиг!

Молодому человеку посчастливилось. Он достал фотографию человека, о котором говорили.

Начинающий скульптор пришёл ночью в пустую мастерскую и долго подготавливал глину, думая о человеке – погибшем, но победившем Смерть.

Забыв о времени, забыв о себе, художник сминал всю ночь послушную массу, боролся с ней, искал... слёзы текли по его лицу, но он не замечал их.

* * *

Скульптор не заметил и рассвета, но когда взошло солнце

и осветило глину, на него уже смотрел образ героя – Степана Семёновича.

Тогда он написал на глине тонкой скульптурной лопаточкой несколько слов:

– Оружье слабого – бежать
И спрятаться скорей,
И торопиться забывать
О гибели друзей.

– Оружье сильного – любить,
Любить, не забывать,
Из рук застывших ношу взять
И на плечи поднять.

Обычай слабого – забыть,
Чтоб не мешали жить
Те, кто остался позади,
Чей жребий – трупом быть.

Обычай сильного – искать
В наследьи павших подтвержденье
Их дел, стремлений, убеждений,
Их мысли чаще повторять
И быть таким, чтоб их служенье
Во имя Жизни – утверждать.

* * *

Войдите в актовый зал Института Энергии. Наверху широкой каменной лестницы стоит бронзовая фигура Степана Семёновича. Он внимательно и строго смотрит на вас. На постаменте вы прочтёте две даты – день рождения и день смерти. А под ними слова:

...И быть таким, чтоб их служенье
Во имя Жизни – утверждать!

Бронзовая фигура героя – первая работа того самого скульптора, которого вы, конечно, знаете. Его произведения пользуются у нас заслуженной любовью, о нём говорят, что он понимает душу народа.

В доме с мезонином есть бюст Степана Семёновича работы того же скульптора. Мягкий белый мрамор нежнее звонкой плавленой бронзы, и здесь лицо кажется очень добрым. Фёдор Александрович смотрит на него и говорит:
– Я знал его таким!

* * *

Вы спрашиваете, а что же дальше? Я зам отвечу: – Дальше другие истории... А сейчас я слышу мерную поступь сталь-

ных легионов труда на мирных путях. Все наши друзья – в их рядах! Они идут на указанных им народом местах. Их поступь сильна и тверда. И они никогда не устанут, потому что идут в ногу с народом.

Пойдёмте с ними!

